

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**Лингвистика и межкультурная
коммуникация**

- лингвистика
- методика преподавания языков
- лингвокультурология
- межкультурная коммуникация
- концептология

Выпуск № 8, 2012 г.

УДК 800 : 37

ББК 81

Редакционная коллегия Научного Вестника:

Главный редактор издания – д-р техн. наук, проф. И.С.Суровцев;

канд. техн. наук, проф. В.Н. Семенов (зам. главного редактора), д-р техн. наук, проф. Ю.М. Борисов (зам. главного редактора), канд. техн. наук, доц. В.В.Власов (отв. секретарь), д-р техн. наук, проф. А.М. Болдырев, канд. арх-ры, проф. Ю.И. Кармазин, д-р техн. наук, проф. В.Н. Мелькумов, д-р эконом. наук, проф. А.Г. Макаров, д-р эконом. наук, проф. В.В. Гасилов, д-р техн. наук, проф. В.П. Подольский, д-р техн. наук, проф. Ю.Б. Потапов, д-р техн. наук, проф. В.С. Сафронов, д-р физ.-мат. наук, проф. П.А. Головинский

Редакционная коллегия серии:

Главный редактор серии д-р филол. наук, проф. Л.В. Ковалева

д-р филол. наук, проф. Л.М. Кольцова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, проф. Н.Н. Лапынина, канд. филол. наук, доц. О.В. Новикова, канд. филол. н., доц. Н.Б. Бугакова, канд. филол. наук, доц. Т.А. Воронова, ст. преп. О.М. Безатосная, ст. преп. Т.В. Суханова (отв. секретарь)

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации и методики преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:

394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,

д. 84, комн. 5203

тел: (473) 271-50-48

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово редактора серии.....	4
Лингвистика.....	5
Кольцова Л.М., Токмакова С.Е. Особенности употребления оценочной лексики в произведениях Н.В. Гоголя.....	5
Ревакина Т.Л. Интертекстуальная эстетическая значимость словесного знака в художественном тексте.....	12
Перцева Е.Н. Особенности языкового выражения русского национального характера в произведениях В.М. Шукшина.....	17
Дурова Е.Н. Об изосемическом и неизосемическом использовании предложений со значением процессуального состояния субъекта в русском и испанском языках.....	21
Методика преподавания языков.....	26
Новикова О.В. Система упражнений по обучению говорению.....	26
Намакштанская И.Е. [и др.] Исторический путь и современное состояние науки и образования в Швеции.....	30
Ревакина Т.Л., Шур В.В. Некоторые особенности интеграции иностранных курсантов в русскую речевую культуру.....	36
Кочнева М.Г. Способы выражения дополнения в английской технической литературе и его перевод на русский язык.....	40
Нгуен Фьонг Нгок, Чан Ван Зы. Актуальные проблемы при изучении русского языка иностранными студентами.....	44
Шлыкова А.А., Эльвия В. Методика обучения диминутивам на занятиях по русскому языку как иностранному.....	48
Лингвокультурология.....	52
Маслов В.Г. Говор Добринки.....	52
Сычева Л.В. Иносистемные элементы в языке произведений И.С. Шмелева.....	59
Недосейкин М.Н., Страхов И.И. Новозаветные мотивы в повести А. Камю «Посторонний».....	62
Панова М.В., Ульянова Д.В. Лексико-семантическая характеристика лексики обработки волокна в воронежских говорах.....	67
Межкультурная коммуникация.....	87
Воронова Т.А. Русские и английские фразеологизмы, включающие наименования домашних животных.....	87
Кочнева М.Г., Пашенко А.С. Сопоставительный анализ английских и немецких отглагольных существительных с суффиксом –ег и их русских эквивалентов.....	93
Листрова-Правда Т.Ю.[и др.] Фразеологизмы русского языка со словом «язык» на фоне арабских фразеологизмов.....	98
Концептология.....	105
Ковалева Л.В. Концепты и особенности их выражения во фразеологических системах разных языков мира.....	105
Бугакова Н.Б. Актуализация концепта «Великий пост» в языковой картине мира И.С. Шмелева.....	109
Суханова Т.В. Использование наименований мифологических существ для репрезентации концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой.....	114
Зиновьева О.А. Концепт «Петербург» в поэзии А.С. Пушкина.....	118
Аникушина М.В. Обусловленность когнитивно-дискурсивных особенностей проповеди ее функциональными свойствами.....	122
Правила оформления статей в Научном Вестнике.....	125

Вступительное слово главного редактора серии

Предлагаем вниманию читателей очередной, восьмой, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного Вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации и содержащий статьи, которые посвящены актуальным проблемам современных теоретических и практических лингвистических исследований.

Необходимо отметить, что авторами данного выпуска являются доктора, кандидаты наук, старшие преподаватели российских и украинских вузов, а также молодые ученые (аспиранты, соискатели).

Серия состоит из пяти разделов: *I - «Лингвистика», II - «Методика преподавания языков», III - «Лингвокультурология», IV – Межкультурная коммуникация», V – «Концептология».*

В разделе «*Лингвистика*» представлены статьи, в которых обсуждаются актуальные проблемы современной лингвистики (проф. Кольцова Л.М. и асп. Токмакова С.Е., доц. Ревякина Т.Л., ст. преп. Дурова Е.Н. и др.).

В разделе «*Методика преподавания языков*» рассматриваются проблемы повышения качества обучения иностранным языкам в техническом вузе (доц. Кочнева М.Г.), преподавания русского языка как иностранного (доц. Новикова О.В.), образования в зарубежных школах и вузах (проф. Намакштанская Н.Е.) и пр.

Раздел «*Лингвокультурология*» включает работы проф. Маслова В.Г., который анализирует историю заселения Хопёрского округа и особенности говора Добринки, ст. преп. Сычевой Л.В., которая рассматривает и анализирует принципы отбора и функционального использования иноязычных элементов в языке произведений И.С. Шмелёва и др.

В разделе «*Межкультурная коммуникация*» представлены работы доц. Вороновой Т.А и проф. Листровой-Правды Т.Ю., посвященные сопоставительному анализу фразеологизмов в русском и английском и русском и арабском языках.

Раздел «*Концептология*» посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, становлению и развитию когнитивной лингвистики, проблемам формирования концептов. Данный раздел представлен работами проф. Ковалевой Л.В., доц. Бугаковой Н.Б., ст. преп. Сухановой Т.В. и другими.

Представленные в восьмом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр актуальных проблем современной лингвистики, лингвокультурологии, методики и межкультурной коммуникации.

*Зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации,
д.ф.н., проф. Ковалева Л.В.*

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373.72

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка Кольцова Л.М.
аспирантка кафедры русского языка
Токмакова С.Е.
Тел. + 79515626887
E-mail: adnanhabe4@yahoo.com*

*Voronezh state university
D-r of philological sciences, professor
Koltsova L.M.
Post-graduate student of the chair of Russian
language Tokmakova S.E.
Tel. + 79515626887
E-mail: adnanhabe4@yahoo.com*

Л.М. Кольцова, С.Е. Токмакова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена особенностям оценочной лексики в произведениях Н.В. Гоголя, выявлению и анализу их дополнительных значений. Также в работе рассматриваются литературные приемы, в которых используются оценочные единицы (алогизм и энантиосемия).

Ключевые слова: оценочная лексика, Гоголь, анализ, дополнительные значения.

L.M. Koltsova, S.E. Tokmakova

THE SPECIFICITY OF USAGE OF THE EVALUATING LEXICAL UNITS IN N.V. GOGOL'S WORKS

The article is devoted to the specificity of usage of the evaluating lexical units in N.V. Gogol's works, to the detection and analysis of their connotations. The work also concerns literary devices which include evaluating lexical units.

Key words: evaluating lexical units, Gogol, analysis, connotations.

*И каждый народ, носящий в себе залог
сил, полный творящих способностей души,
своей яркой особенностью и других даров
бога, своеобразно отличился каждый сво-
им собственным словом, которым, выра-
жая какой ни есть предмет, отражает в
выраженьи его часть собственного своего
характера.
Н.В. Гоголь*

Проблема языковой оценки издавна стояла перед исследователями во многих аспектах: «Ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» [8].

В лингвистике под оценкой понимают «суждение о ценностях». Оценка, по мнению Е.М. Вольф, подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший или плохой». Под ценностью при этом понимается всякий предмет любого интереса, желания, стремления и т.п. Интересно, что в философском словаре понятие «оценка» определяется как «акт выявления и обоснования моральной ценности тех или иных феноменов (поступков, намерений и пр.), из которых складывается сознательная человеческая деятельность. В системе нравственных отношений оценка выполняет главным образом роль моральной санкции, социальная значимость и эффективность которой определяется реальным весом морали среди других факторов, детерминирующих человеческое поведение. Всякая конкретная оценка представляет собой применение некоторого общего морального положения (принципа, нормы, идеала, постулата, критерия) к частной ситуации» [9]. Нравственность и мораль занимают ведущую позицию в произведениях Н.В. Гоголя. Некоторые слова в тексте приобретают новые, не всегда легко уловимые читателем и даже исследователем смысловые оттенки, имеющие важное эстетическое значение. В то время как обращение к словарям иногда безрезультативно, поскольку словарь отмечает наиболее статичные, частотные значения слов, но каждый художник имеет собственное представление о предметах и явлениях действительности, которое отражается с помощью словесной организации текста.

Интересно в произведениях Н.В. Гоголя употребление слов со значением «возрастная характеристика».

Рассмотрим несколько примеров:

«Гражданское строение наше произошло от потрясения, от того богатырского потрясения всего государства, которое произвел царь-преобразователь, когда воля бога вложила ему мысль ввести молодой народ свой в круг европейских государств и вдруг познакомиться его со всем, что ни добыла себе Европа долгими годами кровавых борений и страданий.» [Н. В. Гоголь. *Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)*]

В данном примере слово *молодой* имеет следующее значение:

Молодой – передовой, прогрессивный. Здесь Н.В. Гоголь говорит о молодом поколении людей, способных к прогрессивным для общества преобразованиям и свершениям.

А вот пожилых людей, т.е. стариков, наделяет иными чертами:

«Он, как старик, ворчит и ропчет; ему всё не мило; всё переменилось около него; тихо враждует он с прибрежными горами, лесами, лугами и несет на них жалобу в Черное море.» [Н. В. Гоголь. *Страшная месть (1831-1832)*].

Таким образом, в данном примере мы находим употребление слова *старик* с отрицательным значением. На это указывает те оценочные слова (ворчит и ропчет), которые составляют смысловую доминанту предложения. При выстраивании логической цепочки высказывания получается: он ворчит и ропчет, как старик, т.е. старик всегда ворчит и ропчет. Из данного утверждения получается, что *старик* – пожилой человек, озлобленный по причине «неудовольствия» собственной жизнью.

«Когда же есаул поднял иконы, вдруг всё лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копьё, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак старик.» [Н. В. Гоголь. *Страшная месть (1831-1832)*]

Как мы видим, молодое поколение у Н.В. Гоголя оценивается с положительной точки зрения, а пожилые люди в некоторых произведениях несут отрицательный оценочный знак, современность Н.В. Гоголю не представляется «правильной»:

«Ибо не признает современный суд, что равно чудны стекла, озирающие солнца и передающие движенья незамеченных насекомых; ибо не признает современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья; ибо не признает современный суд, что высокий восторженный

смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скomoroxa!» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

Анализируя данное предложение и ряд других, мы пришли к выводу, что *современность* – это промежуток времени, протекающего в данный момент, но не несущий ничего вечного, а значит и ценного, будущим поколениям. Другим интересным фактом является отношение героя, как и человека, к своему будущему, к восприятию чего-то нового, что может изменить его последующую жизнь. В будущем мы оцениваем наличие или отсутствие чего-либо, соответствие или несоответствие этого какой-либо из наших потребностей, конкретные черты желательных или нежелательных объектов, процессов, явлений, траекторию и параметры движения отдалённых объектов, которые через некоторое время могут оказаться с нами в одной точке пространства-времени. Даже наиболее элементарные жизненные ситуации наполнены такими оценками. На завтра может оказать влияние то, что сегодня мы называем словом «новый». Что такое «новизна»? Это особая оценка – фиксация индивидом того факта, что о встреченном им объекте, процессе, явлении ранее у него информации не было. Свойством новизны способны обладать любые объекты, процессы, явления, какой бы природы они ни были. У понятия «новизна» два вектора смысла: новое как неизвестное и новое как обновлённое. На понятие «новизна» мы по-разному реагируем: новым-неизвестным мы интересуемся и познаем его как таковое, **новому-обновленному** мы радуемся, при встрече с **новым-неожиданным** мы вздрагиваем [6]. Рассмотрим несколько примеров:

*«Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был **новый** генерал-губернатор событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут переборки, распеканья, взбуктовыванья и всякие должностные похлбки, которыми угощает начальник своих подчиненных.» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]*

В данном примере мужчины встречаются с **новым-неожиданным**, что приводит их в скверное настроение. А следующий пример показывает встречу героя с **новым-обновленным**:

*«Остапа, сказавши: «Вот и **новый** атаман, а ведет войско так, как бы и старый!»...» [Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)]*

Как мы видим, должность предводителя не была отменена у казаков, а произошла всего лишь «замена» одного человека на другого, что не повлекло за собой серьезных изменений в структуре, а значит и в восприятии мира обществом.

Среди различных оценочных средств выражения, значительное место занимают единицы, соотносимые с оценками героя в портретном описании, как «речевом воплощении образа героя в художественном тексте» [12]. С другой стороны, оценочность является одной из наиболее универсальных функций словесного портрета, как одного из средств создания художественного образа, под которым понимается «комплекс избирательно-вовлеченных автором и отражающих телесность персонажа элементов, взаимодействие которых приобретает системный характер с целью фокусированного представления личности персонажа читателю» [10]. Само художественное произведение является формой выражения оценки окружающей действительности, в процессе характеристики тех или иных событий автором. По мнению Н.Д. Арутюновой, языковой образ человека является «нераздельным достоянием» оценки в ее разнообразных семантических интерпретациях [1]. «Рациональное ядро этого образа в картине мира дополняется разнообразными эмоциональными, оценочными, мифопоэтическими смыслами. Установление присущих той ли иной культуре оценочных и мифопоэтических представлений о человеке возможно на основе анализа языка этой культуры, прежде всего таких его единиц, как слова, фразеологизмы, свободные высказывания о человеке» [14]. Основанием оценок человека является соотнесение конкретного факта действительности с нормативными представлениями о нем [2]. В основе акта оценивания портрета персонажа как художественной модели реального конкретного человека лежит соотнесение данного объекта с нравственно-эстетическими требованиями, которые образуют стандарт

или эталон внешнего вида человека. Под эталоном понимается «обобщенное типизированное представление о лучших свойствах, качествах или признаках того или иного класса явлений» [11]. Выполняя оценочную функцию, портрет способствует более глубокому раскрытию персонажей и позволяет частично проникнуть вглубь авторских замыслов. Изучая языковые оценки человека, мы таким образом пытаемся осознать, систематизировать и описать их как факты обыденного сознания и национально-образного мышления, отраженные в языковой картине мира. Для демонстрации этих положений рассмотрим портреты героев, при описании которых используется оценочная лексика, выступающая нередко в качестве тропов (эпитеты или метафоры):

*Эти сильные черты, врезанные так глубоко, как не случается у человека; этот **горячий** бронзовый цвет лица; эта непомерная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самые широкие складки его азиатской одежды все, казалось, как будто говорило, что пред страстями, двигавшимися в этом теле, были бледны все страсти других людей. [Н. В. Гоголь. Портрет (1835)]*

При описании героя употребляется различная оценочная лексика. Но особо выделяется лексема «горячий». Следует отметить, что Н.В. Гоголь использует ее во многих контекстах:

*Цвет лица имел каленый, **горячий**, какой бывает на медном пятаке. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]*

Таким образом, герои, наделенные автором такой внешней характеристикой, отличаются особым цветом лица. В одном из примеров автор сравнивает его с цветом меди (медного пятака). Следовательно, зная, что цвет пятака желтовато-красный, рыжий, можно сделать вывод: у героев, имеющих такую «особенность» во внешности, сильный загар.

Горячий – имеющий цвет загара, т.е. желтовато-красный, рыжий.

Герои Н.В. Гоголя наделены и «особым» зрением:

*Облако уже и пропало; а неведомые черты еще резче выказывались и **острые** очи не отрывались от него. [Н. В. Гоголь. Страшная месть (1831-1832)]*

Острый – пронизывающий насквозь.

При описании людей писатель часто использует слово «живой». Рассмотрим несколько примеров:

*А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, **живой** и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как пашипорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, **Юдной** чертой обрисован ты с ног до головы! [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].*

О том, в каком значении употреблено слово «живой», можно понять по тем поясняющим лексемам компонентам, которые входят в состав предложения. «Не лезть за словом карман» – это фразеологизм, означающий находчивость в разговоре. Следовательно, живой – находчивый, способный к быстрому мыслительным действиям. Это подтверждает другая оценочная лексика, характеризующая «живой ум» (не высиживает, вlepливает сразу). Об этом свидетельствуют и другие предложения, в которых употреблена лексема «живой»:

*В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то **живой**, то задумчивый [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].*

В данном примере представлены контекстуальные антонимы (живой – задумчивый). Задумчивый человек, т.е. выражающий раздумье, размышление, представлен антиподом находчивого, т.е. сообразительного. Но, несмотря на это, данные два способа мышления, кажущиеся абсолютно противоположными, способны ужиться в одном человеке под пером Н.В. Гоголя. Таковым в произведении «Мертвые души» является Андрей Иванович Тентетников.

Читателей и критиков в произведениях Н.В. Гоголя поражают не только удивительно живые, красочные образы людей, но и поэтические картины украинской и русской природы, сочный, многоцветный язык. Для характеристики внешности и внутреннего мира своих ге-

роев Н.В. Гоголь применяет множество литературных приемов, среди которых алогизм играет ведущую роль в создании того искрометного юмора, беспощадной иронии, разящего сарказма, которые присущи только лишь произведениям пера великого мастера и художника человеческой души – Н.В. Гоголю.

В поэтике под алогизмом понимается литературный приём (стилистическая фигура), который характеризуется нарушением логических связей в литературной речи. «Алогизм тесно связан с абсурдом и нонсенсом. Разновидностями алогизма являются: несоответствие синтаксической и смысловой структуры речи; нарушение логической связи (логический разрыв) между речевыми оборотами, фразами, репликами, отдельными частями диалога; противопоставление предметов и свойств, не заключающих в себе ничего противоположного, или сопоставление предметов и свойств, лишённых всякого сходства; мнимое абсурдное умозаключение; разрушение причинных связей; движение речи по случайным ассоциациям; бессодержательное или бессмысленное высказывание» [7].

«Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках...» [Н. В. Гоголь].

Таким образом, происходит абсурдное сравнение внутреннего мира Ивана Ивановича с внешним видом Ивана Никифоровича, что свидетельствует о противопоставлении свойств, не заключающих в себе ничего противоположного, что несет в себе сатирический эффект.

Алогизм может быть заключен и в диалоге, который характеризует его участников:

«А я бы мог всему помочь; я знаю одно средство, вернейшее средство. Какое? Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что все пойдет как по маслу: науки возвысятся, торговля подыметя, золотой век настанет в России. Чичиков глядел на него пристально и думал: «Что же? с этим, кажется, чиниться нечего». Не отлагая дела в дальний ящик, он объяснил полковнику тут же, что так и так: имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем таких-то крепостей». [Н. В. Гоголь. *Мертвые души (1842)*] Герой считает основным средством для достижения в России золотого века только лишь «одеть всех до одного». В этих строчках кроется разящая ирония, направленная против чиновников. Н.В. Гоголь беспощадно раскрывает перед нами недалёковидность и глупость человека. Только Мастер мог это сделать настолько тонко и непринужденно, вложив всю убийственную характеристику героя в его же собственные уста. Рассмотрим другой пример:

*«Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси» [Н. В. Гоголь. *Ревизор (1836)*].*

В этом предложении значение слова «умный» - обладающий умом, выраженный умом, имеет полностью противоположное значение. Это происходит из-за сочетаемости этого слова, имеющего положительную оценку, со словом и словосочетанием, значение которых имеет отрицательную оценку. В произведениях Н.В. Гоголя очень часто в состав алогизма входят слова с оценочным значением. В следующем примере положительная оценка слова меняет свой знак на противоположный:

*«Зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время? Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана **хорошо**. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для составления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов» [Н. В. Гоголь. *Мертвые души (1842)*].* Реверсия знака связана с разрушением той логической цепочки, которая выстраивается при чтении: *воспитана хорошо -хорошее воспитание – пансион с тремя главными предметами: французский язык, фортепьяно и вязание кошельков*. Ведь компоненты этой цепочки в создании человека не являются однородными, поэтому одно не может быть следствием другого. Реверсия знака может наблюдаться не только при создании алогизма, но и при внутренней

антонимии слов – энантиосемии. Этот прием также часто встречается в произведениях Гоголя. Энантиосемия (от *греч.* *enantios* — противоположащий, противоположный + *sema* — знак) – развитие в слове антонимических значений, поляризация значений. Энантиосемия, совмещение в слове противоположных значений, «внутренняя антонимия», оценивается учеными по-разному: одни считают его непродуктивным явлением, «реликтом семантики древних корней» (Новиков), другие называют регулярным языковым явлением (Шмелев, Ермакова). [7]. Рассмотрим несколько примеров:

«*Видишь ли ты тот **старый**, развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою?*» [Н. В. Гоголь. *Вечера на хуторе близ Диканьки (1831-1832)*] В данном случае реализуется значение слова с отрицательной оценкой. Здесь «старый» – уже не действительный, негодный.

«*Знаете ли, сказать ли вам откровенно: я ваш **старый** друг, я об вас забочусь, мысли мои поминутно ворочаются около вас*» [Н. В. Гоголь. *Письма 1836-1841 гг. (1836-1841)*]. При данном словоупотреблении слово «старый» приобретает положительное значение.

Другим показательным примером энантиосемии является употребление в текстах Н.В. Гоголя слова «пустой»:

«*Увидевши возле них **пустой** стул, он тотчас его занял*» [Н. В. Гоголь. *Мертвые души (1842)*]. В данном случае слово имеет положительную оценку и реализуется в значении «ничем не заполненный, лишенный содержимого». Реверсию знака мы наблюдаем в следующем примере:

«*Он и сам тогда смекнет, что разорить полдеревни или пол-уезда затем, чтобы доставить хлеб столяру Гамбсу, есть вывод, который мог образоваться только в **пустой** голове эконома XIX века, а не в здоровой голове умного человека*» [Н. В. Гоголь. *Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)*]. Здесь слово «пустой» имеет переносное значение и трактуется как бессодержательный, глупый.

Но не все примеры энантиосемии в произведениях Н.В. Гоголя достаточно легко воспринимаются современными читателями:

«*Сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в **чистый** навоз, хоть разводил на них капусту, мука в подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль*» [Н. В. Гоголь. *Мертвые души (1842)*]. При рассмотрении этого примера на первый взгляд кажется, что семантика слова «чистый» при сопряжении с семантикой слова «навоз» имеет отрицательную оценку. Но не следует забывать о том, что оценочный план текста был рассчитан автором на поколение читателей – его современников, изменение смыслового содержания порождает иную эмоциональную реакцию на эту форму, которая с течением времени нередко становится противоположной авторской интенции. В XIX веке словосочетание «чистый навоз» имело строго положительную оценку.

«*Я лил потоки слез нежданных, И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден **чистый** был елей*» [Н. В. Гоголь. *Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)*]. Здесь положительная семантика слова, подразумеваемая автором, полностью совпадает с ее восприятием современным читателем.

Таким образом, слова с оценочным значением у Н.В. Гоголя способны не только приобретать особый семантический оттенок, но и быть самостоятельным стилистическим приемом. Алогизм и энантиосемия дарят нам этот искрометный юмор и разящий сарказм, присущие только лишь произведениям Н.В. Гоголя. Вулис А.З. по этому поводу пишет, что «в сущности, веселый юмористический смех – своеобразная защита от дурака, социальный фактор, отсеивающий те на первый взгляд непринципиальные ошибки и пороки, которые, стань они нормой, были бы настоящим бедствием» [4]. В основе энантиосемии, как известно, лежит поляризация значений. Не стоит забывать о том, что оценочный признак ряда слов и нормы их реализации в речи с течением времени могут изменяться, поэтому современный читатель часто нуждается в специальных комментариях. В противном случае происходит

обусловленный временным сдвигом оценочный дисконтакт, препятствующий адекватному восприятию художественных произведений Н.В. Гоголя, написанных в XIX веке, но не потерявших своей значимости и злободневности. Кроме того, отмеченные нами процессы алогизма и энантиосемии в современной речевой действительности, в том числе и художественной, становятся все более заметными и требуют нового осмысления.

Для исследователя подлинные художественные открытия Н.В. Гоголя в сфере лексики и семантики всегда будут таким же неисчерпаемым пространством научного поиска, каким представляется самому великому писателю русский язык, о котором он писал: «Перед вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его <...> В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь... только тогда, когда исследуете все уклонения, исключения, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности»[13].

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М., 1984. – 456 с.
2. Богуславский В. М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека: Автореф. дис... д-ра филол. наук. - М., 1995. - 53 с.
3. Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 320-329
4. Вулис А.З. Серьезность несерьезных ситуаций: сатира, приключения, детектив. – Ташкент, 1984. – 342 с.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: ТЕРРА, 1999.
6. Колесов Д.В. Оценка. – М-Воронеж, 2006. – 356 с.
7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева.— М. : Сов. энциклопедия, 1987. — 750 с.
8. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филол. науки. – 1996. – № 3. – С. 80–89.
9. Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки: Автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.04 / Марина Александровна Минина. - М., 1995. – 15 с.
10. Михайлова Е.В. Изучение словесного портрета в структуре художественного образа (на материале романа И.А. Гончарова «Обломов» / Е. В. Михайлова // Система работы над текстом в вузе и школе: Материалы проблемной группы. - СПб.: Невский проспект, 2002. - С. 45-54.

References

1. Arutjunova N.D. Axiology in life and language mechanisms // Problems of structural linguistics 1982. – М., 1984. – 456 p.
2. Boguslavsky V.M. Semantic classification of the figurative devices evaluating human appearance. - М., 1995. - 53 p.
3. Wolf E.M. Conditions and traits. Evaluation of conditions. // Semantic types of predicates. – М.: 1982. – P. 320-329.
4. Voulis A.Z. Seriousness of not serious situations: satire, adventures, detective story. – Tashkent, 1984. – 342p.

5. Gogol N.V. Collected works in 8 vol. – М.: 1999.
6. Kolesov D.V. Evaluation. – М. – Voronezh, 2006. – 356 p.
7. Literary encyclopaedia. – М.: 1987. — 750 p.
8. Markelova T.V. Interaction of evaluating and modal meanings in Russian language // Philological sciences. . – 1996. – № 3. – P. 80–89.
9. Minina M. A. Psycholinguistic analysis of evaluating semantic.– М., 1995. – 15 p.
10. Mikhailova E.V. Verbal portrait studies in structure of fiction image // System of textual studies at university and school. – SPb.: 2002. - P. 45-54.

УДК 808.2

<i>Воронежский государственный архитектурно-строительный университет</i>	<i>Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering</i>
<i>Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.</i>	<i>The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor Revyakina T. L.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48</i>	<i>Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48</i>

Т.Л. Ревякина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВЕСНОГО ЗНАКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования языковых единиц в семантическом пространстве интертекста, которые под влиянием прецедентных текстов приобретают особую, интертекстуальную, эстетическую значимость.

Ключевые слова: семантическое пространство, интертекст, словесный знак, художественный текст.

T. L. Revyakina

INTERTEXTUAL AESTHETIC VALUE OF VERBAL SIGN IN POETIC TEXT

The article concerns the specific function of language units in semantic space of the intertext and their special aesthetic value which is gained under the influence of the precedent texts.

Key words: semantic space, intertext, verbal sign, poetic text.

В художественном тексте все словесные единицы, даже употребленные в прямом значении, в соответствии с концепцией эстетической значимости словесного знака, обладают эстетической значимостью. При этом эстетическая значимость может быть разной степени: от минимальной до весьма высокой. В связи с разработкой названного вопроса весьма интересной представляется типология эстетических значимостей, предложенная О.В. Загорской [1]. Автор выделяет три типа эстетической значимости слова в художественном целом. Эстетическая значимость первой степени (минимальная эстетическая значимость) связана с качественным преобразованием единиц общенародного языка в единицы особой эстетической системы.

Она характеризуется «индивидуализацией значения слова, выражающейся в выборе определенного компонента значения или его оттенка, необходимых для создания художественной системы произведения, и отсутствием семантических сдвигов и «приращений смысла». Вторая степень эстетической значимости характеризуется расширением семантической структуры слова, приобретением им новых оттенков и «приращений смысла». Третья, максимальная, степень эстетической значимости связана с приобретением словесными единицами в художественном тексте собственно эстетических значений. Словесные знаки названной степени эстетической значимости концентрируют в себе специфические «приращения смысла» своего контекстуального окружения и «максимально актуализируются на фоне словесного материала, лишенного семантических сдвигов». Таким образом, каждый элемент художественного целого является не просто индивидуальным, но и с необходимостью эстетически значимым [1].

В разных жанрах художественных текстов эстетическая значимость словесных знаков может создаваться и проявляться по-разному и в разной степени. Особенно емкой и яркой семантической осложненностью и эстетической значимостью обладает слово поэтическое.

Как показали проведенные исследования, под влиянием межтекстовых связей лексические единицы из поэтических произведений, входящих в книгу стихов О.Э.Мандельштама «Московские стихи», а также создаваемые на их основе художественные образы приобретают особую, интертекстуальную, семантическую осложненность, без учета которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

Интертекстуальная осложненность выступает как добавочная по отношению к исходной семантической осложненности словесных единиц в художественном целом и может проявляться в словесных знаках первой, второй и третьей степеней эстетической значимости.

Необходимо подчеркнуть, что степень интертекстуальной значимости элемента художественного текста в книге стихов О.Э. Мандельштама «Московские стихи» не зависит от степени обобщенности художественного образа и может быть свойственна любым типам художественных образов (метаобразам, символам, образам-интерферентам и даже единичным лексическим образам).

Особенно существенной интертекстуальная семантическая осложненность оказывается для словесных единиц третьей, максимальной, степени эстетической значимости (т. е. словесных единиц, полностью меняющих общепринятую семантику и развивающих в системе художественного целого символические значения), а также для метаобразов.

Приведенное положение относится ко всем основным метаобразам и символам, присутствующим в анализируемой книге стихов.

Так, например, семантическое наполнение символического образа «птица» в стихотворении «Не говори никому...» создается под влиянием межтекстовых связей данного стихотворения с прецедентными текстами из русской классической литературы и другими произведениями самого О.Э.Мандельштама. Именно интертекстуальные связи рождают такие семантические составляющие названного символического образа, как «свобода» и «вдохновение» (ср. у М.Ю.Лермонтова: Зачем не могу в *небесах* я *парить* / И одну лишь *свободу* любить?), формирующиеся на основе лексических единиц из прецедентных текстов А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова «небеса», «ветер», «вольный», «степной», «парить», «гулять». В значительной мере под влиянием интертекстуальных связей в символическом образе «птица» в анализируемом стихотворении О.Э.Мандельштама формируются и антонимические названным выше семантические составляющие «несвобода» и «обреченность» («Сижу за *решеткой* в *темнице* сырой / Вскормленный в *неволе* орел молодой»), в создании которых принимают участие словесные единицы не только из авторского, но и из прецедентных текстов «тюрьма», «темница», «неволя», «за решеткой», «крик», «никому», «никогда», «разомкнуть» («Не говори никому, / Все, что ты видел, забудь...»), а также метафорическое словосочетание «мелкая хвойная дрожь». Представляется возможным утверждать, что семантическая многоплановость и амбивалентность символического образа «птица» в анализируемой

книге стихов О.Э.Мандельштама, свойственная художественному идиостилю поэта и отражающая особенности его мировосприятия, является прежде всего результатом межтекстовых связей стихотворения «Не говори никому...» с прецедентными текстами и рождается в семантическом пространстве интертекста.

Весьма ярким примером приобретения художественным образом дополнительной интертекстуальной сложности является формирование семантики метаобраза «положение поэта в обществе» в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» Указанный метаобраз в данном стихотворении под влиянием межтекстовых связей с произведениями М.Ю.Лермонтова, А.С.Пушкина и самого О.Э.Мандельштама приобретает значение *изгнанник, наделенный даром пророчества и ясновидения*, которое формируется на основе семантических составляющих «потеря чести во имя служения обществу», «предательство», «одиночество», «смерть», «предвидение». Указанные семантические составляющие создаются в пространстве интертекста лексическими единицами, входящими в состав прецедентных и авторского текстов. Так, семантическая составляющая «потеря чести во имя служения обществу» рождается на основе лексических единиц «честь», «невольник» («Погиб поэт! – невольник чести», «Лишился ... чести своей»), «мечь» («С свинцом в груди и жаждой мести»), «лишиться», «доблесть» («За гремучую доблесть грядущих веков»), «высокое племя», «племя людей» («За высокое племя людей»). Семантическая составляющая «предательство» создается лексемами «трус» («Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы»), «обиды» («Позора мелочных обид»), «подлость», «клеветники», («Зачем он руку дал клеветникам ничтожным») «надменный» «завистливый», «коварный» («Вступил он в этот свет, завистливый и душный»). Семантическая составляющая «одиночество» репрезентируется лексическими единицами «один», «восстать», («Восстал он против мнений света / Один, как прежде...»), «гордый» («Поникнув гордой головой...»), словосочетаниями «лишиться чаши», «лишиться веселья» («Я лишился и чаши на пире отцов»). Семантическая составляющая «смерть» формируется на основе лексем, содержащих сему *гибели*: «век-волкодав», «кости», «кровавый», «убить» («Мне на плечи кидается век-волкодав»), «убийца», «пистолет», «погиб», «пал» («Его убийца хладнокровно навел удар...»). Семантическая составляющая «предвидение» создается лексическими единицами со значением *бессмертие*: «душа» («Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит»), «слава», «памятник», «жить», «не умру» («И славен буду я...», «Жив будет хоть один пиит», «Покуда на земле последний жив невольник»), «голубой», «краса», «звезда» («Чтоб сияли всю ночь голубые песцы»).

В стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...» значение метаобраза *предчувствие гибели* также в значительной степени формируется в результате межтекстовых связей и характеризуется интертекстуальной смысловой сложностью. Именно межтекстовые связи рождают основные семантические составляющие названного метаобраза: «враждебное человеку пространство», «нечистая сила», «хозяин нечистой силы», «смерть». Указанные семантические компоненты формируются через аллюзивные отсылки к произведению А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и репрезентируются лексическими единицами, входящими в состав авторского и прецедентного текстов. Так, семантическая составляющая «враждебное человеку пространство» образуется лексемами «лес», «кремлевский» («Татьяна в лес; медведь за нею...», «Там припомнят кремлевского горца...»). Семантическая составляющая «нечистая сила» репрезентируется словесными единицами «чудовища», «полужуравль», «полукот», «лай», «свист», «хлоп», «полулюди», «тонкошеи», «тараканьи глазища», «мяучит», «хнычет», «бабачит», «тычет» («Он играет услугами полулюдей...», «Тараканьи смеются глазища...», «Сидят чудовища кругом...», «Один в рогах с собачьей мордой...»). Семантическая составляющая «хозяин нечистой силы» создается лексемами «хозяин» («Он там хозяин, это ясно...»), «кремлевский горец», «грудь осетина», «он», «один» («Он один лишь бабачит и тычет...»), именами собственными Онегин, Евгений, а также имплицитно выраженным именем собственным Сталин. Семантическая составляющая «смерть» создается лексическими единицами «повержен», «казнь» (Что ни казнь у него – то малина...). Важ-

ную роль при осмыслении названного выше метаобраза играет метаобраз *сон*, в котором находит выражение русская фольклорная традиция предсказания реальности во сне.

Как показал анализ, дополнительная интертекстуальная осложненность свойственна и образам-интерферентам, функционирующим в анализируемой книге стихов О.Э. Мандельштама.

Ярким примером интертекстуальной семантической осложненности образа-интерферента под влиянием межтекстовых связей в поэтических произведениях О. Мандельштама является формирование образа-интерферента «чума» в стихотворениях «Дикая кошка – армянская речь...», «Я скажу тебе с последней прямою...», «Фаэтонщик». Семантика названного художественного образа создается в результате межтекстового взаимодействия стихотворений О.Э.Мандельштама с одной из «маленьких трагедий» А.С.Пушкина – «Пир во время чумы». Именно межтекстовые связи рождают семантические составляющие названного образа-интерферента: «бессмысленное существование», «гибель». Семантическая составляющая «бессмысленное существование» формируется на основе лексических образов «бредни», «срамота», «пустота», «нищета», «темная», «испуганный», «мрачный» («И бездны мрачной на краю...»), «безбожный» («Безбожные безумцы...»). Семантическая составляющая «гибель» создается словесными образами «кладбище» («Тихо все. Одно кладбище/ Не пустеет, не молчит»), «могилы», «смерть», «мертвые», «прах», «гроб» («Долго ль еще нам ходить по гроба?...»), «страх» («Было страшно, как во сне...»). Помимо названных лексических единиц в осмыслении образа-интерферента «чума» большую роль играет мотив пира («Мы со смертью пировали...», «Правит, душу веселя...», «Ангел Мэри, пей коктейли...», «Безбожный пир...»).

Как отмечалось выше, дополнительная интертекстуальная осложненность, рождающаяся в семантическом пространстве интертекста, может быть свойственна и отдельным лексическим образам.

Примером подобного семантического осложнения единиц художественного целого является интертекстуальное осложнение лексического образа «соната» в стихотворении «Жил Александр Герцевич...» Семантическое наполнение словесного образа «соната» также формируется существенным образом в результате аллюзивных отсылок названного стихотворения О.Э. Мандельштама к произведению М.Ю. Лермонтова «Молитва». Как показал анализ, именно межтекстовые связи создают особую семантическую составляющую указанного словесного образа – «опора, помогающая выжить». Указанная семантическая составляющая формируется на основе использования лексем с семой *чистота* «снег», «бриллиант», «чистый», «прелесть» («Как чистый бриллиант...») и подчеркивается эпитетами «чудная», «благодатная», «святая» («Есть сила благодатная...», «Святая прелесть в них...»). В осмыслении словесного образа «соната» большую роль также играет семантическая составляющая «трагическая действительность», репрезентируемая лексическими единицами «темно», «страшно», «вороньей» («На улице темно...», «Там хоть вороньей шубою / На вешалке висеть...»), «трудная», «бремя», «сомненье», «заверчено» («Заверчено давно... Чего там! Все равно.»).

Проведенные исследования позволяют утверждать, что в семантическом пространстве рассматриваемой книги стихов О.Э. Мандельштама интертекстуальная семантическая осложненность может быть свойственна и словесным единицам второй (средней) степени эстетической значимости, то есть словесным единицам общенародного языка, осложненным в системе художественного целого лишь некоторым «семантическим приращением» и сохраняющим свою общеязыковую семантику.

Так, например, в стихотворении «Не говори никому...», передающем тему несвободы, вынужденного творческого молчания, которая формируется в результате интертекстуальных связей стихотворения О.Э. Мандельштама с произведениями А.С. Пушкина («Узник») и М.Ю. Лермонтова («Желание»), словесные единицы со значением черного цвета – «чернильный», «черника» («Вспомнишь на даче осу, / Детский чернильный пенал / Или чернику в лесу...») приобретают дополнительные оттенки значения «мрачный», «безотрадный», «тяже-

лый». Отмеченная интертекстуальная осложненность приведенных словесных единиц возникает как результат их функционирования в семантическом пространстве интертекста.

Интертекстуальная семантическая осложненность может быть свойственна даже словесным единицам первой (минимальной) степени эстетической значимости, то есть общенародным словам в прямом значении, характеризующимся отсутствием семантических сдвигов и «приращений смысла», но участвующим в создании системы художественного целого.

Так, например, лексические единицы «жить», «страна», «речь», «горец», «пальцы», «гири», «слова» и др., употребленные в прямом значении в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...» под влиянием межтекстовых связей в семантическом пространстве интертекста не только участвуют в формировании семантики образов более высокой степени обобщенности («нечистая сила», «хозяин нечистой силы», «враждебное человеку пространство», «смерть»), но и приобретают семантические «отсветы» названных художественных образов, в первую очередь, основного метаобраза «предчувствие гибели». Отмеченное обстоятельство позволяет говорить о наличии у указанных выше лексических единиц первой степени эстетической значимости определенной семантической интертекстуальной осложненности.

Особенно наглядно примеры интертекстуальной семантической осложненности лексических единиц первой (минимальной) степени эстетической значимости наблюдаются при ритмико-интонационных аллюзиях. В подобных случаях каждый элемент текста не только непосредственно участвует в формировании структуры определенного произведения, но и способствует установлению межтекстовых связей этого произведения с прецедентными текстами и приобретает художественную значимость не только как элемент данного текста, но и как структурный элемент интертекста (см., например, стихотворение «Жил Александр Герцевич...», написанное 4-хстопным ямбом, как и лермонтовская «Молитва» или стихотворение «Фазтонщик», написанное 4-стопным хореем, как пушкинские «Бесы»).

Наличие в словесных единицах первой степени эстетической значимости дополнительной интертекстуальной осложненности может поддерживаться и усиливаться аллюзивными отсылками на основные аллитерации. Так, например, лексические единицы «гроба», «грибы», «роковой», «Грибоед», имеющие в стихотворении О.Э. Мандельштама «Дикая кошка – армянская речь...» первую степень эстетической значимости, приобретают дополнительное семантическое наслоение «смерть» в результате интертекстуальных связей с прозаическим произведением А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». Указанная семантическая осложненность подчеркивается аллитерацией на «г», «р», «б».

Таким образом, под влиянием межтекстовых связей лексические единицы из поэтических произведений, входящих в книгу стихов О.Э. Мандельштама «Московские стихи», а также создаваемые на их основе художественные образы приобретают особую, интертекстуальную, семантическую осложненность, без учета которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

Библиографический список

1. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте (на материале цикла стихотворений А.Блока «Снежная маска»): Дисс... канд. филол. наук / Ольга Владимировна Загоровская. - Воронеж, 1977. - 158 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. / М.Ю.Лермонтов. - М.: Правда, 1988. - Т.1. - 720 с.
3. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. - М.: Худож. лит., 1990. - Т.1. Стихотворения. - 638 с.
4. Пушкин А.С. Соч.: В 3-х тт. / А.С.Пушкин. - М.: Худож. лит., 1985. - Т.1. - 735 с.

References

1. Zagorovskaya O.V. Aesthetic function of language and aesthetic meaning of the word in poetic text. – Voronezh, 1977. – 158p.
2. Lermontov M.J. Works in 2 vol. – M.: 1988. – Vol.1. – 720 p.
3. Mandelstam O.E. Works in 2 vol. – M.: 1990. – Vol.1. Verse. – 638 p.
4. Pushkin A.S. Works in 3 vol. – M.: 1985. – Vol.1. – 735 p.

УДК 808.2:82-3Шу ББК 81.2 Рус:83

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Перцева Е.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer

Pertseva E.N.

Russia, Voronezh, tel. +7(472) 271-50-48;

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Е.Н. Перцева

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЧЕРТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

Статья посвящена проблеме изучения восприятия русского национального характера. На эмпирическом материале доказывается гипотеза о том, что преобладающими в русском национальном характере, по мнению В.М. Шукшина, являются положительные черты.

Ключевые слова: Шукшин, русский национальный характер, контент-анализ.

E.N. Pertseva

THE PECULIARITY OF VERBALIZATION OF THE TRAITS OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN V.M. SHUKSHIN'S WORKS

The article is devoted to the studies of perception of Russian national character. The author proves the hypothesis based on empirical data that positive traits prevail in Russian national character, according to V.M. Shukshin.

Key words: Shukshin, Russian national character, content-analysis.

Русский национальный характер неоднократно подвергался исследованию. О нем написана масса книг, множество ученых в своих трудах обращались к этому феномену, однако до настоящего времени проблема характера русской нации остается дискуссионной. Важным источником, позволяющим сделать выводы об особенностях национального характера, является литература, отражающая реалии действительности. В русской литературе от золотого века до современности показана целая галерея характеров, своеобразных, отличающихся своей индивидуальностью, но в то же время схожих своей «русскостью».

Рассмотрим, каким образом особенности русского национального характера показаны в некоторых произведениях В.М. Шукшина, с тем, чтобы сделать выводы о преобладании положительных или отрицательных черт в характере русского человека, по мнению автора.

Прежде чем перейти непосредственно к описаниям черт русского национального характера у героев В. М. Шукшина, необходимо пояснить, каким образом нами будет использован метод контент-анализа в применении к литературному тексту.

Контент - анализом называют метод сбора количественных данных об изучаемом явлении или процессе, содержащихся в документах. Под документом при этом понимается не только официальный текст (типа инструкции или правового закона), но все написанное или произнесенное [1].

Формализованность, систематизированность и строгость контент-анализа проявляется в следующем: прежде чем непосредственно анализировать текст, необходимо определить категории анализа. В нашем исследовании этими категориями будут являться некоторые черты русского национального характера, отмеченные В.М. Шукшиным. После того, как категории сформулированы, необходимо выбрать соответствующую единицу анализа — лингвистическую единицу речи или элемент содержания, служащие в тексте индикатором интересующих исследователя явлений.

Единицы анализа, взятые изолированно, могут быть не всегда правильно истолкованы, поэтому они рассматриваются на фоне более широких лингвистических или содержательных структур, указывающих на характер членения текста, в пределах которого идентифицируется присутствие или отсутствие единиц анализа — контекстуальных единиц. Затем устанавливается единица счета, т.е. количественная мера единицы анализа, позволяющая регистрировать частоту (регулярность) появления признака категории анализа в тексте. В нашем случае единицами счета будут являться словосочетания, определяющие содержание выделенных нами категорий. Удельный вес той или иной категории мы вычислим с помощью формулы:

$$K = \frac{\text{число единиц анализа, фиксирующих данную категорию}}{\text{общее число единиц анализа}}$$

где K- удельный вес категории [1].

Контент - анализ черт русского национального характера по произведениям В.М. Шукшина:

«Большая» душа:

Мысли от машин перескакивали на родную деревню, **начинала болеть душа.**

«Жена мужа в Париж провожала» [2].

Руки отвыкают от работы, **душа высыхает – бесплодно тратится** на мелкие, мстительные, едкие чувства.

«Жена мужа в Париж провожала» [2].

Ведь **она же болит, душа – то.** Зубы болят ночью, и то мы сломя голову бежим, а **с душой куда?**

«Ночью в бойлерной» [2].

- Но **у человека есть также – душа!** Вот она, здесь, - болит! – Максим показывал на грудь.

«Верую» [2].

Совестливость:

Неужели **не стыдно так жить?** – спросил Петр, – или уж тут про **совесть** говорить не приходится?!

«Там, вдали!» [2].

Стыдно было жениху с невестой, они трезвее других, **совестливее.**

«Осенью» [2].

Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, - это не жизнь, это что- то очень нелепое, **постыдное**, мерзкое...

«Жена мужа в Париж провожала» [2].

Профессору **стало** немного **стыдно** за свою строгость.

«Экзамен» [2].

Ему **стало совестно**, что поторопился: он в самом деле решил, что свояк хочет его ударить, когда потянулся с кулаком.

«Сваяк Сергей Сергеевич» [2].

Самокритичность:

Живем безалаберно – ничего с собой сделать не можем; пьем – гуляем – ничего с собой сделать не можем; блуд совершаем – опять **ничего с собой сделать не можем**.

«Беседы при ясной луне» [2].

Что **у нас за проклятое желание** угодить хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму – во что бы то ни стало!

«Обида» [2].

Ведь **мы сами** расплодили хамов, **сами** ; никто нам их не завез, не закинул на парашютах.

«Обида» [2].

Упрямство:

Большая нижняя челюсть его сильно выдавалась вперед, отчего даже и **вид у Мони был** крайне заносчивый и **упрямый**.

«Упорный» [2].

Вот уж что у него было, так это было: **если ему влетала в лоб какая-то идея**, то ли научиться играть на аккордеоне, то ли, как в прошлом году, отстоять в своем огороде семнадцать соток, не пятнадцать, как положено по закону, а семнадцать, как у них с бабкой, – то идея эта, какая в него вошла, подчиняла себе всего Моню: больше он ни о чем не мог думать, как о том, чтобы научиться на аккордеоне или не отдать сельсоветским эти несчастные две сотки земли, и **своего добивался**.

«Упорный» [2].

Если дело доходило до драки, – что частенько случалось среди ребят в те годы, – спуска не давал, стоял до конца; **он был очень упрямый, что задумает – сделает**.

«Там, вдали!» [2].

Вера в людей:

И та **неистребимая вера, что добрые люди помогут ей**, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние – это гибель, она знала.

«Материнское сердце» [2].

Поздно вечером она села в поезд и поехала. «Ничего, **добрые люди помогут**».

«Материнское сердце» [2].

Неистребимо жила в ней **вера в добрых людей**.

«Материнское сердце» [2].

Она **верила, что помогут**.

«Материнское сердце» [2].

Озлобленность:

Откуда она бралась, эта **злость, такая осмысленная, не четырнадцатилетняя, обидная?**

« Самолет» [2].

И пока шел он до автобусной станции, накопил столько **злости на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов**, что даже боль в голове поунылась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая **мстительная сила**. « Материнское сердце» [2].

Формула расчета удельного веса категорий анализа:

$$K = \frac{\text{число единиц анализа, фиксирующих данную категорию}}{\text{общее число единиц анализа}}$$

Где К – удельный вес категории анализа.

Таблица

Удельный вес категорий анализа (черт русского национального характера)

Категории анализа (черты русского национального характера)	По произведениям В. М. Шукшина
« Больная душа»	К = 0,17
Совестливость	К = 0,26
Самокритичность	К = 0,13
Упрямство	К = 0,17
Вера в людей	К = 0,17
Озлобленность	К = 0,09

Исходя из данных анализа, мы можем сделать вывод, что самыми «весомыми» чертами русского национального характера из перечисленных выше, по мнению В. М. Шукшина, являются прежде совестливость, затем наличие «больной» души, упорство и вера в людей. На основании сказанного выше мы можем сделать вывод, что характер русского человека показан В.М. Шукшиным в целом как положительный. Это может быть связано как с личным мнением писателя, так и с общественными идеологическими установками его времени.

Библиографический список

1. Григорьев С.И. Основы современной социологии/С.И.Григорьев.- Изд. Алтайского гос. ун-та. 2001. - 375 с.
2. Шукшин В.М.Собрание сочинений в 3 т.-М., 1985.

References

1. Grigoriev S.I. The principles of modern social science. – Barnaul, 2001. – 375 p.
2. Shukshin V.M. Collected works in 3 vol. – M.,1985.

УДК 811.161

*Воронежский государственный
университет
Ст. преподаватель кафедры русского
языка для иностранных учащихся ос-
новных факультетов ИМО ВГУ
Дурова Е.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-920-423-96-
60 (моб.).
E-mail: den-lena@yandex.ru*

*Voronezh State University
Senior instructor of Russian
Language for International Students Department
of the Voronezh State University
Durova E.N.
Russia, Voronezh, tel. 8-920-423-96-60.
E-mail: den-lena@yandex.ru*

Е.Н. Дурова

ОБ ИЗОСЕМИЧЕСКОМ И НЕИЗОСЕМИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье с использованием основных положений методики поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения рассматриваются изосемические и неизосемические способы выражения процессуального состояния субъекта в русском языке.

Ключевые слова: процессуальное состояние субъекта, семантико-функциональный сопоставительный синтаксис русского и испанского языков, категория личности / безличности.

E.N. Durova

ABOUT THE ISOSEMIC AND NON-ISOSEMIC EXPRESSION OF THE PROCESSUAL STATE OF THE SUBJECT IN RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES

The article presents the ways of isosemic and non-isosemic expression of the processual state of the subject in Russian, analyzed within the frame of the semantic-functional approach by means of multi-aspect methods.

Key words: procedural condition of the subject, semantic and functional comparative syntax of Russian and Spanish languages, the category of personality/ impersonality.

В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической, в которой центральное место занимает функциональный подход к описанию языков. Прагматический характер функционализма создает своеобразный переход от теоретического изучения языка к его практическому использованию, поэтому данное направление получает новое осмысление и развитие в рамках теории языка, лингводидактики, теории перевода. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса как системы, которая интегрирует все другие языковые уровни и единицы.

В рамках семантико-функционального синтаксиса описываются, главным образом, изосемические средства выражения процессуального состояния субъекта в разноструктурных языках – русском и испанском: *Я (не) сплю – Yo (no) duermo; Я (не) могу спать – Yo (no) puedo dormir; Мне (не) спится.* Состояние, понимаемое как «положение, в котором кто-либо находится, физиологическое самочувствие или настроение, расположение духа человека» [4, 209], является одним из центральных понятий не только в лингвистике, но и в различных других науках: философии, психологии, физиологии, культурологии, антропологии, истории.

Понятие «состояние» является онтологической и гносеологической философской категорией. Онтологической опорой для изучения видов состояния служат переживаемые человеком ощущения, изменения во внешности, характерные для конкретного состояния, изменения в поведении, в реакции на внешнюю среду (физиологическое, эмоциональное и др. подгруппы состояния). Гносеологический аспект состояния включает знания человека о том, как проявляется состояние.

Универсальность данной категории обуславливает широкий взгляд на состояние, носителями которого являются как живые, так и неживые предметы. Состояние рассматривается как отражение в языке представления об окружающем мире, а сам термин обозначает все его виды: стабильные, изменяющиеся, а также ситуации и явления действительности, связанные с понятием «состояние» [1, 136-138]. При узком подходе к состоянию относят определённую группу глаголов, обозначающих физическое, физиологическое, психическое состояние одушевлённого субъекта, т.е. внутренние процессы, происходящие в живых существах [2, 62].

Далее «состояние» подразделяется на две большие группы по признаку его процессуальности / непроцессуальности. Данное противопоставление обычно связывают с глагольным (*Я грущу; Мне грустит*) и неглагольным способом выражения предиката (*Мне грустно; Я грустен*). В нашей работе на материале русского и испанского языков рассматриваются средства выражения **процессуального** состояния, которое имеет динамический признак и выражается глаголом. Глагольные (вербальные) предложения со значением процессуального состояния рассматривались в работах Г.А. Золотовой, В.И. Казариной, В.Ю. Копрова и др.

В работах В.Ю. Копрова по **семантико-функциональному сопоставительному синтаксису** русского, английского и венгерского языков средства выражения состояния рассматриваются в составе предложений с инвариантной семантической структурой (ИСС) «субъект и его действие / состояние». В рамках данной ИСС выделяется вариантная семантическая структура «субъект-антропоним / зооним и его состояние»: *Я проголодался; Сегодня мне не работается*. В рамках данного подхода применяется методика поаспектной характеристики семантико-структурного устройства и функционирования предложения, которая заключается в выявлении состава и взаимодействия компонентов в каждом из семи аспектов: целевом, номинативном, предикативном, релятивно-номинативном, актуализирующем, эмоционально-экспрессивном и стилистическом [3, 5-64].

В центральном – **номинативном** – аспекте устройства предложения выделяются два его подаспекта: 1) ситуативно-структурный, в свете которого предложение рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации; 2) релятивно-структурный, в пределах которого исследуется вариативность категориально-грамматической семантики актантов в предложении того или иного типа.

В релятивно-структурном подаспекте в свете категорий личности / безличности и определённости / неопределённости (обобщённости) субъекта ядерными в обоих языках являются личные вербальные предложения со структурой $N_1 - V$. Для испанского языка характерны также предложения с составными глагольно-именными номинации $N_1 - V+N$, неизосемические вербальные предложения (обладания и локализации) и предложения других частеречных типов (герундиальные и партиципальные): $N_1 - \text{cop} - \text{Ger} / \text{Part}$. Процессуальное состояние субъекта выражается также одноактантными безличными вербальными предложениями со структурой $N_3 - V_{\text{imp. refl.}}$, которые свойственны русскому языку (*Мне (не) спится*).

В русском и испанском языках существуют эквивалентные **личные** конструкции. Ср.: *Все люди болеют, все люди стареют, все люди умирают...* (Л. Толстой). – *Todos los hombres enferman, todos los hombres envejecen, todos los hombres mueren*.

Известно, что конструкции различных семантико-структурных типов, кроме изосемической функции выражения своего типового значения, нередко выполняют другие, неизосемические функции, что представляет безусловный интерес для лингвистических исследований, а также должно учитываться в практике преподавания русского языка как иностранного.

I. Неизосемические предложения пространственной и временной локализации.

1. На периферии русских средств выражения процессуального состояния находятся предложения пространственной локализации, которые одновременно с основной семантикой выражают дополнительную информацию о процессуальном состоянии локализованного субъекта: *По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями* (А. Блок).

В испанском языке им соответствуют предложения с неполнозначными глаголами, выражающими значение локализации и состояния *estar* («находиться»), *ser* («быть»), *permanecer* («оставаться в каком-л. качестве»). Ср.: *Ta появилась сразу же, словно бы уже стояла там наготове, завёрнутая в одеяло* (М. Баконина). – *Y ella apareció en seguida, como si ya hubiera estado allí, envolviendo su cuerpo en una frazada.*

Иногда в испанском языке таким русским предложениям соответствуют предложения пространственной и временной локализации с глагольно-именными словосочетаниями (аналитическими формами), включающими неполнозначный глагол *estar* и существительное с предлогом (*de / en* и др.): *Киллер стоял, прислонившись к дверному косяку и засунув руки в карманы* (Б. Екимов). – *El gatillero estaba de pie, apoyado en el marco de la puerta y con las manos en los bolsillos.*

2. Многие русские изосемические личные предложения передаются на испанский язык неизосемическими локативными предложениями. В роли средства выражения «признака» признака (обстоятельственного компонента) в таких предложениях выступают существительные с предлогами, некоторые из которых именуются в испанских грамматиках «адвербиальными сочетаниями», так как они по функции соответствуют наречиям: *de pie* («стоя»), *en vela* («без сна»). Вслед за В.Ю. Копровым, мы придерживаемся следующего мнения. Поскольку семантико-синтаксическая структура предложения формируется одним или несколькими предметными актантами и только одним признаковым компонентом, ещё один компонент с номинацией «признака» признака по определению не может входить в номинативный минимум предложения. Следовательно, наречие, всегда предполагая существование в структуре предложения какого-либо «первичного», основного признакового компонента, выраженного той или иной номинативной частью речи, не образует особого частеречного типа предложений [3, 75-76]. В испанском языке в некоторых случаях подобные предложения без обстоятельственного компонента могут восприниматься как неполные, поскольку обстоятельственный компонент здесь компенсирует, дополняет лексически неполнозначные глаголы, составляя вместе с ними единый признаковый компонент: *Пока вы бодрствуете, пока ваш мозг занят, антипатия полей постоянна и неизменна* (А. Абрамов, С. Абрамов). – *Mientras usted esté en vela, mientras su cerebro esté ocupado, la antipatna de los campos permanece constante y sin cambio...*

3. Русским изосемическим безличным конструкциям в испанском языке соответствуют неизосемические личные конструкции обладания: *Не спится. Не могу* (А. Чехов) – *No tengo sueño. Me es imposible.*

4. Испанским изосемическим личным предложениям в русском языке могут соответствовать неизосемические вербальные предложения локализации N – (V) – p N с типовым значением «отношение между предметами». Инвариантная семантическая структура таких предложений включает два обязательных семантических актанта – субъект и локализатор, связанные отношением локализации: «субъект – локализация – локализатор». В глагольной позиции здесь находятся глаголы лексико-грамматического разряда локализации предмета во времени и пространстве (*быть, находиться, располагаться, висеть* и т.д.) [3, 258]. Такие предложения при неизосемическом использовании могут выражать и ИСС «субъект и его состояние»: *Le serna, sin embargo, tan f6cil escapar mientras la anciana dormita en su cuarto oscuro* (С. Fuentes). – *Впрочем, ей ничего не стоило бы сбежать, пока старуха пребывала в дрёме в своей берлоге; Nunca aproximés demasiado la sbmara a la gente, a los que lloran, sufren o pueden matarte* (А. Рйrez-Reverte). – *Никогда не подходи со своей камерой слишком близко к*

тому, кто **находится в муках**, плачет или может тебя убить.

5. Испанским неизосемическим предложениям локализации могут соответствовать русские изосемические личные вербальные предложения со значением процессуального состояния, что свидетельствует о тесной взаимосвязи семантико-функционального поля локализации с полем состояния: *Y si ahora que los granijas **estón en plena borrachera** se hiciese una salida, se podria hacer una matanza como si fuesen cerdos* (С. Santos). – *Если наступать сейчас, когда эти проходимцы **пьянствуют**, то можно устроить бойню, похожую на забой свиней*.

II. Неизосемические предложения обладания.

1. Русские изосемические личные вербальные предложения могут передаваться на испанский язык при помощи **неизосемических конструкций обладания**: *Народ **зябнет**, а они двери **настежь!*** (А. Чехов). – *¿Todos **tienen frío** y abren la puerta!*; *На этот раз не помешал ему никто, включая мужа, поскольку было известно, что он, когда надо, **спит** беспробудным сном* (М. Дурненков). – *Esta vez sin que nadie lo importunase; y menos el marido, pues era notorio que **¿iste tenia el sueco pesado** y aun con los ojos abiertos **sabna roncar como un bendito***.

2. Русским изосемическим безличным конструкциям в испанском языке соответствуют личные неизосемические конструкции локализации: *Бывает, мне несколько ночей подряд **не спится** и удаётся уснуть только к девяти утра* (И. Грошек). – *A veces **estoy** noches enteras en vela y sylo consigo dormir llegadas las nueve de la mañana*.

3. Испанским неизосемическим дваактантным посессивным конструкциям обладания в русском языке соответствуют изосемические личные предложения: – *Yo no **tengo secretos** – respondiy bruscamente* (L. Castro). – *«Я не **скрытничаю**», – резко ответил он; **¿Teníis frío, secor Capitán?*** (А. Рйrez-Reverte). – *Дрожите, капитан?*

4. В испанском языке процессуальное состояние может выражаться при помощи партиципальных предложений. Модель *estar + причастие* отражает древнейший этап развития предложения, в котором обозначалось состояние действия или процесса, которое имело место до развития субъектно-объектных отношений в индоевропейском понимании этого явления. Таким испанским предложениям в русском языке могут соответствовать **локативно-посессивные конструкции** типа «у кого есть что» (У + N2 – (V) – N). В позиции объекта употребляются имена, обозначающие внутреннее состояние субъекта (*бессонница, озноб, головокружение* и др.), таким образом, данная конструкция реализует не посессивное значение, а значение состояния. В подобных случаях конструкция обладания используется **неизосемически**, что свидетельствует о смежности семантико-функционального поля состояния и поля посессивности [3, 175]: *Ya te he dicho que yo no **sueco nunca**. No tienes **consideraciyn de mн**. **Estoy muy desvelada*** (J. Rulfo). – *Я уже говорила тебе, что никогда не сплю. Никакого ко мне уважения. У меня бессонница*.

III. К периферии средств выражения процессуального состояния относятся также личные предложения с глаголами, которые, называя состояние, одновременно характеризуют его: – *Нет, нет, – **задыхался** Лавров. – Края раны необходимо **шить*** (А. Беляев). – *No, no – **exclamy Lavrov sofocado** –. Los bordes de la herida hay que **coserlos**...* Зд.: *задыхаться = говорить задыхаясь; недоумевать = говорить недоумевая*. При переводе на испанский язык в подобных случаях фигурируют глаголы речи (*decir, exclamar, rogar, inquirir, afirmar* и др.) с обстоятельственными компонентами (*con testarudez, sofocado* и др.).

Анализ фактического материала показывает, что в обоих языках имеются как изосемические, так и неизосемические средства выражения процессуального состояния. В русском и испанском языках в качестве изосемических средств выражения состояния выступают личные вербальные предложения. Такие предложения являются наиболее характерными и регулярными средствами выражения процессуального состояния. Эти конструкции не исчерпывают всего многообразия форм данного семантико-функционального поля. При сопоставлении материала двух языков среди неизосемических средств выражения мы находим предло-

жения пространственной и временной локализации и предложения обладания.

Библиографический список

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – 2-е изд. исправленное / Г.А. Золотова. – М.: КомКнига, 2005. – 352 с.
2. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании) : монография / В.И. Казарина. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – 225 с.
3. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж : Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. (МАС) / [под ред. А.П. Евгеньевой] // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 795 с.

References

1. Zolotova G.A. Essay on Russian functional syntax. – 2nd edition, revised / G.A. Zolotova. – M. : Dom Kniga, 2005. – 352 p.
2. Kazarina V.I. Syntactical concept of «State» in contemporary Russian (the issue of its formation) : monograph / V.I. Kazarina. – Yelets: YGU in the name of I.A. Bunina, 2002. – 225 c.
3. Koprov V.Y. Semantic-functional syntax of Russian language in comparison with English and Hungarian languages / V.Y. Koprov. – Voronezh : Publisher O.Y. Aleynikov, 2010. – 328 p.
4. Dictionary of Russian language : in 4 volumes / [edited by A.P. Evgenieva] // Russian Academy of Sciences. Institute of linguistic studies. – 4th edition, stereotype. – M. : Russian language, Poligrafresursy, 1999. – 795 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 808.2(1-87):371.32

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Новикова О.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;

e-mail: oljanovik@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor Novikova O.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;

e-mail: oljanovik@mail.ru

О.В. Новикова

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ОБУЧЕНИЮ ГОВОРЕНИЮ

В статье анализируются современные методы обучения устной речи иностранных студентов, обсуждаемые в методической литературе, и система наиболее эффективных упражнений по обучению говорению.

Ключевые слова: устная речь, говорение, методика, русский как иностранный.

SYSTEM OF THE EXERCISES ON TRAINING SPEAKING

O.V. Novikova

Modern methods of oral speech training of the foreign students and system of the most effective exercises on training speaking are analyzed.

Key words: oral speech, speaking, methodology, teaching Russian as a foreign language.

Устная речь является одним из важных компонентов в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку. Отсутствие полноценного общения затрудняет их нахождение в стране изучаемого языка и ведет к невозможности в целом процесса обучения.

На самом начальном этапе обучения устной речи уделяется особое внимание, используется принцип «устного опережения». Это значит, что студенты должны сначала заговорить, а уже потом научиться хорошо читать и писать.

Чтобы овладеть устной речью, необходим, в первую очередь, развитый слуховой и речевой аппарат, а также способность к смысловой догадке и прогнозированию, знание речевых клише, знание национальных стандартов поведения, знание типичных тем и их выражения в речи, умение «переключаться» на собеседника и включать его в разговор, знание речевых формул и т.д. [1]

Устная речь предполагает две стороны: аудирование и говорение. Остановимся подробнее на последнем. В учебниках («Время учить русский», «Дорога в Россию»), которыми мы пользуемся на занятиях, упражнения по обучению УР представлены в разной степени. Можно выделить 4 группы упражнений.

Технические упражнения предполагают формирование навыков правильного произношения звуков, их сочетаний, интонации (скороговорки, пословицы, фонетические упражнения) и тренировку оперативной памяти (многократное проговаривание слов, словосочетаний, предложений – упражнение «Снежный ком»).

Подобные имитативные упражнения требуют разработки артикуляционного аппарата, знания ритмических моделей слов и интонационных конструкций. Поэтому полезны специальные задания, тренирующие движения губ, языка, раскрытие рта. Опыт работы с иностранными студентами показывает, что эффективным приемом обучения является исполнение песни, которая и формирует навыки произношения, и тренирует память, заставляя запоминать необходимые речевые формулы, и снимает психологические барьеры.

Языковые упражнения (знание слов и грамматических форм) – это не только проговаривание и заучивание, но и анализ структуры слова и предложения. Наиболее эффективны упражнения, формирующие навык эквивалентных замен («Скажите по-другому»), прогнозирования («Составьте словосочетания», «Закончите предложение», «Из слов и словосочетаний составьте предложение»), умение ответить и задать вопрос («Восстановите вопрос или ответ»). К сожалению, в учебниках почти не встречаются задания на знание частей речи (типа «Разделите слова на 4 группы: что? кто? какой? как?»), структуры предложения («Постройте предложение по модели: Кто? делает что? как? где?») и структуры слова («Образуйте наречия от прилагательных, выделите суффикс»; «С помощью суффикса *-тель-* образуйте существительные со значением *человек*»). Последние упражнения особенно важны для развития потенциального словаря студентов.

Речевые упражнения предполагают соотношение речевых моделей и ситуаций, проигрывание ситуаций, автоматизацию навыков. Как правило, такие упражнения задают определенную ситуацию, в которой происходит диалог. Важно, чтобы эти ситуации были актуальны для студентов и охватывали весь круг их общения. Студенты составляют диалоги по предложенному образцу, меняя слова. Более сложными будут задания на восстановление реплики диалога, продолжение диалога, перевод монолога в диалог, составление диалога по картинке и т. п.

Коммуникативные упражнения (от смысла к фразе) – это перенос навыка на новые ситуации. Здесь от студентов требуется быстрая реакция при решении проблем, артистизм, догадка, реактивность. Коммуникативные упражнения – это творческие задания, например: подготовить диалог на тему «Как мы провели день»; составить анкету, провести опрос, подвести итоги; подготовить вопросы для интервью и провести его (с любым историческим, политическим деятелем, писателем или самим преподавателем). Для создания диалога предлагаются разные ситуации: 1) Вы хотите пойти в бассейн. Договоритесь, где и когда вы встречаетесь; 2) К вам приехал друг. Покажите ему Воронеж; 3) Вы едете в Москву в посольство. Узнайте, где оно находится и как туда добраться и т. д.

Ситуативность из важнейших принципов **коммуникативно-направленного метода обучения**, или **обучения в сотрудничестве** [2], который занимает ведущее место среди современных технологий обучения устной речи. Ситуативность как принцип означает, что все обучение говорению происходит на основе и при помощи ситуаций. Говорение есть выражение своих мыслей в целях решения задач общения. В связи с этим целью обучения следует считать не язык и не речь, а речевые ситуации.

По мнению методистов, главная проблема состоит в том, чтобы создать естественные ситуации в рамках учебного процесса, так как речевые единицы, произнесенные или воспринятые вне ситуации, не остаются в памяти, так как не являются значимыми для человека. В естественных ситуациях обучение протекает скрыто: обучаемый включает в свое поведение речевые действия на иностранном языке, не ставя перед собой такой цели. Однако главным препятствием к созданию естественных ситуаций общения в учебной обстановке является то, что обучаемый традиционно все, связанное с учебным процессом, относит к учебной активности. Для того, чтобы преодолеть это препятствие, преподаватель должен обладать способностью перевоплощаться из человека «обучающего» в человека «беседующего». Для этого нужно владеть техникой вербального и невербального общения, быть естественным, искренним, быть выразительным интонационно, в жестах, мимике, уметь двигаться во время обще-

ния, уметь слушать, уметь держать в поле зрения сразу несколько объектов, быть тактичным, доброжелательным.

Способы создания естественных ситуаций общения разнообразны: тексты, рисунки, фразеологизмы, пословицы и поговорки, музыкальные произведения и видеоматериалы. Так, одним из методических приемов является введение текстов со словесно не выраженными, подразумеваемыми сюжетными звеньями (яркий пример – анекдот) [3]. Преподаватель с помощью заранее продуманных вопросов побуждает студентов восполнить опущенные звенья текста тем содержанием, которое в них подразумевается. Например: – Ахмед, Вы опоздали на занятие.

– Извините, преподаватель, я сегодня проспал.

– Как? Вы и дома спите?

Суть содержания текста – то, что Ахмед на занятиях спит – словесно не выражена, она подразумевается. Можно задать вопросы: Почему преподаватель удивился, узнав, что Ахмед дома спит? Как Ахмед учится? Почему его не отчисляют из университета? В ответ мы получим естественную речевую реакцию.

Еще пример: – Сколько тебе лет, девочка?

– Когда я гуляю с папой, мне 11 лет, а когда с мамой – только 9.

Можно задать следующие вопросы: Сколько на самом деле девочке лет? Почему мама уменьшает ее возраст? Все ли женщины так делают?

Другим методическим приемом является предложение коммуникативно-педагогических ситуаций. Для их создания нужно пользоваться любым удобным случаем, даже при выполнении языковых и речевых упражнений. Например, при изучении грамматической модели «Кто что любит делать» (Антон любит курить) преподаватель может задать вопрос: А это хорошо или плохо? Почему? Возникшее коллективное обсуждение, приближающееся к естественному, активизирует устную речь, так как требует быстрой реакции и затрагивает «эго» учащихся.

Общение возникает в том случае, когда преподавателю удается с опорой на содержание вызвать различное отношение к одним и тем же вещам. Конечно, задание к любому упражнению можно сформулировать таким образом, чтобы оно выражало какой-либо стимул, побуждающий высказываться в процессе реальной коммуникации, тогда в центре внимания оказывается речевая, а не формально-грамматическая задача.

Работа с видеофильмами и видеосюжетами хороша тем, что позволяет преподавателю не только создать коммуникативные ситуации, приближенные к условиям реального общения, но и знакомит студентов с принятыми нормами речевого взаимодействия и особенностями коммуникативного поведения носителей изучаемого языка. Это дает возможность сделать урок более информативным, эффективным, познавательным и интересным [4].

Ситуативное обучение – это всегда коллективная работа. Поэтому наиболее эффективными формами обучения говорению являются ролевая игра, интервью, проблемные задания, составление инструкций, дискуссии и т. д. Ролевая игра обучает спонтанному говорению. В ее основе лежат суггестопедические принципы обучения – использование скрытых возможностей человеческой памяти. Когда студент говорит не от своего имени, а от имени вымышленного героя, происходит снятие коммуникативных барьеров, увеличивается объем речевой практики, появляются элементы неожиданности, которые характерны для реального спонтанного общения.

В методической литературе рассматривается еще один метод обучения говорению [5] – **центрированное обучение**, т. е. **самостоятельное приобретение знаний**; возникновение внутренних потребностей в саморазвитии, что формирует сознательность, активность, ответственность студентов и адекватную их самооценку. Например, урок с заменой преподавателя (занятие, организованное самими студентами).

Большое значение в обучении говорению имеет и внеаудиторная работа. Это также групповая форма организации, способствующая повышению мотивации к учению, повышающая деловой статус студента в коллективе, вносящая разнообразие в его жизнь.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз. Курсы, 2002.
2. Князева Т.Ю. Роль и значение моральных дилемм в развитии спонтанного беглого говорения на иностранном языке. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 3. – С. 35-41.
3. Савицкая Н.С., Даниленко Р.М. Использование аутентичных видеоматериалов при формировании навыков говорения на занятиях по иностранному языку. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 152-153.
4. Томилова В.М. Стратегия образовательной деятельности при обучении иностранным языкам. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 166-169.
5. Маркова О.В., Подгорская О. Н. Способы создания естественных ситуаций общения при обучении устной речи в вузе. // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2008. – № 5. – С. 143-145.
6. Науменко И.В. Ситуативность как один из главных принципов обучения говорению на иностранном языке // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2008. – № 7. – С. 105-108.
7. Стребкова Е. В. Замена преподавателя как вид самостоятельной работы студентов в обучении иностранному языку. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4 (11). – С. 147-149.
8. Шестакова О.А. Некоторые приемы обучения говорению на иностранном языке. // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2008. – Т. 5. – № 5. – С. 183-184.

References

1. Akishina A.A., Kagan O.E. Learning to teach: For the teacher of Russian as a foreign language. – M.: 2002.
2. Knyazeva T.J. Role and meaning of moral dilemmas in the development of spontaneous fluent speaking foreign language // The Herald of Tambov university. Liberal sciences. – 2009. – № 3. – P. 35-41.
3. Savitskaya N.S., Danilenko R.M. The usage of authentic video in formation of speaking skills at the lessons of foreign language // Philological sciences. Theoretical and practical questions. – 2011. – № 2. – P. 152-153.
4. Tomilova V.M. Educational strategy in teaching foreign language // Philological sciences. Theoretical and practical questions. – 2011. – № 2. – P. 166-169.
5. Markova O.V., Podgorskaya O.N. The ways to create natural communicative situations in teaching oral speech at universities. // The bulletin of Volgograd state technical university. – 2008. – № 5. – P. 143-145.
6. Naumenko I.V. Situation as one of the main principles of teaching speaking foreign language // Siberian economical and trade journal. – 2008. – № 7. – P. 105-108.
7. Strebkova E.V. The substitution of the teacher as a kind of students' independent work in teaching foreign language // Philological sciences. Theoretical and practical questions. – 2011. – № 4 (11). – P. 147-149.
8. Shestakova O.A. Some ways of teaching speaking foreign language // The bulletin of Volgograd state technical university. – 2008. – Vol. 5. – № 5. – P. 183-184.

УДК 37.01

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии Намакштанская И.Е.

Украина, г. Донецк, тел. (066)046-81-99;

e-mail: svitlicja@ukr.net

Российский университет дружбы народов

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, зам. декана аграрного факультета по научной работе Романова Е.В.

Россия, г. Москва, тел. 007-916-676-93-28;

e-mail: evroma2008@yandex.ru

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии Новикова Ю.Н.

Украина, г. Макеевка, тел. (095)202-79-81;

e-mail: svitlicja@ukr.net

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Старший лаборант кафедры прикладной лингвистики и этнологии Атанова Г.Ю.

Украина, г. Макеевка, тел. (093)876-92-11;

e-mail: svitlicja@ukr.net

Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture

The head of the department of applied linguistics and ethnology, candidate of philological sciences, professor Namakshtanskaya I.E.

Ukraine, Donetsk, tel. (066)046-81-99;

e-mail: svitlicja@ukr.net

Russian University of Friendship of the People The deputy dean of agrarian faculty on scientific work, candidate of agricultural sciences, assistant professor Romanova E.V.

Russia, Moscow, tel. 007-916-676-93-28;

e-mail: evroma2008@yandex.ru

Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture

The department of applied linguistics and ethnology, candidate of philological sciences, assistant professor Novikova Ju.N.

Ukraine, Makeevka, tel. (066)046-81-99;

e-mail: svitlicja@ukr.net

Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture

The department of applied linguistics and ethnology, senior laboratory assistant Atanova G.Ju.

Ukraine, Makeevka, tel. (093)876-92-11;

e-mail: svitlicja@ukr.net

И.Е. Намакштанская, Е.В. Романова, Ю.Н. Новикова, Г.Ю. Атанова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ШВЕЦИИ

Статья посвящена описанию истории развития и современного состояния науки, а также школьного и вузовского образования в Швеции. Особое внимание авторы акцентируют на эволюционном развитии научных идей в Швеции, а также на особенностях школьной педагогики и системы требований к организации и осуществлению учебного процесса в шведских вузах, определяя их место в современных процессах глобализации межкультурного пространства и гуманизации образования.

Ключевые слова: Швеция, наука, школа, гимназия, вальдорфская школа, интеграция, гуманизация образования, педагогика, межкультурная коммуникация.

I.E. Namakshtanskaya, E.V. Romanova, J.N. Novikova, G.J. Atanova

HISTORICAL WAY AND CURRENT STATE OF SCIENCE AND EDUCATION IN SWEDEN

This article is devoted to describing of history of development of modern science condition and school and university education in Switzerland. Special attention authors concentrate on evolutionary development of scientific ideas in Switzerland, also on particular qualities of school science and system of requirements to the organization and actual-

ization of educational process in Switzerland universities, determining their place in modern process of globalization in intercultural space and humanization of education.

Key words: Sweden, science, school, gymnasium, waldorf school, integration, humanization of education, teaching, cross-cultural communication.

В «Концепции гуманитарного развития Украины на период до 2020 года» приоритетным направлением национального культурного развития определена интеграция страны в мировое пространство, в связи с чем сегодня большое внимание уделяется активизации сотрудничества в гуманитарной сфере со странами мира, разработке и реализации отдельных программ, предусматривающих создание «общего украинско-европейского пространства науки, образования и культуры, гомогенизацию социальных стандартов» [1, 22]. Причем интеграция, как отмечается в «Белой книге по межкультурному диалогу», «понимается как двусторонний процесс и как способность людей жить рядом, уважая достоинства каждого, принципы общественного блага, плюрализм и разнообразие, на основах солидарности и отказа от насилия, а также их способность принимать участие в социальной, культурной, экономической и политической жизни» [2, 9]. Особое место в этом процессе, на наш взгляд, занимает взаимознакомление с культурными реалиями носителей разных национальных языков, что, в свою очередь, будет способствовать их взаимопониманию и взаимообогащению в процессе межкультурного диалога. Изучая же опыт и достижения одного народа, можно, «не изобретая велосипед», перенести его лучшие достижения на культурную, социальную, экологическую, образовательную и т.д. сферы развития других народов. Для примера обратимся к рассмотрению научного и образовательного потенциала Швеции.

Швеция сегодня – страна высоких технологий, которая на достаточно высоком уровне обеспечила своим гражданам социально, политически, культурно и экологически комфортную жизнь. Поэтому есть смысл пристальнее присмотреться к тем правилам, по которым живут, учатся и работают шведы.

В своей работе мы проанализируем развитие науки и образования в Швеции со времени «послекарловского» расцвета «полезных наук» и до наших дней, когда Швеция, согласно данным Мельбурнского университета (Австралия), заняла второе место (после США) по качеству высшего образования. Кстати, у Украины 25-е место, а остальные страны СНГ не вошли в ТОП-25 лучших стран для получения высшего образования [3].

Но, углубляясь в историю шведской образовательной системы, не будем забывать о том, что Карл XII был высокообразованным человеком: увлекался историей, иностранными языками, политикой, религиоведением, культурой Востока, философией, экономикой, географией, военными науками и математикой, на которую имел собственную точку зрения, – хотел изменить десятичную систему исчисления на систему «64», поскольку считал, что десятичная система не обеспечивает точного вычисления куба и квадрата [4, 10]. В это время в Швеции уже существовал университет в г. Уппсала – его по европейскому образцу открыли в 1477 году.

Позже университеты «стартовали» в городах Обо (Турку), Дерпте (Тарту), Лунде и Грейфсвальде. И одним из самых молодых университетов на сегодня является университет в Умео, основанный в 1965 году. Но эра расцвета научных исследований после смерти Карла XII началась с бурного развития «полезных наук» (математики, химии, физики и биологии) и продолжалась на протяжении 1719-1772 гг. [5]. В это время в науку приходят талантливые шведские ученые: Цельсий (изобретатель температурной шкалы) и Карл Линней (основатель системы классификации растений, животных и минералов).

Кстати, следует вспомнить и то, что книга Линнея о «сексуальной жизни растений» после опубликования в одночасье стала бестселлером. Поэты посвящали растениям свои стихи, художники писали картины, а придворные дамы посещали лекции по биологии.

Все общество заинтересовалось растительным и животным миром. Ученики К. Линнея разъезжают по миру, собирая данные о флоре и фауне Северной и Южной Америки, Сибири, Японии, Китая, Индии, Австралии и Ближнего Востока. Вспомним, кстати, что в это время Линней называет человека *Homo sapiens* (разумное существо) [5, 143].

Шведские ученые все делали для возрождения когда-то экономически и политически могучей Родины.

1739 год – год основания Королевской академии наук, перед которой ставится задание заниматься практическими разработками в области сельского хозяйства, торговли и производства. Результаты исследований в обязательном порядке доводились до сведения широких масс, что позволяло быстро внедрять новые открытия в жизнь.

В стране с двухмиллионным населением была создана развитая исследовательская база.

Кроме того, а науке происходили значительные интеграционные процессы: в Уппсалу приезжают иностранные (в том числе русские) ботаники, а в Петербурге начинают работать шведские ученые. Наиболее плодотворно почти до 1917 г. протекает сотрудничество в области астрономии, например, в исследованиях Пулковской обсерватории.

XVIII-XIX столетия приносят большую популярность фундаментальной шведской науке. Среди имен ученых этого времени прежде всего назовём следующие: Карл Вильгельм Шееле – химик, в лаборатории впервые получил чистый кислород; Йонс Якоб Берцелиус – создал таблицу веса атомов; Андерс Юнас Онгстрём – заложил основы спектрального анализа.

В конце XIX ст. в Швеции начинается индустриальная революция, что позволяет оперативно внедрять изобретения в практику всего мира. Наиболее известные новинки: шведские спички (сегодня это мощная компания *Swedish Match*, которая производит и продает странам мира, кроме спичек, зажигалки и строительные материалы); гаечный (разводной) ключ, молочный сепаратор (Густав де Лаваль), гребной винт (Юн Эрикссон), паровая турбина (Биргер Юнгстрём), шарикоподшипник (Свен Вингквист) и др.

На арене изобретателей появляется имя Альфреда Нобеля, который запатентовал 350 изобретений, главным из которых стал динамит. Нобель завещал все свое состояние (в 2004 г. Это было 1,4 млн дол.) на премиальные награды. До 2005 г. имущество фонда оценивалось в 3 миллиарда долларов. Предприниматель отобрал 4 шведских фонда, которые считал наименее коррумпированными, и учредил премии по физике, химии, физиологии / медицине, литературе и за укрепление мира во всем мире. Премия по экономике была введена с 1968 г.

Сегодня на науку и образование в Швеции выделяется из национального бюджета 4% (второй показатель после Израиля; Россия планирует в 2013 г. – 2,8%). Львиную долю вкладывают компании, которые заинтересованы в новых оригинальных и экономически выгодных разработках. Шведские ученые работают в таких отраслях, как транспортное оборудование, конструирование машин и механизмов (вспомним хотя бы автомобиль «Вольво»). Компания *Volvo* – крупнейший в Швеции производитель легковых автомобилей. Как *Volvo*, так и *Saab Automobile* широко известны безопасностью своих автомобилей. Компания *SKF* – ведущий мировой производитель стальных шарикоподшипников, а *SAAB-Scania* занимает второе место в Швеции по производству легковых автомобилей и выпускает также грузовики, автобусы и самолеты. На экспорт шведские компании производят, кроме названной продукции, буровые установки, оружие, бумагу и многое другое. Причем инвесторами научных разработок (которыми в большинстве случаев занимаются вузовские ученые), промышленного производства новых приборов и других технических новинок, а также торговыми партнерами Швеции сегодня являются США, Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция, Россия, Украина и скандинавские страны [6].

На наш взгляд, следует обратить внимание и на то, что шведские атташе по вопросам техники внимательно следят за развитием научных и технических разработок в одиннадцати представительствах в 10 странах мира и составляют ежегодные отчеты для промышленности

и руководства Швеции о новых достижениях и открытиях в мировой науке. Кстати, Организация атташе – наполовину государственное учреждение, финансируемое частично за счет субсидий Министерства промышленности, а также за счет доходов от работ по контракту. Шведские атташе по вопросам техники тесно связаны со шведской промышленностью и их деятельность ориентирована на промышленное исследование, разработку и внедрение технологий и технических новинок [6, 19].

Сегодня в Швеции бурно развиваются исследования в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий. Они проводятся во всех университетах Швеции, где в технопарках создан союз бизнеса, государства, образования и науки.

Швеция – мировой лидер в области информационных и компьютерных технологий. Она входит в группу ведущих стран мира по количеству разработанных и внедрённых в производство роботов. Всемирно известная компания Eriksson производит системы телекоммуникаций, комплексы электронных телефонных станций и подстанций АХЕ, а также мобильные телефоны.

А теперь обратимся, как говорится, к самым корням подготовки специалистов – от школьного обучения → к вузовскому образованию и далее к личности профессионалов высокого класса.

Школа

Образование в Швеции никогда не было привилегией богатых прослоек населения. Культуру и грамотность несли в общество шведские пасторы. Уже с 1723 г. родителям вменялось в обязанность в домашних условиях научить своих детей чтению, а с 1842 г. вводится обязательное школьное обучение. Тогда Европа называла Швецию «страной образованных голодранцев» [5, 152].

Сегодня страна имеет государственные и частные школы и гимназии, а в обществе господствует атмосфера всеобщей образованности населения. Шведское государственное образование разделено на два этапа.

Первый этап (ступень) – муниципальная девятилетняя школа, где дети начинают учиться с 6-7 лет. У учеников прежде всего воспитывают критическое мышление, чувство равноправия и партнерства. Оценки не выставляют, чтобы никого из учеников не унижать, уроки могут посещать родители. Учебники, тетради и другие школьные принадлежности для каждого ученика предоставляются бесплатно. Не оплачивают родители и школьные обеды, ежедневное меню которых в начале каждой недели печатают все муниципальные газеты. Все муниципалитеты имеют специальные учреждения типа школ продленного дня, где воспитатели помогают школьникам, родители которых заняты на работе, с пользой для своего развития провести вторую половину дня: посмотреть любимые фильмы, почитать, поиграть, перекусить и погулять на свежем воздухе. Плата за такую помощь для родителей достаточно низка и зависит от их платёжеспособности. С 7 класса начинается знакомство учеников с разными специальностями – дети проходят недельную практику на тех предприятиях, которые избирают самостоятельно в соответствии со своими интересами.

Среди частных можно назвать американские, французские и вальдорфские платные школы. Последние расположены в природных зонах за чертой города и работают по проекту австрийского философа и педагога Рудольфа Штайнера (1861-1925). Обучение в них осуществляется в течение двенадцати лет, причем дети учатся в них исключительно с первого до двенадцатого класса. «Вальдорфская педагогика – это педагогика духовного развития ребенка, его творческого потенциала, спиритуалистическая педагогика. В её основе лежат разработанные Р. Штайнером антропософские идеи, которые объединяют религиозно-философское восприятие с оккультно-мистическими взглядами, достижениями природоведения, эстетикой И. Гете и Ф. Шиллера» [7, 73]. Интересно отметить, что процесс духовного развития личности здесь связывается с физиологическим развитием организма ребёнка. У учеников интенсивно развиваются мышление, сила воли, способности к открытиям и трудовой деятельности, а также художественно-эстетическое восприятие мира. Оценки не выстав-

ляются, кроме итоговых – в 8-м и 12-м классах. Менторство педагога отменено полностью, т. к. отношения между учащимися и учителями строятся на взаимоуважении и взаимном доверии. Стоит отметить и то, что на территориях школ природный ландшафт сохраняется настолько, что не допускаются никакие «достижения индустриализации и технического прогресса» – нет ни электропроводок, ни кабелей, ни телевизионных тарелок (антенн) и т. д. Все здания школы по строительным материалам, окраске и конструкциям естественно «вписаны» в природу.

Шведская государственная школа также унаследовала многие положения и принципы педагогики Рудольфа Штайнера, среди которых, прежде всего, следует отметить высоко уважительное и бережное отношение учителей к личности ученика и воспитание его в сфере гуманистических основ образовательного процесса. Ведь «гуманизацию, то есть «очеловечивание» образования в наиболее общем плане можно охарактеризовать как построение отношений участников образовательного процесса на основе изменения стиля педагогического общения – от авторитарного до демократического, преодоление жесткого манипулирования сознанием воспитанников, практически индокринации учащихся и студентов – навязывания им стереотипов мышления, догм, не подлежащих критике» [7, 156]. Гуманизация образования направлена прежде всего на те положения педагогики, в которых заложены принципы уважения к личности воспитанника, формирования у него самостоятельности, на установление между педагогом и учащимся доверительных отношений. Эти идеи заложены и в учебной литературе – достаточно вспомнить в этом плане хотя бы полюбившуюся детворе всего мира книгу Сельмы Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции», которая фактически представляет собой шведский учебник географии.

В 8-9 кл. оценки выставляют, но не ниже тройки. Двоек нет совсем. Компьютеры особенно активно используются в старших классах – при изучении черчения, математики, физики, химии и информатики.

Следующий этап (ступень) обучения в Швеции – гимназии. Они есть в большинстве муниципалитетов. Все программы – 3-летние и вмещают разные курсы: по шведскому или английскому языкам, по математике, природоведению, обществоведению, религиоведению, искусству и физкультуре. Из 17 программ, которые предлагаются для изучения, 15 ориентированы на получение разных профессий и только две – на продолжение обучения в вузе.

Средний балл, полученный за знания в гимназии, – пропуск или преграда для продолжения учебы в высшем учебном заведении. С тройками и четверками поступить в вузы обычно не удастся (вступительных экзаменов нет). Однако балл можно повысить, если пройдешь дополнительное обучение на курсах (для тех, кому за 20 лет).

Существуют еще народные школы, где, кроме обязательных дисциплин, предлагают курсы по интересам – от музыки и искусства до экологии и религии. Успешно сдав экзамены по специальным тестам, куда входят задания по шведскому и английскому языкам, математике, логике и чтению, можно надеяться на продолжение учебы в университете. К этой услуге прибегают приблизительно 35% шведов.

В целом обычно третья часть учащихся продолжает свое обучение в вузах.

Высшее учебное заведение

Обучение в вузах бесплатное и продолжается на протяжении 4-х лет, а качество знаний студентов измеряется поинтами (баллами). После 2-х лет, сдав экзамен, студент завершает первый этап обучения. А после 3-х лет можно сдавать кандидатский экзамен на бакалавра по избранному направлению. По истечении 4-х лет обучения, если оно было успешным, можно получить почетное звание магистра.

Шведский академический год разделен на два семестра: осенний и весенний, первый длится с конца августа до середины января, а второй – с середины января до начала июня. Завершение курсов подтверждает система зачетов, где один зачет соответствует одной неделе занятий. Один год академических занятий (40 недель) – это 40 зачетов.

В процессе овладения студентами разными специальностями в шведском вузе большое внимание уделяется их самостоятельной работе и исследовательской деятельности. Обученные пытаются максимально приблизить к реальной жизни, и самостоятельная работа студента – не менее важна, чем посещение лекций и активная работа на практических занятиях.

В вузе, как и в школе, большое внимание уделяется партнерским отношениям «студент – преподаватель», поскольку студент – это будущий высококвалифицированный специалист, для подготовки которого государство нанимает на службу педагогов.

Проверку педагогических качеств преподавателей осуществляют как руководители вузов, представители АН Швеции, так и сами студенты, которые в конце каждого полугодия через анкеты оценивают работу своих преподавателей, их компетентность, педагогическое мастерство, умение поддерживать паритетные отношения с обучаемыми. Кроме того, студенты высказывают своё мнение относительно усовершенствования содержания каждой учебной дисциплины. Поскольку большинство студентов совмещают работу и учебу, в вузе создаются параллельные группы и каждый из обучающихся имеет право выбирать удобную ему по времени учебную группу, а также переходить из одной группы в другую, если работа преподавателя его не удовлетворяет – «нет прогресса в накоплении знаний», «неэффективны методы преподавания», «нетолерантные формы общения со студентом» и т. д. Однако и к работе студентов предъявляются жесткие требования, например, при непосещении по любым причинам 4-х занятий студент не имеет права приходить на зачет или экзамен, а должен повторить изучение дисциплины; зачеты и экзамены принимает преподаватель при обязательном присутствии представителя администрации учебного заведения, который беспристрастно оценивает приобретенные студентом знания, невзирая на его возраст (в шведские вузы студенты принимаются без ограничения возраста), состояние здоровья, темперамент или сиюминутное настроение.

Следует обратить внимание в шведской системе и на то, что студенты активно участвуют в разработке разного рода проектов, финансируемых компаниями и государством. Все вузы работают только с самыми современными приборами, в том числе и с компьютерной техникой. Большую популярность приобрело сегодня дистанционное обучение, когда студенты (как и ученики в школах) общаются с преподавателями через Internet. Поскольку научно-исследовательских институтов в стране немного, то учебные заведения имеют достаточно много заказов на исследовательскую деятельность.

В Швеции созданы технопарки, которые финансово укрепили союз науки, бизнеса, образования и производства. Кроме того, существует большое количество государственных и частных стипендиальных фондов, направленных на углубленное изучение студентами, в том числе и за границей, каких-либо научных проблем. На наш взгляд, здесь эффективно срабатывают заложенные и сформированные еще в школе основы творческих задатков молодого человека, ведь как отмечает украинский ученый Н. Богданова, «люди, способные к творчеству, легко адаптируются в любой социальной среде, жизненной и профессиональной ситуациях. Способности и возможности к адаптации присутствуют в них самих, в их умении абстрагироваться от второстепенных моментов, выделять основное и существенное, видеть интересное и перспективное, искать и находить возможные варианты разрешения проблем, сосредотачиваться на их реализации» [8, 53].

Для получения научного образования надо сдать кандидатский экзамен и успешно проучиться в аспирантуре в течение 4-х лет, написав и защитив после окончания аспирантуры диссертацию. Аспирантская стипендия достаточно весома, чтобы аспирант мог заниматься наукой, не отвлекаясь на подработки.

Таким образом, вписываясь сегодня в Болонскую систему обучения молодёжи, создавая для интенсификации научных исследований технопарки при вузах по опыту Швеции, США, России и других европейских стран, нам необходимо, не потеряв лучших достижений украинской педагогики, перенять всё лучшее, созданное мировой образовательной системой, поскольку, как сказал Премьер-министр Украины Н. Азаров, «если мы хотим подняться на ка-

чественно высший уровень, нам необходимо в абсолютно всех сферах нашей жизни поднять планку подготовки специалистов» [9].

Библиографический список

1. Концепція гуманітарного розвитку України на період до 2020 року / Проект. – Київ, 2011. – 45 с.
2. Біла книга з міжкультурного діалогу «Жити разом у рівності і гідності». – Київ: «Оранта», 2010. – 44 с.
3. Україна – серед найкращих за освітою // Урядовий кур'єр. – 2012. – № 85.
4. Карлссон Оса. Карл XII. – Стокгольм: Шведський інститут, 2002. – 60 с.
5. Иванов К., Смирнов А. Всё, что вы хотели знать о Швеции. – Стокгольм: Шведский институт, 2005. – 291 с.
6. Швеция. Огляд. – Стокгольм: Шведський інститут, 1996. – 19 с.
7. Энциклопедія освіти / Акад. пед. Наук України; головний редактор В.Г. Кремень. – К.: Орінком Інтер, 2008. – 1040 с.
8. Богданова Н. Проблема формування творчої особистості // Українська мова й література в сучасній школі. – 2012. – №1. – С. 53-57.
9. Україні потрібна IT-академія // Урядовий кур'єр. – 2012. – № 3.

УДК 808.2(1-87):371.32

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor
Revyakina T. L.*

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48

Т.Л. Ревякина, В.В. Щур

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ В РУССКУЮ РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ

В статье рассматривается актуальный в настоящее время вопрос интеграции иностранных граждан в русскую языковую и культурную среду, который связан с глобальной проблемой межкультурного взаимодействия в современном мире, процессы глобализации и объединения в котором становятся основой развития.

Ключевые слова: интеграция, языковая среда, межкультурное взаимодействие, иностранный язык.

T. L. Revyakina, V.V. Shchur

THE SPECIFICITY OF INTEGRATION OF FOREIGN CADETS INTO RUSSIAN SPEAKING CULTURE

The article concerns an up-to-date question of integration of foreign citizens into Russian speaking culture, which is connected with the worldwide problem of modern cross-cultural interaction.

Key words: integration, language environment, cross-cultural interaction, foreign language.

При изучении любого иностранного языка возникают определённые сложности, которые связаны с правильным произношением, усвоением грамматической системы, стилистических особенностей.

Как известно, язык связан с культурой народа и образом мыслей народа, поэтому если человек приезжает в другую страну на длительное время, то ему необходимо также узнать традиции этой страны. Национальные особенности общения могут привести к непониманию, к серьёзным ошибкам в восприятии тех или иных ситуаций, к неправильному пониманию мотивов людей.

Например, китаец может улыбаться, рассказывая о том, что у него умер родственник, но это не означает, что он веселится по этому поводу, он просто показывает, что это его личное горе и собеседник не должен из-за этого огорчаться. Японец не поймет вопрос русского: «Вы выходите на следующей остановке?» Он может ответить: «Какое ваше дело?» Он не понимает, что у русских это просьба. В Японии в подобном случае скажут громко, чтобы все слышали: «Я на следующей выхожу». Русского не поймут в Европе, если он спросит: «Сколько вы получаете?» или «За кого вы голосовали?». Эти вопросы там не принято задавать, они считаются глубоко личными, не подлежащими оглашению.

Национальные особенности проявляются и при восприятии рекламы. Известная европейская фармацевтическая компания решила поставить партию нового болеутоляющего препарата в арабские страны. Препарат хорошо раскупался в европейских странах, и все говорило о том, что и в другом регионе будет обеспечен успех. Для рекламы в Европе использовались три последовательные картинки: на первой – женщина, кричащая от боли, на второй – женщина принимает лекарство, на третьей – она в спокойном, довольном состоянии. Рекламу оставили в прежнем виде. Но через некоторое время обнаружилось, что препарат вообще не покупается. О том, что в арабских странах читают справа налево, в компании знали, но что это же относится и к картинкам – не подумали. Получился прямо противоположный эффект: женщина принимает лекарство, после чего кричит от боли.

Совокупность особенностей общения людей какой-либо национальности называется коммуникативным поведением народа, которое включает нормы общения и традиции общения. Конечно, каждый народ состоит из множества отдельных людей, каждый из которых имеет свои собственные коммуникативные привычки, но, говоря о народе в целом, можно выделить определенные черты коммуникативного поведения, считающиеся национальными [2].

Так, одной из ярких особенностей русского коммуникативного поведения является общительность. Русский человек получает удовольствие от общения. Он легко вступает в общение, легко знакомится с людьми, может заговорить с незнакомым человеком в транспорте, в очереди, на улице. В компании у русских не принято молчать, существует даже такое понятие «неловкое молчание». При этом общение часто происходит достаточно эмоционально [1].

Ещё одной особенностью русского общения считается тематическое разнообразие. То есть круг обсуждаемых тем очень широк. Жесткой закреплённости тем разговоров за ситуацией практически не существует, как у большинства европейских народов. И дома, и на работе русский человек может говорить обо всем. Он может звонить коллегам домой по служебным вопросам, а на работу по личным, может дома говорить о политике. Отличительной стороной русского общения является также бытовая неулыбчивость. Русские редко улыбаются на работе, клиентам, незнакомым людям. В отличие от многих

других народов, которые улыбаются из вежливости (улыбка у них – демонстрация вежливости), русские обычно исходят из того, что улыбка человека обязательно должна иметь какую-то причину и должна быть только искренней. Улыбка в русском общении выполняет иные функции, чем в других странах [3].

При описании коммуникативного поведения разных народов нельзя говорить, что то или иное качество является положительным или отрицательным. Просто эти качества отражают разные исторические условия развития, разницу в национальном укладе жизни, национальной психологии, национальном характере. В конкретных ситуациях общения некоторые национальные особенности коммуникативного поведения могут облегчать или, наоборот, затруднять решение тех или иных задач [5].

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения особенностей интеграции представителей иных национальностей в русскую речевую культуру для решения проблемы межкультурного взаимодействия в современном мире, процессы глобализации и объединения в котором становятся основой развития.

Русский язык традиционно считается одним из самых сложных для изучения. При этом представители различных языковых групп находят в нем определенные сложности.

Во-первых, русский алфавит, графика, система написания. Большинству иностранных курсантов совсем не знакома Кириллица. Им приходится усваивать не только фонетические особенности, но и графические. Система написания слева направо вызывает трудности у арабских курсантов.

Во-вторых, словарный состав русского языка очень велик. Ни один словарь не в состоянии зафиксировать его богатство. Например, в 17-томном «Словаре русского литературного языка» собрано 80 тысяч слов. Однако ни один человек не пользуется всеми словами русского языка. Активный запас взрослого человека равен примерно 7 - 8 тысячам слов. Для иностранца лексический минимум определяют в 3 тысячи слов.

В-третьих, в русском языке сложная грамматика. Например, иностранным курсантам трудно понять, почему в русском языке некоторые существительные мужского рода имеют окончания существительных женского рода (например, папа, бабушка). Какого рода слова *сирота*, *соня*, *пласа*, ведь они обозначают как лиц женского, так и мужского пола. Или, почему в предложениях в настоящем времени отсутствует глагол-связка *есть*, например «Я в университете».

В-четвертых, стилистические особенности слов и выражений. На занятиях курсанты изучают правильный литературный язык, отличающийся от разговорного, который они слышат за пределами университета. Курсанты же часто вообще употребляют молодежный сленг. Так, например возникают вопросы, отличаются ли по смыслу слова «понятно» и «понятненько», «хорошо» и «хорошенько», «ладно» и «ладненько». Обращения типа «солнце моё», «золото моё», «рыбка моя» уместны во всех ситуациях или так можно обращаться только к своей девушке. И почему можно сказать «мой котик», «моя рыбка», но нельзя сказать «моя собака» или «моя свинья».

Но самое главное – это русская культура. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, достигнутых народом в процессе исторического развития. Язык является зеркалом национальной культуры: он отражает, хранит и передает из поколения в поколение её ценности, которые усваиваются народом в процессе обучения и воспитания. У каждого народа свои традиции, свой образ мыслей, свои шутки и переживания. Поэтому мало просто усвоить слова и выражения, необходимо также знать так называемую «фоновую информацию». Постигание фоновой информации – важное условие правильного понимания и говорения. Иностранец, владеющий грамматическими нормами русского языка, но не знакомый с фоновым значением слов, всегда будет делать ошибки в речи и не понимать носителей языка. Например, слово «береза» имеет значение «лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями». Однако у этого слова есть ещё и богатое фоновое значение. Береза – одно из распространённых деревьев северного полушария, поэтому она испокон веков

связана с бытом русского человека. «Есть дерево об четыре дела: первое дело – мир освещает, другое дело – разбитому связь, третье дело – больных исцеляет, четвертое дело – чистоту соблюдает». Эта сложившаяся в народе мудрая загадка говорит о том, что нужно было знать о березе, чтобы ценить её. Береза освещала жилище (лучина), согревала его (березовые дрова), связывала разбитое гибкой корой (берестой), мыла (веник, с которым ходили в баню), лечила (березовый сок – целительный напиток, листья и кора выделяют особую ароматическую смолу). Из березовой коры делали сосуды и корзины, её использовали вместо бумаги для письма. В древние времена год начинался не ёлкой, а березой. Название первого месяца нового года было «берёзозол» (зеленая береза) – современный апрель. Девушки шли в лес и украшали березу лентами, венками, водили хороводы, пели. Русский народ всегда называл это дерево ласково: «белая березонька», «кудрявая», «стройная», «с сережками», как русская девушка. Таким образом, для русских береза – это символ родины, России. Для других народов береза не представляет собой такой ценности, а некоторым вообще не знают о ее существовании.

Фоновым значением обладают также вербальные и невербальные средства, входящие в понятие «этикет» – установленный, принятый порядок поведения. Например, жест прощания (взмах рукой), распространенный в России, в африканской стране Бурунди имеет совершенно противоположное значение (с помощью этого жеста человека просят, чтобы он подошел поближе).

Иностранцам, не обладающим определенными фоновыми знаниями, иногда очень сложно понять, как вести себя в той или иной ситуации. Например, во многих странах самым ласковым животным считается телёнок, а его глаза самыми красивыми, поэтому, если вы скажете девушке, что у неё «глаза как у телёнка» это будет самым большим комплиментом. А в России такой «комплимент» говорить не принято.

Проблема изучения коммуникативного поведения народа, а также проблема интеграции в русскую речевую культуру представителей других национальностей является весьма значимой для современного общества. Процессы глобализации вызывают необходимость перемещения жителей из одной страны в другую. При этом толерантность, умение адаптироваться к иной языковой и культурной среде являются основой безопасности.

Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, достигнутых народом в процессе исторического развития. Язык является зеркалом национальной культуры: он отражает, хранит и передает из поколения в поколение её ценности, которые усваиваются народом в процессе обучения и воспитания [4]. У каждого народа свои традиции, свой образ мыслей, свои шутки и переживания. Поэтому мало просто усвоить слова и выражения, необходимо также знать так называемую «фоновую информацию». Постигание фоновой информации – важное условие правильного понимания и говорения.

Таким образом, особенности интеграции в русскую речевую культуру состоят не только в необходимости изучения сложного русского языка, но и в необходимости знания русской культуры, которая проявляется в речевом общении.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет / А.А.Акишина, Н.И.Формановская. - М., 1987.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы / В.В.Воробьев. - М., 1997.
3. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. - М., 2004.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М.Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 2000.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г.Г.Слышкин. – М.: Academia, 2010.

References

1. Akishina A.A., Formanovskaya N.I. Russian speaking etiquette. – M., 1987.
2. Vorobiev V.V. Language and culture studies: Theory and methods. – M., 1997.
3. Kasianova K. On Russian national character. – M., 2004.
4. Lotman J.M. Semiosphere. – SPb.: 2000.
5. Slyshkin G.G. From the text to the symbol. Language and cultural concepts of the precedent texts. – M.: 2010.

УДК 802.0=03

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет – *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*
Кандидат педагогических наук, доцент – *The chair of foreign languages, candidate of ped.science, associate prof.*
кафедры иностранных языков – *Kochneva M.G.*
Кочнева М.Г.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)276-39-73 – *Russia, Voronezh, tel.+7(473)276-39-73*

М.Г. Кочнева

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваются способы узнавания, выражения и перевода на русский язык дополнений, используемых в технической литературе по специальности «Строительные и дорожные машины». Подчеркивается, что в данной специальности дополнения чаще всего выражаются существительными как с предлогами, так и без предлогов, числительными с существительными, герундием, инфинитивной конструкцией и т.д. Все случаи употребления дополнения демонстрируются примерами, заимствованными из технической литературы.

Ключевые слова: дополнения, английский язык, техническая литература, русский язык.

M.G. Kochneva

WAYS OF EXPRESSING THE OBJECT IN TECHNICAL REFERENCES AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article deals with the ways of identifying, expressing and translating the objects used in technical References of the speciality «Road-making and Construction Machinery». It is stressed that in technical References the objects are more often expressed by nouns both with prepositions and without them, numerals with nouns, the gerund and the Infinitive Construction, etc. All the phenomena are demonstrated by examples taken from technical References.

Key words: grammar objects, English language, technical literature, Russian language

В Большой Советской Энциклопедии дополнение определено как «второстепенный член предложения, которым выражается объект действия, поясняется сказуемое, а также и другие члены предложения» [1].

В русском языке дополнение может занимать в предложении любое место. В английском языке в силу прямого (твердого) порядка слов дополнение занимает третье место и располагается справа от сказуемого.

Дополнение, согласно своему названию, дополняет высказывание, обозначая то лицо или предмет, на который направлено действие, совершающее лицом или предметом, выраженным подлежащим. Как в русском, так и в английском языке дополнения могут быть

прямыми, косвенными и предложными. В технической литературе прямое дополнение обозначает предмет, на который непосредственно переходит действие. Оно необходимо для дополнения переходного глагола и может иметь при себе левые и правые определения. Например:

1. *Shock absorbers contain **liquid**.* Амортизаторы содержат **жидкость**.

2. *The article contains **an important information about compactors**.*

*В статье содержится **важная информация о грунтоуплотняющих машинах**.*

В обоих предложениях смысл глагола **contain** без дополнений был бы незакончен.

Косвенное дополнение в технической литературе обозначает объект, на который ориентируется действие. Оно обычно стоит между сказуемым и прямым дополнением. Например:

1. *Low pressure tires provide **wheels** better adhesion with the ground.*

*Шины низкого давления обеспечивают **колесам** лучшее сцепление с грунтом.*

Предложное дополнение ставится после прямого и вводится любым предлогом. Например:

*The rear axle transmits the thrust of the driving wheels **to the frame**.*

*Задний мост передает толкающее усилие ведущих колес **к раме**.*

Для того чтобы быстро и точно распознать дополнения, необходимо знать не только, где они расположены в предложении, но и какими способами они могут быть выражены. Следует отметить, что способы выражения дополнения во многом совпадают со способами выражения подлежащего. Это объясняется тем, что дополнение, так же как и подлежащее, обозначает предмет но не тот, который сам совершает действие и является его субъектом, а тот, на который направлено это действие, являясь объектом этого действия.

Рассмотрим подробно способы выражения дополнений, используемых в английской технической литературе по специальности «Строительные и дорожные машины» (СДМ). Отметим, что по способу выражения дополнения в английском языке могут быть простыми и сложными.

Для того чтобы определить способы выражения дополнений, был проведен анализ технических текстов в объеме 200 отрывков по 250 словоупотреблений каждый, заимствованных из американских и английских журналов «Excavating Engineering», «Construction Methods and Equipment», «New Engineer International» [2, 3, 4]. Анализ показал, что в технической литературе по специальности СДМ дополнения выражаются в основном существительными в общем падеже с правыми и левыми определениями, выраженными различными частями речи, с предлогами и без предлогов. Например:

1. *The rim carries an air tire **while the disk connects** the rim with the wheel hub.*

*На ободе колеса монтируется **пневматическая шина**, а диск соединяет обод со ступицей колеса.*

2. *A hoist is **a simple suspension-type small size mechanism used for assembling machines**.*

*Таль – это **простой механизм небольшого размера подвешенного типа, используемый для сборки машин**.*

Английское предложное дополнение на русский язык часто переводится творительным падежом. Например:

*The bucket chain is driven **by the engine through the reduction gear**.*

*Цепь ковша приводится в движение **двигателем через редукционную передачу**.*

В контекстуальном употреблении дополнение может быть выражено местоимением.

Например:

1. *The buckets scoop the material, go up and discharge **it** onto receiving belt conveyor.*

*Ковши зачерпывают материал, поднимаются вверх и разгружают **его** на приемный ленточный транспортер.*

2. *Some types of cranes cannot be transported without splitting **them** into separate units. Некоторые виды кранов не могут быть транспортированы без разборки **их** на отдельные узлы.*

В связи с тем, что строительные и дорожные машины характеризуются различными параметрами и используются для строительных объектов, имеющих конкретные величины веса, грузоподъемности, емкости, длины, ширины и т.д., дополнения часто выражаются числительными с существительными, имеющими при себе предлоги, наречия и другие дополнительные слова. При этом важно помнить, что на русский язык следует переводить сначала существительное, которое стоит после числительного, затем ввести дополнительное слово, которое обозначает это числительное, и затем уже идет само числительное. Продемонстрируем это на примерах.

1. *A semi-trailer elevating grader is used **together with a 100-horse power tractor**. Полуприцепной грейдер-элеватор используется **вместе с трактором мощностью 100 лошадиных сил**.*

2. *Elevators raising **800 kg to 40-50 meters** are intended for industrial construction.*

*Подъемники, поднимающие груз весом **800 кг на высоту 40-50 метров**, предназначены для промышленного строительства.*

3. *KB Hydrascoop has **the 2 cu.yd. bucket which is used for lighter materials**.*

*KB Hydrascoop имеет **ковш емкостью 2 кубических ярда**, который используется для поднятия более легких материалов.*

Дополнение может быть выражено герундием, который иногда имеет при себе зависимые слова. В этом случае на русский язык герундий переводится неопределенной формой глагола. Например:

*The friction between leaves helps **in damping the body oscillation**.*

*Трение между листьями помогает **уменьшить тряску кузова**.*

Дополнение в английском языке может быть выражено целым придаточным дополнительным предложением (союзным или бессоюзным). Например:

*It must be remembered **that automotive engines are not suited for tractors**.*

*Следует помнить, **что автомобильные двигатели не подходят для тракторов**.*

Дополнение может быть выражено объектным инфинитивным оборотом, который в технической литературе состоит из двух компонентов существительного в общем падеже и следующего за ним инфинитива. Оба компонента образуют синтаксическую группу – сложное дополнение. Этот оборот на русский язык переводится придаточным дополнительным предложением, подлежащим которого становится существительное оборота, а сказуемым – инфинитив. Например:

*We know **multi-bucket loaders to be used for continuous service**.*

*Мы знаем, **что многоковшовые погрузчики используются для непрерывной работы**.*

Формальными признаками объектного инфинитивного оборота являются глаголы: *consider* – считать; *allow* – допускать, давать возможность, позволять; *permit* – позволять, давать возможность; *suppose* – предполагать; *find* – находить; *expect* – ожидать; *believe* – полагать и ряд других.

Следует подчеркнуть, что когда инфинитивный оборот употребляется с глаголами *allow*, *permit*, *enable*, он может переводиться простым предложением с инфинитивом. Например:

*Cross members **allow the frame to be reinforced**.*

*Поперечные элементы **позволяют укрепить раму**.*

Итак, проанализировав случаи употребления дополнения в английской технической литературе, его место в предложении, способы выражения и перевода на русский язык, приходим к выводу:

1. Дополнения в английском языке независимо от жанра всегда располагаются справа от сказуемого и занимают в предложении третье место;

2. Дополнения как в русском, так и в английском языке бывают прямыми, косвенными и предложными. В английской технической литературе чаще всего используются прямые и предложные дополнения.

3. В английском языке по способу выражения дополнения могут быть простыми и сложными. К простым дополнениям относятся те, которые выражены а) существительным с предлогом и без предлога, б) местоимением, в) инфинитивом, г) герундием. К сложным относятся дополнения, выраженные а) объектным инфинитивным оборотом, б) дополнительным придаточным предложением;

4. На русский язык дополнение может переводиться существительными с предлогами и без них, неопределенной формой глагола, местоимением, придаточным дополнительным предложением.

Для того чтобы студенты могли правильно определять и переводить в предложениях дополнение, нами разработана система упражнений, которая отражена в методических пособиях, используемых в учебном процессе на механико-автомобильном факультете [5, 6, 7].

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия. - М.: 1974. Т. 8. – С. 454.
2. Excavating Engineering. New York. No 9 -11. 1998. – 35 с.
3. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. – 37 с.
4. New Civil Engineer International. London, December, 2001. – 45 с.
5. Кочнева М.Г. Машины и тракторы// Учебное пособие по английскому языку. - Воронеж, 2004. - 160 с.
6. Кочнева М.Г., Крячко Л.Н. Строительство дорог // Учебное пособие по английскому языку.- Воронеж, 2010. – 87 с.
7. Кочнева М.Г. Строительные и дорожные машины // Учебное пособие по английскому языку. - Воронеж, 2011. – 128 с.

References

1. Great soviet encyclopedia. – М.: 1974. – Vol. 8. – P. 454.
2. Excavating Engineering. New York. No 9 -11. 1998. – 35 p.
3. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. – 37 p.
4. New Civil Engineer International. London, December, 2001. – 45 p.
5. Kochneva M.G. Machines and tractors. – Voronezh, 2004. - 160 p.
6. Kochneva M.G., Kryachko L.N. Road building. – Voronezh , 2010. – 87 p.
7. Kochneva M.G. Building and road machines. – Voronezh, 2011. – 128 p.

УДК 808.2(1-87):371.32

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Аспирантка Нгуен Фыонг Нгок
Аспирант Чан Ван Зы
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Post-graduate student Nguen Fyong Ngok
Post-graduate student Chan Van Zy
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48

Нгуен Фыонг Нгок, Чан Ван Зы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы изучения русского языка как иностранного. Особое внимание уделяется проблемам восприятия технической литературы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, педагогика, довузовская подготовка.

Nguen Fyong Ngok, Chan Van Zy

URGENT PROBLEMS OF LEARNING RUSSIAN LANGUAGE BY FOREIGN STUDENTS

The article concerns some urgent problems of teaching Russian as a foreign language. Special attention is paid to the questions of perception of technical literature.

Key words: teaching Russian as a foreign language, teaching, pre-university preparation.

Воспитание учащихся является одной из важнейших задач педагогики. Адаптация иностранных граждан, приезжающих в Россию с целью получения образования в российских вузах, происходит в условиях сложных реформ в жизни страны. Поэтому студентам необходимо общение с другими людьми, им надо понимать русскую историю и культуру, проявлять уважение к национальным традициям и - самое главное - изучить русский язык.

Ежегодно в российские вузы на обучение прибывает более ста тысяч иностранных граждан. На первом этапе студенты-иностранцы начинают знакомиться с языком на специально организованных факультетах по программам довузовской подготовки. Этот важный этап помогает иностранным студентам пополнить словарный запас и изучить грамматику языка, а также научиться правильно строить фазы на русском языке.

Подавляющее большинство иностранных студентов (76%) до приезда в Россию не знали русского языка, 21% знали всего лишь несколько фраз или отдельных слов. После года обучения на подготовительном факультете картина языковой компетентности кардинально меняется: 21% иностранных студентов могут свободно общаться на русском языке, но при этом большинство испытывает значительные языковые трудности в учебе (рис.).

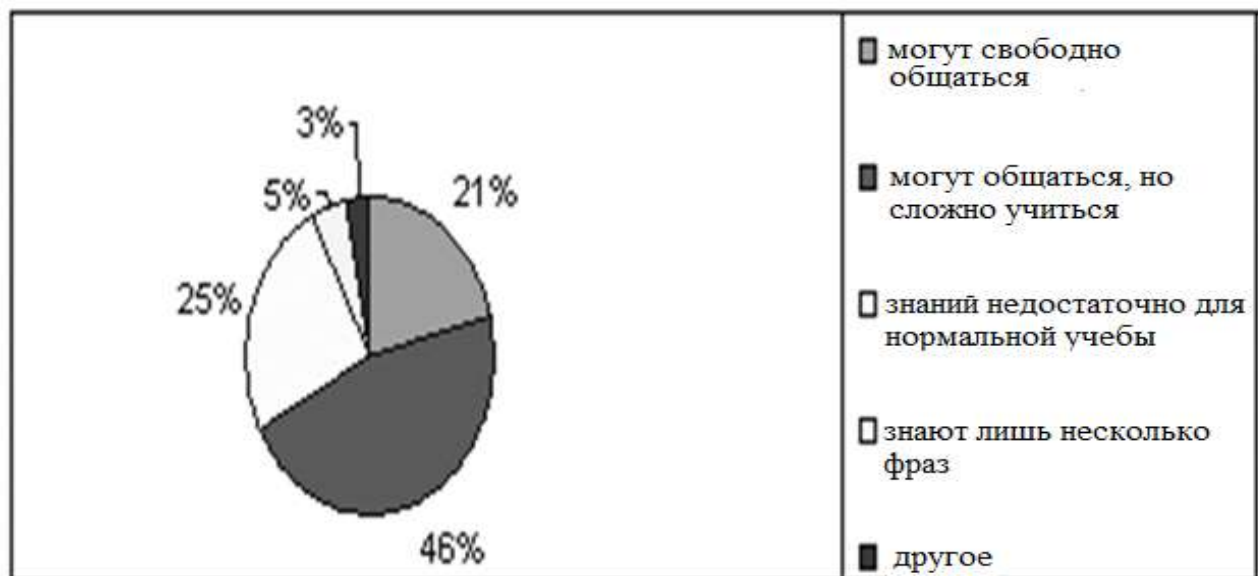

Схема уровня владения русским языком иностранными студентами после года обучения на подготовительном факультете [1].

Приведенное на рис. распределение свидетельствует о том, что у большинства студентов уровень языковой компетентности недостаточен для нормальной учебной деятельности – им сложно работать с учебной литературой (33%), трудно воспринимать лекционный материал (35%) и отвечать в устной форме (18%). В целом в ходе учебного процесса с языковыми трудностями сталкивается 86% иностранных студентов, а в сфере повседневного общения и досуга - только 11%. Однако, отвечая на вопрос, с какими трудностями студенты сталкиваются в процессе учебы, большинство студентов указывает на недостаточное владение русским языком (28%), отсутствие нужных книг в библиотеке (25%) и проблемы доступа к Интернет (25%). Такие ответы характерны для всех студентов, независимо от того, занимаются они русским языком дополнительно или нет. Тем не менее, трудностей в процессе учебы не испытывают почти в 2 раза больше иностранных студентов, которые занимаются русским языком дополнительно, чем не занимающиеся (7% против 4%).

Возникает вопрос: почему иностранные студенты после обучения на подготовительных курсах могли общаться, но учиться им было сложно.

1. На курсах изучали простые предложения и обычную грамматику, которые очень мало используются в нормативной, технической и научной литературе;

2. При поступлении студентов на первый курс по различным специальностям их не ознакомили со специальной терминологией;

Например: здание, сооружение, мост, земляное полотно, дорожная одежда, откос, грунт, ростверк и др.

3. Они не могли понять лекции и записать их в необходимом объеме;

4. При чтении технической литературы они не понимают смысл приведенной информации из-за обилия специальных терминов и сложных оборотов;

5. Многие специальные слова отсутствуют в обычном русско-вьетнамском словаре и студенты не могли найти толкование терминов.

Но проблемы существуют не только у новых студентов, но даже у студентов старших курсов и выпускников, которые защищали дипломы в России. Некоторые вьетнамские студенты учились по специальности «Строительство», но, столкнувшись со строительством автомобильных дорог, попадают в трудные ситуации. После получения высшего образования в

России все вьетнамские студенты уехали домой с целью работать по специальности, однако при строительстве дорожных сооружений они только могли назвать элементы или конструкции дорожных сооружений на русском языке, а по-вьетнамски не могли их разъяснить. Это недостаток выявился при работе во Вьетнаме, и они потеряли 1 год, чтобы изучить все специальные дорожные слова. Это основная проблема у иностранных студентов, работающих в родной стране по дорожной специальности на строительстве дорог, мостов и транспортных тоннелей.

Поэтому, изучив эту проблему, мы решили создать толковый словарь инженера - дорожника. Конечно, это непростая работа, но она является первым мостиком для соединения пространства между русским и вьетнамским языками. Кроме того, толковый словарь инженера-дорожника будет полезным и не только для вьетнамских студентов, поступающих на первый курс, но еще специалистов, заканчивающих университет и желающих работать во Вьетнаме.

Проблемы перевода

Перевод существовал с незапамятных времён. Когда два народа живут по соседству, они между собой или воюют, или торгуют. В обоих случаях возникает нужда в переводчике, толмаче – словом, в человеке, который владеет (хотя бы немного) языками обоих народов и переводит некоторый смысл из одной языковой формы в другую.

Что значит переводить? На первый взгляд – всё просто. То, о чём говорилось в исходном тексте, нужно изложить словами другого языка, построив при этом правильные предложения. И перевод этот правильный в том смысле, что каждое из слов можно так перевести, чтобы предложение получилось нормальное. Только смысла исходного текста оно, конечно, не передаёт. Чем сложнее, многограннее смысл исходного текста, тем труднее он для перевода. Но и самая простая на первый взгляд фраза может содержать подводные камни.

Значит, для того чтобы перевести предложение, нужно превратить его в высказывание, т.е. понять, в какой ситуации и с какой целью оно было сказано или написано. Не обязательно, чтобы высказывание-перевод дословно совпадало с оригиналом. Главное требование: оно должно значить для носителей языка перевода то же самое, что значило исходное высказывание для носителей своего языка.

К примеру, мы переводили с буквы А по И. На каждую букву есть слова, располагающиеся по порядку. Каждое слово есть термин и объяснение, и мы располагаем 3-мя толкованиями:

1. Русское толкование термина;
2. Английское толкование термина;
3. Вьетнамское толкование термина.

Русский автор, профессор Подольский В.П., уже подобрал более 3000 специальных дорожных терминов с учетом своего профессионального опыта.

Конечно, это еще незавершенная работа. В словаре есть некоторые неточности, но мы осуществляем перевод на вьетнамский язык по нашему смыслу.

Трудности создания толкового терминологического словаря инженера-дорожника

Для завершения работы над словарем самая главная задача заключается в том, чтобы всем пользователям было понятно и при этом не менялся смысл объяснения и толкования слов.

С этой целью мы старались осуществлять правильный перевод, но возникают в процессе работы многие трудности:

1. Структуры русского и вьетнамского языка разные. Поэтому если мы переводим дословно русский текст, то во Вьетнаме такой перевод никто не понимает. Поэтому для более точного толкования каждого термина мы должны пройти 2 этапа:

- переводить на вьетнамский язык так, как написал русский автор;
- изменять структуру предложения, но не изменять его смысл, при этом толкование должно быть четким и понятным;

2. Учитывать тот факт, что ряд русских терминов не имеет аналогов во вьетнамском языке;

Например: Агробиоценоз, арборициды, Биом, Борумин и др.

Агробиоценоз - это слово мы тоже очень трудно понимали. Когда мы читали объяснение, написанное русским автором, мы не могли переводить, потому что смысл не понятен.

Некоторые названия веществ сейчас во Вьетнаме не используют. Мы сами переводили их на английский язык или писали по-вьетнамски, но читать приходится на русском языке.

3. Многие термины и названия оборудования по защите дорог от снега мы также затрудняемся переводить, так как и эти слова не используются во Вьетнаме, но они нужны для вьетнамских студентов, поступающих на первый курс специальности «Автомобильные дороги и аэродромы».

4. Возникают некоторые затруднения в переводе толкования терминов. Некоторые объяснения написаны очень длинно и вызывают затруднения в понимании у читателей.

5. Это первая попытка создать толковой словарь инженера-дорожника на трех языках, поэтому существует много недостатков из-за отсутствия опыта.

Несмотря на имеющиеся недостатки, мы верим, что он будет полезным в процессе обучения иностранных студентов и при общении специалистов.

Библиографический список

1. Емельянов В.В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // Социс. – 2001. – №9.
2. Антонова В.Б. Психологические особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в Москве // Вестник ЦМО МГУ. – 1998. – №1.
3. И.С. Гусева, Н.М. Румянцева, Ю.В. Юрова Преодоление проблем адаптации иностранных учащихся и воспитание их в духе толерантности - важнейшие задачи довузовского этапа обучения – Воронеж, 2011.
4. Подольский В.П [и др.] Русско-английский терминологический словарь инженера-дорожника. – Воронеж: издательство ВГУ, 1999. – 304с.

References

1. Emelianov V.V. Students talk about adjustment to the university life // Socis. – 2001. – №9.
2. Antonova V.B. Psychological peculiarities of foreign student's adjustment to the conditions of life and study in Moscow // The Herald of CIE MSU. – 1998. – №1.
3. Guseva I.S., Rumyantseva N.M., J.V. Jurova. The overcoming of adaptational problems of foreign students and up-bringing them in the spirit of toleration are the main aims or pre-university preparation (the report)
4. Podolsky V.P. and others. Russian-English terminological dictionary of road engineering. – Voronezh, 1999. – 304p.

УДК 801.3=82(045/046):26 ББК 83.3(2Рус=Рус)6я437

*Воронежский государственный университет
инженерных технологий*

*Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан
Шлыкова Л.А.*

Россия, г. Воронеж, тел.+7(473)247-24-99; e-mail: ludovik 9@gmail.com

Voronech State Univtrcity of Engineering Technologies

Senior lecturer of Russian language of preparatory faculty for foreign citizens, candidat of philological sciences Shlikova L.A.

Russia, Voronech, tel. .+7(473)247-24-99; e-mail: ludovik 9@gmail.com

Воронежский государственный университет

Аспирант кафедры русско-славянского языкознания В. Эльвия

Ирак, тел.+7(473)264-99-76, e-mail: luna_elwia@yahoo.com

Voronech State Univtrcity

Graduate student of chair of Russian-Slavistic linguistics of VGU W.Elwia

Iraq, tel.+7(473)264-99-76, e-mail: luna_elwia@yahoo.com

Л.А. Шлыкова, В. Эльвия

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ДИМИНУТИВАМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются вопросы преподавания диминутивов – слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами – на занятиях по русскому языку как иностранному. Данные слова анализируются в коммуникативно - прагматическом аспекте: приводятся ситуации общения, когда они используются.

Ключевые слова: диминутивы, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, коммуникативно-прагматический аспект, ситуации общения.

Shlikova L.A, W. Elwia

THE METHODS OF TEACHING DIMINUTIVES IN RUSSIAN AS A FOREIGN

The article study questions of method of teaching diminutives – words wich diminutive suffixes – in Russian as a foreign. Words analyzed in communicative aspect: provides examples of communicative situation, when they used.

Key words: diminutivs, words wich diminutive suffixes, communicative-pragmatical aspect, communicative situation.

В процессе обучения русскому языку иностранных учащихся отмечаются ситуации, когда даже хорошее владение языком не обеспечивает адекватности восприятия русской речи. Имеется в виду не усвоение семантической, буквальная информация, а о так называемых «нюансах», связанных с речевым поведением и характерных для носителя языка в определенных ситуациях общения.

Одним из таких моментов являются эмоционально-экспрессивные единицы языка, выражаемые в русском языке с помощью аффиксов, содержащих уменьшительно-ласкательное значение, передающих эмоциональное отношение говорящего к действительности, к ситуации общения, к собеседнику.

Данные аффиксы участвуют в передаче целого спектра эмотивно-экспрессивных значений – от ласкательности до уничижительности и пренебрежения – и используются, как правило, в разговорной речи в диалогах, в художественных текстах и могут быть поняты только в контексте.

Следует подчеркнуть, что такие образования являются концептуально значимыми для носителей русского языка, т.к. выступают составляющей языковой картины мира, «выработанной многовековым опытом народа и осуществляемой средствами языковых номинаций всего существующего» [1].

Причем эта картина содержит, по мнению Е.В. Падучевой, «акцентированные» участки концептосферы или семемные доминанты, в число которых входят и диминутивы (так иначе называются слова с уменьшительно-ласкательной семантикой) [4].

Именно первостепенность эмоционально-оценочного слоя концепта «уменьшительность» в русском языке затрудняет понимание данной сущности носителями другого языка, которые связывают уменьшительность только с семами количественности и размерности.

Так, иностранцу не всегда понятна функциональность уменьшительных образований типа: *Налейте стаканчик водички!*, *Передайте на билетик*, *Взвесьте двести грамм творожку*, *Сердечко у меня пошаливает*, *Подождите минуточку* и т.д.

Ведь только в русской речи с помощью диминутивов (слов с уменьшительно-ласкательной семантикой) можно передать отношения (вежливость, неуважение, презрение и т.д.) именно к собеседнику, а не к предмету, который обозначен словом с таким аффиксом.

Поэтому с целью обучения использованию диминутивных образований следует ознакомить иностранных учащихся с набором ситуаций общения, в которых они уместны:

«Угощение» (*Попробуйте моего тортика, сама пекла!*);

«Просьба» (*Возьми и мне билетик.*);

«Общение врача с пациентом» (*Сердечко побаливает*);

«В магазине» (*Дайте буханочку хлеба!*);

«В кафе, столовой» (*Передайте тарелочку, пожалуйста!*);

«Разговор по телефону» (*Две минутки, пожалуйста. Сейчас я его позову*);

«Общение с ребенком» (*Давай сказочку почитаем, картинки посмотрим!*).

«Ухаживание» (*Разрешите вашу ручку!*). Обратим внимание студентов на то, что именно эти две сферы общения – «детская» и «женская» – являются основными, где используются диминутивы.

«Общение начальника и подчиненного» (*Разрешите справочку забрать? Можно к Вам через часок зайти?*). В данной ситуации с помощью диминутива начальник может снизить до просьб подчиненного, а подчиненный с помощью диминутива показать свою незначительность, а может, и подобострастие.

Во всех приведенных ситуациях уменьшительность преобразована в этикетную форму вежливости, где существительные с уменьшительными суффиксами маркируют положительное расположение говорящего к собеседнику.

Особо следует отметить такую сферу распространения диминутивов, как личные имена. Уменьшительно-ласкательные формы имен – отличительный признак русского словообразования, не имеющий широкого распространения в других языках. Как правило, уменьшительно-ласкательные имена ярко характеризуют отношения участников общения с положительной стороны (*Катенька, Дашенька и т.д.*).

Следующую группу диминутивных существительных образуют так называемые «уменьшенные экземпляры», обозначающие предметы с теми же свойствами, что и производящие слова, и являющиеся точной их копией. Эта группа включает в себя наименования объектов с четкой конфигурацией и размерами (*деревушка – деревня, только значительно меньше по площади и по количеству проживающих жителей; зонтик – зонт, меньший по размеру*). В эту же группу входят и диминутивы, обозначающие особой малого размера: *лошадь – лошадка, корова – коровка*.

Некоторые диминутивные существительные, например, *поясок, полоска, веревочка, халатик и др.* обозначают предметы более узкие по сравнению с исходными, меньшей длины, толщины, высоты.

Особую группу диминутивов составляют примеры, когда объект, выраженный диминутивом, уменьшает свою количественную характеристику. Как правило, это названия некоторых газов и атмосферных процессов (*дымок, ветерок, дождик*). В случае образования диминутивов от названия атмосферных осадков идея количества связывается с уменьшением интенсивности процесса. Например, *ветерок – небольшой ветер, неинтенсивный и непостоянный*).

Таким образом, «уменьшенные экземпляры» по сравнению с эталонными объектами с помощью аффиксов изменяют и размеры, и количественную характеристику, и интенсивность.

Существуют и такие значения диминутивных производных, которые связаны с называнием детенышей животных (*козел – козленок*), а также имеют значение «молодой» (*барашек, липка, деревцо*).

Отметим еще один интересный момент. В Грамматике-80 такие образования как *нос – носик (у чайника), шляпа – шляпка (звезда или гриба)* называют «существительными со значением подобия». Это еще одна разновидность диминутивов. В этих словах не сохраняется формального сходства с исходными объектами, но налицо их функциональная аналогия. Сама идея диминутивности сохранена, но диминутив обозначает здесь совсем иной объект, чем исходный [2]. Например, *шкаф – шкафчик* – в производном *шкафчик* изменяется не только размер, но и функция объекта, даже его тип (*шкафчик – не только меньший по размеру, но и висящий, как правило, на стене*).

Как отмечают исследователи, в общелитературном языке существует тенденция к выделению все большего числа существительных, образованных при помощи суффиксов подобия: *-к(а), -ок/-ик, -к(о), -ышк(о)* [3]. Наиболее интенсивно этот процесс происходит в языке науки (физики, химии, биологии и т.п.). Например, *колба с узким горлышком; лапка штатива, бороздка ребра* и др. Общим словообразовательным значением имен существительных этой группы считается значение подобия.

Также можно ознакомить иностранных учащихся с набором аффиксов, участвующих в презентации диминутивности в русском языке. Он внушительен, особенно в такой части речи как существительное. Среди самых частотных: *-к(а) (дочка), -ик (домик), -ок (сын), -очк/-ечк (девочка, молочко, сердечко), -ушк/-юшк (девушка, горюшко), -еньк/-оньк (тетя – тетька, собака – собачонка)* и т.д.

Категория «субъективной оценки» представлена и в других частях речи, например, в прилагательных, глаголах, наречиях, междометиях. Остановимся на прилагательных. Все «оценочные» прилагательные можно условно разделить на «положительные» (*умный, добрый*) и «отрицательные» (*худой, страшный*). Если сравнивать уменьшительные производные, заметим, что положительные качества в них теряют свою оценку, приобретая негативные смысловые оттенки (жалости, презрения и т.д.): *уменький, добренький*. А с другой стороны, «отрицательные» прилагательные становятся «лучше», так как в их семантике появляются жалость, сочувствие и т.д.: *худенький, страшненький*. К аффиксам, участвующим в образовании диминутивных прилагательных, относятся *-оньк* и *-еньк*.

Мы рассмотрели только некоторые группы и сферы, в которых используются слова с суффиксами «субъективной оценки» (разговорный и научный стили речи). Конечно, очень распространены данные образования и в художественном стиле.

Очевидно, что категория «диминутивности» захватывает все новые и новые сферы коммуникации, не ограничиваясь названными стилями. Некоторые ученые даже говорят о такой ее особенности в современном русском языке, как агрессивность [5]. Она, например, очень широко представлена в наименованиях и названиях продуктов, магазинов: *творожок, шоколад «Аленушка», магазины «Пятерочка», «Солнышко», клиника «Стоматоша»*.

Таким образом, знакомство с функциями и способами образования слов с суффиксами «субъективной оценки» (диминутивами) в русском языке, безусловно, приблизит иностранных учащихся к условиям реального речевого общения.

Диминутивность, являясь элементом экспрессивной стороны языка, влияет на установление и поддержание межличностного контакта, что так необходимо изучающему иностранный язык.

Библиографический список

1. Е.А.Земская, М.В. Китайгородская, Е.И.Ширяев Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Семантика. – М.: Наука, 1981. - 276 с.
2. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Русский язык, 1989. - 639 с.
3. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Проспект раздела «Словообразование», «Основные понятия морфемики» // Русская грамматика. Проспект. 1972., - с.205.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: «Языки русской культуры», 1996. - 464с.
5. Рылов Ю.А. О семантических доминантах в языковой картине мира // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. - №1.

References

1. E.A.Zemskay, M.V. Kitaygorodskaya, E.I.Shiryayev Russian spoken language. Comon issues. Wordformation. Semantics. – М.: «Science», 1981. - 276 p.
2. Short Russian grammar / Under N.U.Shwedova. – М.: Russian language, 1989. - 639 p.
3. Lopatin B.B., Uluchanov I.S. Section «Worformation» prospectus. «Main concepts of morfemics» // Russian grammar. Prospect. 1972. - P.205.
4. Paducheva E.V. Semantic researches. Semantics of tense aspect in Russian language . Semantics of narrative. – М.: «Languages of Russian cultur», 1996. - 464p.
5. Rilov U.A. About semantic dominants in a language picture of the world. // Messenger of VGU. Series Humanities scinces/О семантических доминантах в языковой картине мира., 2003, №1.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

*Шуйский государственный педагогический
университет*

*Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и методики
обучения Маслов В.Г.*

Россия, Шуя; тел. 49351 3 09 75

e-mail: vgm@mail.ru

Shuya state university of teaching

*The chair of Russian language and methodology of
teaching*

*D-r of philological sciences, professor
Maslov V.G.*

Russia, Shuya, tel. 49351 3 09 75

e-mail: vgm@mail.ru

В.Г. Маслов

ГОВОР ДОБРИНКИ

(Урюпинский район Волгоградская область)

В статье анализируется история заселения Хопёрского округа и особенности говора Добринки.

Ключевые слова: говор, фонетическая структура, взрывной [г], фрикативный [г], протеза, полногласие.

V.G. Maslov

DOBRINKA TALK

(Uryupinsk region Volgograd region)

In his article we analyse the Hopyorsk's settling history and Dodrinki's dialect.

Keywords: Dialect, phonetic, structure, explosive «g», fricative «g», full vocalism, pleophony.

Разнообразие фонетических процессов, действовавших на протяжении истории русского языка, причудливость, прихотливость их реализации, наличие различных исключений из фонетических закономерностей обуславливают существование большого числа различных фонетических лексикализованных явлений в говорах и изменение вследствие этого фонетического облика многих диалектных слов. В связи с этим приходится вольно или невольно говорить как об изменениях фонетического облика отдельных слов, так и об определенных фонетических явлениях, повлекших за собой эти изменения. Поэтому неслучайно в русском языкознании наряду с семантическими исследованиями одновременно, или почти одновременно, исследуется и фонетическая структура слова. Иными словами, диалектное слово начинается, если можно так выразиться, с фонетического облика, «единицы, в которой, собственно, – по утверждению С.С. Высотского, – и реализуются явления звукового строя русского языка и его говоров» [1].

Итак, в XVI столетии начинается массовое заселение верхнедонской территории. По мнению Е.П. Савельева, в это время земли по Хопру, Бузулуку и Медведице занимало «казачество рязанское», имевшее здесь и раньше «свои сторожевые посты, крайним из которых считался Урюпин» [2].

В XVII веке сюда устремляются потоки беглых крестьян, а также «городовые казаки и стрельцы» из Тамбовского воеводства [3].

Число беглых увеличивается к концу XVII и началу XVIII веков. В 1685 году тамбовские чиновники жаловались, что «не в давних летех было человек по двадцать и по пятнадцать, и в тех городках ныне по двести и по триста и женского полу много» и что из Тамбова многие переселяются на Хопер и Медведицу [4].

Значительную роль в колонизации Прихопёрья сыграло гонение раскола. Преследуемые правительством раскольники убегали именно в верховые городки, по-видимому, благодаря большой неприступности местности [5].

В этот период начался приход на верхний Дон и малороссиян [6]. Быстро растут казачьи городки и число жителей в них. Так, если в 1674 году на Хопре значилось только восемь городков, то в 1707 году их было уже двадцать шесть [7].

В 1707–1708 гг. казаки по Хопру и Бузулуку примкнули к булавинскому восстанию. В результате же разгрома булавинского восстания «часть населения сдвинулась к югу», переместилась и сама граница верхнедонской казачьей территории.

В XVIII-XIX вв. происходит заселение Хоперского округа крестьянами, преимущественно из украинцев [8].

Станица расположена на правом берегу р. Хопра. Первоначально она находилась, как утверждают документы, на левом берегу и одной стороной примыкала к Хопру против впадения в нее речки Добрай, от которой и получила свое название. Примерно в 1722 году станица переселилась на настоящее место. В 1706 г. в станице была деревянная Архангельская церковь, но о времени ее постройки сведений нет. По ветхости церковь эта 14 апреля 1799 г. была перестроена и освящена 9 октября того же года. Она существовала до 1849 г., в этом году была продана, так как еще в 1839 г. начали постройку каменной церкви с такой же колокольней, в то же наименование, с приделом Креста Господня. Освящена в 1842 г. [9].

В 1745 г. в станице Добринской было дворов 80, мужчин 173, женщин 135, а в 1800 г. дворов было 195, мужчин 601, женщин 744.

В настоящее время Добринка входит в Урюпинский район Волгоградской области, до 1 января 1963 г. она была районным центром. По данным статистического отчета сельского совета на сегодняшний день в Добринке насчитывается хозяйств колхозников 1622, хозяйств рабочих и служащих 2099. Всего населения 3646 человек. Добринка занимает территорию северо-донских говоров, которые представляют собой черты южнорусского наречия.

Итак, фонетико-морфологические особенности говора. В говоре Добринки шесть гласных фонем: [а], [о], [у], [и], [ы], [е]. Все они различаются под ударением. Отсутствуют дифтонги и закрытые звуки [о] и [а]. В реализации некоторых фонем имеются существенные отклонения.

Гласные звуки. В реализации гласных фонем под ударением в нашем говоре – следующие особенности: а) изменение [а] в [е] перед мягкими согласными наблюдается в словах *м'[е]чик, м'[е]ч* (мячик, мяч); [е] вместо [а] произносится также после шипящих и [ч] в некоторых глагольных формах: *стуч'[е]ть, тищ'[е]ть*;

б) отмечено чередование [а]-[о] *нас[о]дють, в[о]рим*; [о]-[а]: *нал[а]вють, л[а]вим*. Мена [а]-[о] и [о]-[а], возникшая на основе аканья, свойственна многим казачьим говорам и южнорусскому наречию в целом [10];

в) на месте этимологического [е] может выступать [и] лишь в отдельных словах: *й[и]сть*.

Аканье. Гласные неверхнего подъема после твердых согласных в предударном положении реализуются в одном общем варианте – звуке [а] независимо от качества ударяемой гласной: *к[а]лодись, ск[а]зал, к[а]реи, з[а]кут*.

Примеры показывают, что говору Добринки свойственен недиссимилятивный тип аканья, который распространен на всей донской территории [11].

Значительно сложнее картина аканья во 2-ом предударном слоге и в заударных слогах. Произношение гласных неверхнего подъема после твердых согласных во 2-ом предударном слоге реализуется редуцированным Ъ: *н[ъ]сялялись, н[ъ]чаму, р[ъ]збярись, г[ъ]варять*,

п[ъ]талок. В заударных закрытых слогах гласные [о] [а] обычно редуцируются в звуке ь: *прасён[ъ]к, здел[ъ]ть, паех[ъ]ть*. Отмечаются случаи произношения [а] в заурядных слогах на месте [ы] и [и]: *мил[а]й, зялён[а]й, чижол[а]й, родн[а]й*. Остатки форм АЙ встречаются спорадически и только в речи старшего поколения.

Яканье. Проследим, как реализуются гласные неверхнего подъема в 1-ом предударном слоге после мягких согласных: [а][е] (исконное, из Ъ и бывшего «ять») в указанной позиции совпадают в одном общем варианте [а], если под ударением находятся гласные А, О (после твердых согласных), У, Ы, И. Например. Гласные [е] (из Е, Ъ и «ять») [и] [а] в положении перед слогом с А: перед твердыми согласными: *д'[а]ла, л'[а]тал, н'[а]так*; перед мягкими согласными: *дир'[а]вянный, в'[а]нчали, б'[а]дняк*; перед отвердевшими шипящими: *л'[а]жать, м'[а]шаитца, нър'[а]жать*; после отвердевших шипящих и Ц: *ж[а]на, ж[а]натый, ж[а]лаить*.

Гласные неверхнего подъема в положении перед ударяемым звуком [о] (исконным и из Ъ): после мягких согласных: *сл'[а]пой, ч[а]во, т'[а]лок*; после отвердевших шипящих и Ц: *чиж[а]ло, ц[а]поф, ш[а]гоф*.

Гласные неверхнего подъема перед слогом с ударяемым У: перед твердыми согласными: *пъч'[а]му, т'[а]куция, з'[а]рну*; перед мягкими согласными: *в'[а]лю, л'[а]чусь, ут'[а]рплю*; перед отвердевшими шипящими: *д'[а]журнья, л'[а]жу, г'л[а]жу*; перед твердыми согласными после отвердевших шипящих и Ц: *ж[а]ну, ж[а]лудък, фи[а]ху*; перед мягкими согласными после отвердевших шипящих и Ц: *ж[а]ню, пръц[а]ню, пъш[а]лю*. Гласные неверхнего подъема перед слогом с ударяемым Ы: *в'[а]ришни, л'[а]жыть*. Гласные неверхнего подъема перед ударяемым И: *д'[а]фчини, нъс'[а]лились, м'[а]нины* (имянины); перед И после отвердевших шипящих и Ц: *ж[а]них, бълъш[а]вик*. При ударяемых гласных [е] или [ё]/после шипящих [о]/звуки [а] и [е] в предударном положении выступают в варианте [и]. Гласные неверхнего подъема в положении перед ударяемым Е: после мягких согласных: *к с'[и]стре, в л'[и]ске*; после отвердевших шипящих и Ц: *ц[ы]лей, лъш[ы]дей, ж[ы]не*; перед Е после отвердевших шипящих и Ц: *д'[и]шевли, св'[и]жей*. Гласные неверхнего подъема в положении перед ударяемым Е после мягких согласных: *д'[а]нък, пл'[а]тёный*; перед Е после отвердевших шипящих и Ц: *ж[ы]рёбыя, ш[ы]стиренка*; перед О после отвердевших шипящих: *м'[и]шок, д'[и]шовый*.

Рассмотренный фактический материал свидетельствует об определенной закономерности в реализации гласных фонем неверхнего подъема, которая позволяет *установить* ассимилятивно-диссимилятивный тип яканья.

По существующей классификации это кидусовский тип, который назван так по с. *Киду-сово* Спасского района Рязанской области, где он употребляется [12].

Гласные неверхнего подъема после мягких согласных во 2-ом предударном слоге и в заударном слогах, как правило, совпадают в звуке И, который произносится несколько ослаблено, например: *з'[и]ляня, г'[и]нярал*; в заударном закрытом слоге: *семд'[и]сит, буд'[и]ть, ден'[и]шки*; в заударном открытом неконечном слоге: *вид'[и]ла, оз'[и]ри*.

Другие явления в области гласных.

а) Отмечаются случаи второго полногласия: *мъланья, волък* (волк) и некоторые другие. Большинство диалектологов считает, что данная особенность характерна для севернорусских говоров [13].

Ссылаясь на показания Б.М. Ляпунова, Н.П. Гринкова утверждает, в частности, что полногласие – древнее явление, возникшее и развивавшееся в говорах северной группы восточных славян, которые заселяли районы крайнего северо-запада по берегам Ильменя и Волхова; в южнорусских говорах это явление результат влияния севернорусского наречия и представлено единичными случаями спорадически [14].

б) Наблюдается вставка гласных звуков [ъ], [ы], [а] в положении между двумя согласными. После П перед Ш и Л: *п[ъ]шано, п[ъ]шаница*; после С перед М: *с[ъ]мародина*,

Существительные женского рода на -А, -Я в родительном падеже с предлогами обычно оканчиваются на ударяемое -Е: *из этъй ваде, ис куге, у касе*. Беспредложные формы встречаются очень редко; нами зафиксировано только два случая: *сын систре, нет лисе*.

Безударное окончание И употребляется параллельно ударному Е в существительных с твердой основой. Вариант с безударной флексией характерен для слов с предлогами: *насля работи, дли карови*.

Совпадение форм женского рода 1-го склонения, выступающих с окончанием -Е в родительном, дательном и предложном падежах (ср. *из ваде, к ваде, в воде; от земле, к земле, в земле*), шире распространено в южной полосе русских говоров, хотя известно и некоторым северным, например, говору Холмогорского района Архангельской области.

Шире, чем в общенародном языке, распространены имена мужского рода с окончанием -У в родительном и предложном падежах. В родительном падеже: *вашива савету, бис каньцу, ат поту*; в предложном падеже: *нъ быку, при ату, нъ стану*.

Существительные 3-го склонения в дательном и предложном падежах имеют под ударением окончание -Е. В дательном падеже: *нъ гризе, нъ стипе*; в предложном падеже: *в гризе, нъ миле, в груди, ф пиче*.

Имена среднего рода на -МЯ в родительном, дательном, творительном и предложном падежах не имеют наращения -ЕН. В родительном падеже: *биз время, скокъ время, нет время*; в творительном падеже: *с времим, с вымим*; в предложном падеже: *в ыми* (в имени), *ф семи*, (в семени). Как полагает С.П.Обнорский, употребление этих форм в южнорусской полосе распространено в меньшей мере, чем в севернорусских и переходных говорах[17].

Широко распространены формы существительных всех типов с ударяемым окончанием -А, Я во множественном числе именительного падежа, например: в категории слов мужского рода на -А: *плътняка, лимяха, кълдязя*; на -Я: *дубья, афицарья, къчатья*.

В родительном падеже множественного числа отмечается унификация различных типов склонения, которые приобретают окончания -ОВ, -ЕВ. Такое явление характерно для существительных 1-го склонения: *праделкъф, пасаткъф, нъгаворкъф*; для существительных 2-го склонения: *мястоф, дялоф, лицоф* и т.д.

В творительном падеже существительных множественного числа всех типов обычным является окончание -АМИ: *гусями, с канями, зъ лъшадями*; окончание -МИ выступает редко: *слязьми, с курьми*.

Имя прилагательное. Прилагательные мужского и среднего рода в родительном падеже единственного числа имеют окончание -ОВА после твердых согласных и ИВА после мягких согласных: *мъладова, у худова, высокъва*.

Форма винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода оканчивается на -УЯ под ударением: *худуя карову, сляпуя бабу*.

В образовании сравнительной степени наблюдаются колебания, например, одинаково употребляются формы с суффиксами ЕЯ, -ЕЙ: *скарея и скарей, сильнея и сильней*; в одном и том же значении выступают прилагательные с суффиксами -Е, -ШЕ: *тяжели и тяжельши, шыри и ширьши*.

Зарегистрирован случай образования сравнительной степени от страдательных причастий: *нъубрати*.

Местоимение. Отметим лишь формы *мяня, тябя, сябя*. Они восходят к среднерусской области и указывают на общность этнографического состава населения, занявшего, главным образом, бассейн реки Хопра.

Глагол. Глагольные формы характеризуются общими диалектными чертами, которые свойственны всему южнорусскому наречию. Широко употребляются усеченные формы инфинитива типа *весть, треть*. Глагол *идти* употребляется в форме *итить*. Формы 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего простого времени оканчиваются на мягкий Т: *идётъ, гнётъ, будить, станить, жрётъ*. Глаголы 1-го спряжения с ос-

новой на задненебный согласный утратили чередование К-Ч и Г-Ж, например: *пяку-пикѣть*, *пикѣм*; *магу-магѣм*, *магутъ*.

Наблюдается процесс грамматического подравнивания, которое находит свое выражение в образовании глаголов настоящего времени от основ инфинитива с суффиксом -ОВА, например: *следъвыить*, *камандъвыить*, *биседъвыить*.

Распространены формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа на согласный: *палош*, *на трош*. Множественное число образуется посредством прибавления к форме единственного числа окончания -ТЯ: *ляштя*, *бросьтя*, *купайтя* и т.д.

В возвратных глаголах после согласных последовательно употребляется частица -СИ: (постфикс -СЯ): *зъпалимси*, *умылси*, *папалси*. Сочетание ШС во 2-ом лице единственного числа произносится как двойная мягкая согласная С: *баисси*, *напъесси*, *смйѣсси*.

После гласных частица (постфикс) СЯ выступает в форме СЬ или СЯ: *баюсь*, *назьябльсь*, *но абайдуся*, *ни бяряся*.

Полные страдательные причастия прошедшего времени чаще всего образуются посредством суффикса -Т-, которым в литературном языке соответствуют формы с суффиксом -НН: *абадратыя*, *назватый*, *рватыя* и др.

Распространены формы деепричастий на МШЫ: *разумишы*, *выпимиши*, *обумиши*.

По свидетельству С.П. Обнорского, деепричастия на МШЫ свойственны южнорусским говорам, в пределах северновеликорусского наречия они встречаются редко [18].

Библиографический список

1. Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах //Исследования по русской диалектологии. – М., 1973. – С.17–41. Его же: К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров //Русские говоры. – М., 1975. – С.11.
2. Савельев Е.П. История Дона и донского казачества. – Новочеркасск. - 1915. - Ч.П.- Вып.4. - С.232.
3. Толстов В. Историческая хроника Хопёрского полка Кубанского казачьего войска, 1696–1896. – Екатеринодар, 1896. - С.5.
4. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце ХУП в. – СПб, 1889. - С.96.
5. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце ХУШ в. – СПб, 1889. - С.96.
- 6.Труды ДВСК. - В.1, отдел 1 (Краткие исторические сведения о заселении Донского края). Новочеркасск, 1867. - С.3–4.
7. Лунин В.В. К истории донского казачества. – Ростов-на Дону, 1939. - С.30.
8. Миртов А.В. Качество предупредного гласного как типовой признак донских говоров //Сборник статей по вопросам культуры. – Ин-т местной экономики и культуры при Сев. Кав. ун-те. – Вып.4. – Ростов-на-Дону, 1928. - С.158.
9. Смотри, например, Е.Ф. Будде. К истории великорусских говоров. – Казань, 1896. - С.99. С.И. Котков. Говоры Орловской области //Автореф. док. дисс. – Орел,1952. - С.2. В.Жуковская. Говоры западной части Воронежской области //Автореф. канд. дисс. - М., 1954. – С.5. Л.М.Орлов. Русские говоры Волгоградской области. - Волгоград, 1984 и другие.
10. Миртов А.В. Качество предупредного гласного... - С.151.
11. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. – Ч.1. – М., 1949. С. 90 – 91.
12. Гринкова Н.П. О случаях второго полногласия //Труды ин-та русского языка АН СССР. - Т.П. – 1950. – С.225.
13. Гринкова Н.П. О случаях второго полногласия... - С.226 – 227.
14. Шахматов А.А. Курс истории русского языка. - СПб, 1910 – 1912. - С.191.
15. Высотский С.С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы //Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. - М. - Л., 1948. – Вып.1. – С.99. А так же: Куд-

ряшова Р.И. Утрата категории среднего рода в Хопёрских говорах //Диалектная и литературная разговорная речь. Волгоград, 1974.

16. Кузнецов П.С. Русская диалектология. - М., 1954. - С.70.

17. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке //ОРЯС . - Л., 1927. - N3. - Вып.1. - С.301.

18. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. - М., 1953. - С.231.

References

1. Vysotskij S.S. About the word's sound structure in Russian dialects // The research on Russian dialectology: To the problem of studying of vocalism of the South Russian dialects // Russian dialects. - М., 1975.- P. 11.

2. Savelyev E. P. The History of Don and Don's Cossacks.- Novocherkask. - 1915. - Ch. II. -. Issue 4. – P. 232.

3. Tolstov V. The Historical chronicle of the Hopyorsky regiment of the Kuban's Cossack army. - Ekaterinodar. - 1896. – P. 5.

4. Druzhinin V. G. The Split of Don at the end of 17th century. – SPb, 1889. – S. 96.

5.Ibid. – P. 95.

6. Works DVSK. – V.1, (Short historical data on setting Don's region). – Novocherkask, 1867. – P. 3 – 4.

7. Lunin V.V. To the history of Don's Cossacks. – R/D, 1939. – P. 30.

8. Mirtov A. V. The Qualits myrtles pretonic vowel as a standard sign of the Don's dialects // The Collection of articles concernily culture. – Issue 4. – R/D, 1928. – P. 158.

9. Budde E. F. To the history of great Russian dialects. – Kazan, 1896. – S/ 99. P.I. Kotkov. The dialects of the Oryol's region // Avtoref. doc. diss. - Oryol's, 1952. – P. 2. V. Zhukovskaya. The dialects of the westernpart of Voronezh region // Avtoref. kand. diss. – М., 1954. – P. 5. L.M. Orlov. The Russian dialects of Volgograd region. – Volgograd, 1984.

10. Mirtov A.V. The murtles quality of pretonic vowel... P. 151.

11. Avanesov R.I. The sketches of Russian dialectology. – P. 1. – М., 1949.

12. Grinkova N.P. About the cases of second full vocalism // Works of the Institute of Russian Language ANSSSR, T. II. – 1950/ - P. 225.

13. Ibid. – P. 226 – 227.

14. Shakhmatov A.A. The Russian's history course. – SPb, 1910 – 1912. – P. 191.

15. Vysotskij S.S. The loss of the neuter in the dialects to the west of Moscow // Reports and reports of the Institute of Russian Language ANSSSR. – М. – L. 1948. – R. 1. – P. 99. As well as: Kudryashov R.I. The loss of its kind in the medium category Hopersky dialects // Dialect spoken language and literary. – Volgograd, 1974.

16. Kuznetsov P.S. Russian dialectology. – М., 1954. – P. 70.

17. Obnorskiy S.P. Nominal decline in modern Russian // ORAS. – L. 1927. - num. 3. - Issue 1. – P. 301

18. Obnorskiy S.P. Essays on the morphology of the Russian verb. – М., 1953. – P. 231.

УДК 801.3=82(045/046)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer
Sychyova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48

Л.В. Сычёва

ИНОСИСТЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ШМЕЛЁВА

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных элементов в языке произведений И.С. Шмелёва

Ключевые слова: иносистемные элементы, билингвизм, полилингвизм.

L.V. Sychyova

THE ELEMENTS OF OTHER SYSTEMS IN THE LANGUAGE OF I.S. SHMELYOV'S WORKS

The article concerns and analyses the principles of selecting and usage of the elements of other systems in the language of I.S. Shmelyov's works.

Key words: the elements of other systems, bilinguism, polylinguism

Русская зарубежная литература XX века – почти неисследованная область русской национальной культуры. Между тем это одна из блестящих страниц отечественной культуры, созданная крупнейшими её мастерами, оказавшимися в силу тех или иных обстоятельств в эмиграции после Октябрьской революции.

Материалом нашего исследования являются повести, рассказы, романы, воспоминания, И.С. Шмелёва эмигрантской поры, которые отражают не только культуру народа, но и культуру своего времени. Шмелёв, как и другие писатели, жившие в эмиграции, был верен России и стремился сохранить свою «русскость», поэтому всё лучшее и живое, что развивалось в эмигрантской литературе, питалось ностальгическими соками родной земли, русской классики[1].

Знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта писателей-эмигрантов первой волны. Это способствовало, с одной стороны, их умению переключаться с одного языка на другой в условиях неродной языковой среды; с другой стороны, обуславливало определённые особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики[2]. Немецкий язык писатель знал с детства, французский начал учить в Крыму, он читал в подлиннике Пруста, беседовал с Томасом Манном. Таким образом, верно и то, что причиной полилингвизма являются «социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью - обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв этнического коллектива, или всего коллектива в целом»[3].

Язык произведений И.С. Шмелёва с точки зрения присутствия в нём иносистемных элементов не был темой отдельного исследования. Усвоив старые русские литературные традиции, писатель оказался в неродной языковой среде, где испытал влияние, хотя и незначительное, других языков на язык своих произведений.

Результатом языкового контактирования выступает появление в речи (устной или письменной) иноязычных вкраплений (ИВ), представляющих собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [4]. Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как «попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами» [5].

Одним из признаков ИВ считается их неассимилированность, неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть и узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд.

Стилистическое использование ИВ определяется содержанием сообщения, в которое они включены. «Национально-культурное своеобразие содержания сообщения имеют прежде всего тексты, изображающие переменную и стандартные речевые ситуации, требующие от контактирующих использования иностранного языка или ИВ» [4].

В стандартных речевых ситуациях вербальное и невербальное поведение человека подчиняется определённым законам. «К числу переменных речевых ситуаций мы относим такие, в которых форма речи существенно меняется в зависимости от обстоятельств» [4]. Для нашего исследования важно использование сконструированной типовой речевой (переменной) ситуации, которая «характеризуется набором признаков, влияющих на выбор языка общения и характер проявления двуязычия у билингвов: 1) место языкового контакта (родная страна, граница); 2) характеристика контактирующих (национальность, социальный статус, пол, гражданство); 3) степень владения родным и иностранным языком (от нулевого до «в совершенстве»); 4) цель общения (установка на качество речи)» [4].

ИВ, введенные в текст в связи с его национально-культурной спецификой, могут обозначать предметы и явления нерусской культуры, участвовать в изображении жизненных или сюжетных ситуаций, где в качестве действующих лиц выступают носители нерусской культуры. Национально-культурная специфика текста складывается из многих составляющих, в том числе из участия в речевом акте персонажей-билингвов, из изображения реалий чужой культуры или действия, происходящего в условиях чужой культуры, и некоторых других.

Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования ИВ в произведениях И.С. Шмелёва.

В исследованном материале нами было выявлено меньшее число ИВ, что объясняется тоской писателя по всему русскому, традиционному, христианскому. Больше всего вкраплений из французского языка (50%), что соответствует русской литературной традиции XIX века, затем по частотности употребления следуют вкрапления из английского, татарского, украинского, немецкого, латинского, греческого языков.

Большая часть ИВ в текстах прямо связана с национально-культурным содержанием сообщения (со стандартной или типовой переменной речевой ситуацией, воспроизведённой в произведении, или с темой (предметом) сообщения).

Это бывает в тех случаях, когда место действий, описываемых в произведениях, влияют на отбор ИВ. Так, эпопея «Солнце мёртвых», действие которой происходит в Крыму, насыщена вкраплениями разных типов из украинского языка, характеризующими персонаж и передающими местный колорит. Так, один из героев эпопеи «разговаривает» с облупившейся больницей: «Та тэперь вже усенародная больница! Та як же бачили, шо... Усе тэперь будэ... бачили, шо...» или «Ну, здоровэньки бувалы. Це гарно, што не померлы»). Из украинского языка больше всего частичных вкраплений, т.е. ассимилированных в той или иной степени или включённых в синтаксические отношения в составе русского предложения.

Встречаются случаи изображения писателем ситуаций, когда нерусский собеседник-билингв знает русский язык, а русский не знает языка собеседника. Так, в той же эпопее та-

тарин изъясняется с героем при помощи контаминированной русской речи (присутствует интерференция на фонетическом и грамматическом уровнях). «-Йей! – кричит он с болью в глазах, дёргает меня за руку. –Ну, твоя нада! пажалюста... бери конь! ну ... клеба давай,... мала-мала. Снег, зима пришёл».

Местом действия произведений писателя может быть заграница, и героями произведений являются люди нерусской культуры, совсем не знающие русского языка, поэтому в текстах И.С. Шмелёва есть нулевые ИВ. Они представляют собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включённый в оригинальную русскую речь, например в романе «Иностранец» герои оказываются во Франции, что предполагает использование французского языка в передаче разговоров персонажей.

Довольно часто в произведениях писателя можно встретить отрезки иностранной речи, переданные при помощи русской графики. Это иногда может свидетельствовать о недостаточном знании персонажей иностранных языков. Так, в рассказе «Как я покорил немца» герой, маленький мальчик, долго не мог выучить стихи по-немецки. «... все эти фатер, гефеттер, бауэр и нахбар... - ничто не помогало» - жаловался он. А также это вкрапления из татарского, греческого языков, т. е. языков, вкрапления из которых традиционно было принято передавать в русской транскрипции.

Встречаются случаи использования в текстах полных ИВ, представляющих собой вставленный без всяких изменений в принимающий их текст отрезок текста на иностранном языке. Как правило, они передают речь героев-иностранцев, демонстрируют тексты песен, пословицы, крылатые выражения, различные надписи, т.е. передают национально-культурную специфику содержания сообщения, например, французские вкрапления – названия улиц, площадей, театров, кафе в рассказах писателя «Въезд в Париж», «Песня», «Тени дней», посвящённых описанию культурных реалий другой страны.

Художественной речи писателей-эмигрантов свойственно употребление ИВ не только той страны, где они жили, но и слов других языков. Они оформляются иногда как инкрустации из чужого языка, иногда передаются русскими буквами, с кавычками или без них. Например: «Не пень, не пигалица даже, а ... ничто! нуль, абсурд, nihil!!». («На пеньках»).

Таким образом, И.С. Шмелёв во многом продолжает традиции отбора, использования и ввода ИВ в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи, но и отражает языковую ситуацию, сложившуюся в кругах эмиграции. Эти выражения не утратили своей «престижной» функции, т.е. они продолжают использоваться для украшения речи образованных людей. Однако нужно отметить, что общее количество ИВ снизилось по сравнению с текстами этого стиля XIX века. Это объясняется тоской писателя-эмигранта по всему русскому, русской старине.

Библиографический список

1. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.- С. 8.
2. Язык русского зарубежья: Общ. процессы и речевые портреты/ Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз.им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Вена: Яз. слав. культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.- С. 36.
3. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред. колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука 1972.- С. 14.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. – С. 23-144.
5. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-81.

References

1. Sokolov A.G. The fortune of Russian literary emigration of the 1920s. – M.: 1991.- P. 8.
2. The language of the Russian abroad: Mutual processes and language portraits.– M.–Vienna, 2001.- P. 36.
3. The problems of bilingualism and polylinguism. – M.: 1972.- P. 14.
4. Listrova-Pravda J.T. Selection and usage of foreign elements in Russian literary speech of the 19th century. – Voronezh, 1986. – P. 23-144.
5. Hawgen E. Language contact // The new in linguistics. – M.: 1972. – Vol. 6. – P. 61-81.

УДК 343.1

*Воронежский государственный университет
Студент 5 курса филологического факультета
кафедра зарубежной литературы Страхов И. И.
Научный руководитель - доцент кафедры зарубежной литературы М. Н. Недосейкин
Россия, г. Воронеж, тел. +7(919)237-29-02;
e-mail: jizak@yandex.ru*

*Voronezh State University
Philological Department, student
Strakhov I. I.
Supervisor of studies –
the senior lecturer M. N. Nedoseykin
Russia, Voronezh, tel. +7(919)237-29-02;
e-mail: jizak@yandex.ru*

М.Н. Недосейкин, И. И. Страхов

НОВОЗАВЕТНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. КАМЮ «ПОСТОРОННИЙ»

В статье путем сопоставления текста А. Камю с Новым Заветом выявляется множество параллелей, проливающих свет на мировоззренческие позиции писателя.

Ключевые слова: мировоззрение, художественный текст, христианство.

M. N. Nedoseikin, I.I. Strakhov

THE NEW TESTAMANT MOTIFS IN «THE STRANGER» BY ALBERT CAMUS

The article is devoted to the comparison between Camus's «The Stranger» and the New Testament. It brings a lot of parallels into relief and elucidates writer's worldview.

Key words: world outlook, fiction text, Christianity

Как известно, Альбер Камю всю свою жизнь обращался к вопросам, которые поставило перед человеческой историей такое сложное религиозное явление, как христианство. Пожалуй, наиболее полно всю важность и сложность этой мыслительной коллизии для французского мыслителя выражает сделанная им выписка из высказывания Готорна о Мелвилле: «Он не верил, но не мог довольствоваться неверием» [8; 60]. Особенно интенсивно новозаветная тематика проявилась в его самом популярном произведении «Посторонний» (1942). Основание для такого чуть ли не прямого соответствия между романом и религиозными текстами обозначил сам Камю, бросивший (среди многих иных размышлений о фигуре центрального персонажа), что приговоренный к смертной казни Мерсо является «единственным Христом, которого мы заслуживаем».

Этот факт постоянно интриговал ученых-литературоведов, которые неоднократно возвращались к его интерпретации. Так, Евгений Петрович Кушкин в монографии «Альбер Камю. Ранние годы», приводя фразу Камю о Мерсо-Христе, отмечает, что последним словом романа остается «ненависть», к которой это сопоставление и сводится. Пытаясь же ответить

на вопрос, зачем Мерсо понадобилась ненависть зрителей, ученый обращает внимание именно на финал «Постороннего», который плотнее всего связывает эти две фигуры: «ненависть зрителей нужна Мерсо, как он говорит словами Христа, «для полного свершения» его судьбы» [5; 173]. Кушкин также отмечает, что Камю в своей прозе и эссеистике не раз возвращается к этой евангельской сцене, описывающей Христа, идущего на казнь под крики ненависти. Другими словами, основанием для сравнения Мерсо и Христа становится некая коллективная эмоция, которая только помогает центральному персонажу выполнить предначертанное. Любопытно, что в этом случае ненависть функционально очень напоминает самую распространенную интерпретацию Иуды, который тоже ведь был необходим «для полного свершения судьбы» Христа.

Самарий Израилевич Великовский в книге «В поисках утраченного смысла» пишет, что Мерсо похож на Христа тем, что обоих осуждают за то, что они чужды обществу и отказываются лгать. Он также замечает, что «для Камю жизнь «умирающего за правду» «постороннего» – козырь, дабы побить карты служителей кривосудия, убедивших себя в нерушимости принципов, которые им поручено охранять. И он словно бы не замечает или умалчивает, что у них на руках козырь ничуть не менее сильный – жизнь, оборванная «посторонним»... И если «посторонний» – Христос, распятый фетишистами фарисейской охранительности, то погибший от его пули араб – Христос, распятый фетишизмом «языческой» раскованности» [2; 202]. Стоит отметить характер проводимого сравнения: Великовский работает с помощью оппозиции христианство/язычество. При любом раскладе правда находится вне общества, которое перестает ощущать условности собственной организации. Вместе с тем он отмечает и откровенную «антигуманность» этой «языческой» правды, ее бесчеловечность. Мерсо похож на Христа только в первом случае, когда он противостоит социуму. Недаром Великовский очень часто использует в своих размышлениях слово «фарисеи».

В обрисованном контексте чрезвычайно интересно отсутствие сколько-нибудь детального сопоставления самих текстов. А ведь как раз на этом уровне, думается, можно выяснить необходимость фигуры Христа для Камю, особенности ее понимания французским философом, что дополнит вышепредставленные интерпретации.

Для анализа за основу был взят перевод, выполненный Норой Галь, но привлекался также и перевод Натальи Ивановны Немчиновой.

Все реминисценции и цитаты, отсылающие к Новому Завету в «Постороннем» можно, с большой долей условности, конечно, разделить на несколько видов. Во-первых, это ссылки, которые просто создают определенный природный и эмоциональный фон всего повествования. Это своеобразные знаки, ориентирующие читателя в нужном направлении. Например, интересно отметить, что едят герои повести. Раймон приносит Мерсо две бутылки вина. Массон угощает своих гостей рыбой и хлебом. Эти три продукта являются для христианства знаковыми: хлеб – тело Христово, вино – кровь Христово, рыба – символ христианства вообще. Явление Христа при море Тивериадском [1; 1159] своим ученикам также сопровождалось вкушением хлеба и рыбы.

Библейская пища дополняется общими пейзажными зарисовками, которые легко соотносятся не столько с Алжиром, сколько с древней Иудеей.

На допросе происходит и единственная, можно сказать, «встреча» Мерсо с Христом. Следователь размахивает перед героем серебряным распятием и приходит в ярость, когда Мерсо говорит, что не верит в Бога и в то, что Христос страдал и за него. Однако позже следователь уже похлопывает Мерсо по плечу и дружески (!) называет его «господин (!) Антихрист» [3; 53].

Во-вторых, это цитаты, приближающиеся к дословным и имеющие при этом более глубокое содержание. Их больше. Уже заголовок романа напрямую перекликается с одной из фраз Христа: «вы от мира сего, Я не от сего мира» [1; 1140], приведенной в Евангелии от Иоанна. А слово «посторонний» (l'йtranger) имеет следующий набор значений: «не свой, не принадлежащий к данному обществу, учреждению, семье и т.п.» [6; 492]. Французское же

слово, использованное Камю, только расширяет указанный смысловой объем: странный, другой, инородный, чуждый, иностранец и т.д. – так можно определить психологическую и интеллектуальную позицию как Христа, так и Мерсо.

Еще один факт прямого цитирования новозаветных текстов – в сцене суда. «Спросили, что он [Селест] думает обо мне, и он ответил, что я был человеком». В переводе Натальи Ивановны Немчиновой последнее слово даже выделено полужирным. Речь, конечно же, идет об известной сцене из Евангелия от Иоанна: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: «се, Человек!» [1; 1156]. Это выражение стало крылатым в западноевропейской культуре в латинском переводе: «Ессе Номо».

Действительно, учитывая философскую подоплеку «Постороннего», можно назвать все действия (и все бездействие) Мерсо проповедью – проповедью экзистенциализма. Подтверждением этому могут служить сделанные Камю записи о «человеке, который всю жизнь защищает некую веру», [5; 151] и о человеке, который «без всякой героической позы соглашается умереть за правду» [5; 153]. За свои (почти немые) проповеди ему, как и Христу, приходится отвечать перед судом, выносящим, в конце концов, смертный приговор. Но, если в Евангелие распятие и воскресение Христа занимает одно из центральных мест, то в «Постороннем» обезглавливание Мерсо происходит в мыслях героя. Он, как и Христос, должен быть казнен «по бездушию и лицемерию судей» [5; 149]. И, как смерть и воскресение Христа является «сердцевинным утверждением Символа веры» [9], так и смерть Мерсо «лежит в основе его правды» [5; 160], также «разрушающей фарисейские основы жизни» [5; 174].

Как уже отмечал Евгений Петрович Кушкин, повесть заканчивается фразой Мерсо «и пусть они встретят меня криками ненависти [5; 90]. Вспомним, из-за чего Пилат все-таки отдал Иисуса на распятие: «Но они [народ] продолжали с великим криком требовать, чтобы Он [Иисус] был распят» [1; 1123]. Интересна в этом контексте и следующая фраза Христа, сказанная ученикам: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» [1; 1137].

Образ Мерсо сопровождается как ссылками именно на личность Христа, которые и позволяют ассоциировать Мерсо с Иисусом, так и на других персонажей евангельской истории.

Примером могут служить слова уже приговоренного к смертной казни Мерсо: «Они приходят на рассвете, это я знал. И все ночи напролет только тем и занимался, что ждал рассвета. Не люблю, чтобы меня заставляли врасплох» [3; 82]. Эта фраза перекликается со словами Христа, сказанными ученикам: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» [1; 1045].

Выйдя на работу после четырехдневного отпуска, связанного со смертью матери, Мерсо моет руки, что может быть истолковано как реминисценция на евангельский эпизод с Понтием Пилатом: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» [1; 1051].

Недаром в повести очень важен мотив невинности. Узнав о смерти матери, Мерсо говорит патрону: «Я ведь не виноват» [3; 7], а потом, уже во время разговора с Мари думает: «Все равно, как ни крути, всегда окажешься в чем-нибудь да виноват» [3; 19]. На протяжении всей второй части повести Мерсо находится в статусе обвиняемого и один раз даже понимает, что виноват: «Тут я почувствовал, как в зале нарастает волнение, и впервые понял, что виноват» [3; 66]. Позже уточняется, что стоит за этим пониманием: «Мне неизвестно, что такое грех, мне объявили только, что я виновен» [3; 84], – говорит Мерсо. В этом герой противопоставлен Христу: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» [1; 1128].

Примечательна и структура повести, а именно распределение действия романа по дням недели. В контексте Священной истории это, конечно же, принципиально важно. Итак, первый четверг – путь в Маренго, ночь у гроба матери в присутствии 12 (!) пансионеров со злополучными сигаретой и кофе – соответствует Тайной вечере, последней трапезе Христа со

своими учениками. Первая пятница – похороны матери и психологическое спокойствие Мерсо, послужившее на суде еще одним доказательством вины героя – соответствует суду Синедриона и погребению Христа. Первая (а также и вторая) суббота – встреча с Мари, очередное свидетельство жестокосердия Мерсо – сравнима с субботами, которые нарушает Христос: «И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» [1; 1134]. Утро и первого, и второго воскресения Мерсо проводит с Мари, что также можно сопоставить с утром Воскресения, когда «по прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалена и другая Мария посмотреть гроб» [1; 1053]. Первое воскресенье Мерсо проводит у окна, созерцая улицу. Второе ознаменует сцена с избиением Раймоном женщины. В третье же воскресенье и произойдет тот конфликт с арабами, который в дальнейшем приведет героя к смертному приговору. Кроме написания письма для Раймона в один из понедельников, все события повести, соотнесенные с конкретными днями недели, соотносятся именно с ключевыми днями Страстной недели: четвергом, пятницей, субботой и воскресением. Конкретно же воскресенья становятся фоном развития событий первой части «Постороннего» три раза. Любопытно, что в русском переводе эта значимость седьмого дня недели выглядит еще более ярко, нежели в оригинале [День недели: dimanche; Воскресение: ressuscitation]. Мерсо бросает: «Не люблю воскресений» [3; 19].

Представляется чрезвычайно значимым, что Камю практически не делает ссылок ни на детство Христа, ни на призвание, ни на чудеса, сопровождавшие его деятельность. Французский мыслитель словно бы вычеркнул личную историю Христа, сведя ее к неполной неделе, имеющей к тому же тенденцию к повторению. Линейное время Священной истории он подменил циклическим временем. Недаром многие события в романе стремятся к собственному воспроизводству, они повторяются по несколько раз с минимальными изменениями. Чаще всего Камю останавливается на числе три (три воскресенья, три встречи со священником, структура встречи с арабами и т.д.). Причем можно предположить, что здесь число три отсылает не столько к христианству, сколько к общей логике мироздания, отразившейся во многих культурах и религиях, которые рассматривают число три как образ абсолютного совершенства [7; 31].

Затронем и язык повести. Камю пользуется короткими, зачастую парцеллированными фразами с простой лексикой. Однако описание сцены убийства араба неожиданно преподносит нам непривычную для повести лексику, воплощающую библейские образы. «Я... ничего больше не чувствовал, только в лоб, как в бубен, било солнце, да огненный меч, возникший из стального лезвия, маячил передо мной... Мне почудилось – небо разверзлось во всю ширь, и хлынул огненный дождь...». Сравним с библейскими: «...в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» [1; 10]; «...но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех» [1; 1113]; а также с описанием Господа, приведенном в «Откровении Иоанна Богослова»: «Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей».

И последнее. Рассмотрим еще раз фразу Камю, ставшую основанием как этой статьи, так и многих других исследований: «Мне случалось также парадоксальным способом утверждать, что я попытался изобразить в своем персонаже единственного Христа, которого мы заслуживаем» [5; 183]. («Il m'est arrivé de dire aussi, et toujours paradoxalement, que j'avais essayé de figurer, dans mon personnage, le seul Christ que nous méritions».)

Понятие парадокса, к которому отсылает Камю, чрезвычайно важно: ведь парадокс в основе своей нелогичен и даже противоречит здравому смыслу. Считал ли Камю свое утверждение истинным парадоксом, не имеющим под собой ничего, кроме отрицания здравого смысла, или же мнимым парадоксом, который может только казаться парадоксом, неизвестно.

Обратим также внимание на слово «заслуживаем». Русское слово «заслуживаем» приобретает здесь некоторый оттенок осуждения – все, что мы заслуживаем. Тогда как французское («méritations», «mérite») означает не только «заслугу», но и «достоинство», «положительные качества». Подобное значение реализуется, например, в сочетании «медаль за заслуги». То есть Мерсо – это Христос, который соответствует нам; Христос, которого мы «получили» за заслуги?

Так что же Камю хочет сказать, наполняя повесть новозаветными мотивами? Пояснение самого автора, о том, что Мерсо – «единственный Христос, которого мы заслуживаем», может трактоваться по-разному. «Единственный» – значит ли это, что мы заслуживаем такого Христа, вместо Того, что есть у нас? Кем был для атеиста Альбера Камю Христос и что для него значила фигура Иисуса? Христос – это только «поиск *стиля жизни*», как обозначает единственное «превосходство... христианского *образца*» [4; 90] Камю в своих записных книжках? Кого имел в виду автор под словом «мы» – человечество вообще или свое поколение? И как можно «заслужить» истинного Христа? Эти вопросы продолжают сохранять свой открытый характер.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Рос. библ. общ., 2004. – 1371 с.
2. Великовский И. В. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции / И. В. Великовский. – М.: Худож. лит., 1979. – 294 с.
3. Камю А. Посторонний: повесть. Чума: роман / А. Камю. – М.: АСТ: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 348 с.
4. Камю А. Из записных книжек / А. Камю. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 254 с.
5. Кушкин Е. П. Альбер Камю. Ранние годы / Е. П. Кушкин. – Л.: ЛГУ, 1982. – 183 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
7. Топоров В. Н. Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 629-631.
8. Фокин С. Л. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь / С. Л. Фокин. – СПб.: Алетейя, 1999. – 377 с.
9. Шмеман А. Воскресные беседы / А. Шмеман. – М.: Паломник, 2002. – 247 с.

References

1. Holy Bible. Old Testament and New Testament. – Moscow: Russian Bible Community, 2004. – 1371 p.
2. Velikovskiy I. V. In search of the lost value. Sketches of the tragic humanism in France / I. V. Velikovskiy. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979. – 294 c.
3. Camus A. The stranger. The plague / A. Camus. – Moscow: AST: AST KHRANITEL, 2007. – 348 p.
4. Camus A. Notebooks / A. Camus. – Moscow: AST: AST MOSKVA, 2009. – 254 p.
5. Kushkin E. P. Albert Camus. Early days / E. P. Kushkin. – Leningrad: LGU, 1982. – 183 p.
6. Ozhegov S. I. Russian dictionary / S. I. Ozhegov. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. – 797 p.
7. Toporov V. N. Numerals / V. N. Toporov // Myths of the nations: Entsiclopedia. – Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980. – Vol. 2. – P. 629-631.
8. Fokin S. L. Albert Camus. Novel. Philosophy. Life / S. L. Fokin. – Saint Petersburg, 1999. – 377 p.
9. Shmeman A. Sunday talks / A. Shmeman. – Moscow: Palomnik, 2002. – 247 p.

УДК 81'282

*Воронежский государственный университет
Кафедра славянской филологии
Студентка Ульянова Д. В.
Научный руководитель –
Кандидат филологических наук, доцент кафед-
ры славянской филологии
Панова М. В.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-920-226-54-40;
e-mail: d.uljanova@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic Philology
Student Ulyanova D. V.
The supervisor of studies –
Ph. D, the senior lecturer Panova M. V.
Russia, Voronezh, tel.: 8 920 226 54 40;
e-mail: d.uljanova@yandex.ru*

М.В. Панова, Д. В. Ульянова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ ОБРАБОТКИ ВОЛОКНА В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

В статье анализируется лексика тематической группы «Обработка волокна», бытующая в говорах Воронежской области. Рассматривается системная организация лексических единиц, их семантические особенности, происхождение, мотивировочные признаки и ареальные связи.

Ключевые слова: диалекты, воронежские говоры, тематическая группа, обработка волокна, системная организация, ареальные связи.

M.V. Panova, D. V. Ulyanova

THE LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTIC OF LEXICON OF PROCESSING OF THE FIBRE IN THE VORONEZH DIALECTS

In article the lexicon of the lexical set «Fibre processing» occurring in dialects of the Voronezh region is analyzed. The system organization of lexical units, their semantic features, an origin, motivation signs and areal communications are considered.

Keywords: dialects, the Voronezh dialects, lexical set, fibre processing, system organization, areal communications.

В рамках лексики обработки волокна в воронежских говорах могут быть выделены следующие тематические группы: 1) наименования льна, конопли и других волокнистых растений. Уборка волокнистых растений; 2) наименования шерсти; 3) лексика, обозначающая переработку льна, конопли и шерсти на волокно. Рассмотрим подробнее каждую из тематических групп. Отметим, что источником материала стали данные «Словаря воронежских говоров» [8] и его картотеки, хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета. Цифра после дефиса в заглавном слове обозначает одной из значений многозначного слова.

I. ТГ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЬНА, КОНОПЛИ И ДРУГИХ ВОЛОКНИСТЫХ РАСТЕНИЙ. УБОРКА ВОЛОКНИСТЫХ РАСТЕНИЙ

В составе данной тематической группы выделяется восемь ЛСГ:

- 1. ЛСГ «Общие наименования льна, конопли и других волокнистых растений».**
КАСТРИЛЬ, -и, ж. Крапива. *Кастришина* – ис *кастрили* пряли. НКЛС. Калач.

КОНОПИ-1 (канапи, канапы, кынапы), мн. Конопля. *Канапи сеяли, халсты ткали, чунчики пляли ис хлопьяф канапи. Н.-ЖВТ. Рам. Да канапы так и назывались. ИСТ. Реп. Ис кынапей палучали нитки, вили вирёфки. СТ.ЧГЛ. Аннин. Сеили мы канапий – эта был надвае поскань, эта раньше. А канапля сама ана с симинами. ХЛБР. Аннин.; АРХ. Хохол., Б.ВРК. Семил., ББК. Н.-Усм., В.ТРВ. Нж.-Дев., ВДГ. Семил., ДВД. Лиск., ДВЦ. Остр., ДНК. Кашир., ДНС. Россош., ДРЗ. В.-Мам., КМН. Лунецк., КРС.ЛП. Реп., КЧТ. Хохол., МСТ. Остр., МЧТ. Бобр., НЖ.ИКР. Лиск., НКЛС. Калач., НКЛС. Хохол., ОРЛ. Н.-Усм., ПЛТ. Реп., ПСК. Повор., ПЧЛ. Бобр., Р.ГВЗ. Рам., РСШК. Реп., СВТ. Тал., СКП.ПТД. Нж.-Дев., СЛД. Остр., СТ.НКЛС. Хохол., СТ.ТД. Аннин., ТД. Пан., ТРН. Остр., УСТ.-МРВ. Реп., ХЛБ. Н.-Усм., ХЛБР. Аннин., ХРН. Н.-Усм., ЧСМ. Бобр., ШСТ. Бобр. ◇ **Подымать конопи.** Конопля вылеживалась – ее можно подвергать дальнейшей обработке. КРС.ЛП. Реп. ◇ **Конопи посинели.** Конопля вылежалась – теперь ее можно мять. КРС.ЛП. Реп.*

КОНОПЕЛЬ, ж. Конопля. *Мы и канпель сажали. СТ.ТД. Аннин.*

Следует отметить, что диалектная форма *конопи* является первичной по отношению к литературной форме *конопля*, так как *конопля* – суф. производное (суф. *-j-, pj > пл*) от *коноп* [15]. Обратимся к этимологии данного слова. О. Н. Трубачев отмечает, что название конопли известно не только всем славянам, но и многим языкам Европы с раннего времени. Он считает, что греческое *kannabis*, латинское *cannabis*, славянское *конопля* и германское *Hanf* заимствованы, но не из Передней и не из Малой Азии, как полагают многие исследователи. В Грецию конопля пришла вместе с названием непосредственно с севера – предположительно, от фракийцев. Кроме того, «есть основания считать название конопли местным, восточноевропейским словом индоевропейского происхождения, в конечном счете – из индоиран. **kana-* «конопля». <...> Женская конопля – семенное растение, откуда название дано по семени в местных индоиранских языках Северного Причерноморья. При этом любопытно, что для обозначения дикой конопли было использовано в сущности доземледельческое название семени. Индоиран. **kana-*, возможно, родственно греч. *кыйт* «пыль», лат. *cinis* «зола», далее – экспрессивному греч. *кьккит* «зернышко, семечко плода». <...> Несколько труднее обстоит дело с интерпретацией другого компонента исходного сложения **kana-pus-*, давшего все прочие европейские названия конопли: может быть, в связи с др.-инд. *р̄ман* «мужчина, самец», т. е. как «конопля мужская»? Последующие смешения названий мужской – бессемянной – и женской конопли возможны. Или мужская конопля названа как «пыльниковая, опыляющая» – от и.-е. **pu-s-* «дуть, веять» [12].

ЛЁН-СКАКУН, льна-скакуна, м. Лен, семена которого осыпаются до созревания и который предназначается только для получения волокна [9].

Лексема *лён* имеет прямые соответствия в других славянских языках: «укр. *лен*, род. п. *льну*, ст.-слав. *льнѣнь* «льняной» (Супр.), болг. *лен*, сербохорв. *ла̑н*, словен. *lȃn*, род. п. *lȃna*, чеш. *len*, род. п. *l̄ni*, словц. *l'an*, польск. *len*, *lni*, в.-луж. *len*, н.-луж. *lan*» [13], то есть принадлежит к общеславянскому лексическому фонду. Однако дальнейшая этимология лексемы *лён* признается спорной. О. Н. Трубачев пишет, что «праслав. *льнь* «растение *Linum*» имеет близкие соответствия с тождественным кратким корневым вокализмом в лит. *linas* (чаще мн. ч. *linai*) «лен», лтш. *lins* (обычно мн. ч. *lini*), др.-прусск. *linno*, греч. *лйнон* то же. Близкая основа с долгим гласным *i* в корне представлена лат. *linum* «лен», гот. *lein* «холст», др.-в.-нем., др.-англ. *lin* (нем. *Lein*) «лен», др.-ирл. *lin* «сеть», н.-ирл. *lion* «сеть; лен», алб. тоск. *liri* «лен», гег. *lini* то же. Соотношения форм этих двух групп, а также внутри групп толкуются различным образом» [16, вып. 17, 89]. Одни ученые (Hofmann) предполагают заимствование славянской формы из латинского или германского, «что невероятно при различиях в количественных характеристиках корневых гласных» [16, вып. 17, 89]. Другие (Pokorny) говорят о «заимствовании герм. и кельт. форм из лат. <...> Гипотеза о происхождении всех приведенных выше форм из до-и.-е. субстрата принадлежит Махеку» [16, вып. 17, 89]. Многие исследователи (Фасмер) «допускают возможность как исконного родства всех форм, так и их заимствования из общего источника («культурное заимствование»)» [16, вып. 17, 89].

Помимо изложенных точек зрения на этимологию данного слова, О. Н. Трубачев приводит интересную гипотезу А. Фика «о родстве названия льна с и.-е. *lei- «лить», при первичной мотивации «намоченный», обусловленной существенным этапом обработки льна – его мочкой <...>. Именно это толкование, долгое время даже не упоминавшееся в этимологических словарях, получает теперь признание и развитие: структура *lino- объясняется как причастие страд. прош. вр.; тождественная семантическая модель обнаружена в др.-инд. *lita* «лен», для которого установлено происхождение из и.-е. *ito- «сырой, намоченный», ср. лат. *ūmēre* «быть влажным», <...> а также лит. жем. *imas*, ж. р. *ima* «сырой, свежий, непросохший» [16, вып. 17, 90].

Придерживаясь гипотезы А. Фика, мы предполагаем, что в основу лексемы лён положен семантический переход «действие → результат действия». Этимология второй части составного наименования лён-скакун представляется недостаточно ясной.

2. ЛСГ «Наименования стебля растения и его составных частей».

БЫЛКА¹⁻³, -и, ж. Стебель травы, злаков, технических культур, особенно льна и конопли. *Былку мнут, и палучитца волас. РСШК. Реп. Былка атходя, жылка остаётца. ЗЛЖ. Лиск.; Б.ВРК. Семил.*

БЫЛОЧКА-1, -и, ж. Стебель травы, злаков, технических культур, особенно льна и конопли. *Лезим, у канапи бирём былачки. СТ.ВДГ. Семил.; В.ТРВ. Нж.-Дев., ВДГ. Семил.*

Согласно этимологии Н. М. Шанского, «былка» – суф. производное от *был* – «стебель», «растение» (ср. *чернобыл*), польск. *był* – тж. (от *быти* в значении «расти») [15]. То есть *былка* – это то, что есть, то, что растет.

ЖИЛА-2, -ы, ж. Стебель льна. *Жыла харашо ламайтца – значить, лён паспел. ВШЛ. Липецк.*

О. Н. Трубачев объясняет этимологию слова *жила* следующим образом: праслав. *hila → и.-е. *g^h i – «жить» [10, 101]. Н. М. Шанский пишет: «Жила. Общеслав. Считается суф. производным (суф. -j-) от той же основы, что и литовск. *gėsla* – «жила», арм. *jil* – «нерв», лат. *filum* – «нить», диал. *жица* – «нитка», литовск. *gija* – «нить» и т. д. Первоначально *жила* – «нить». Жилы и вены названы по их сходству с нитями» [15].

ГОЛОВАСТИК-3, -а, м. *Мн.* Зрелые стебли конопли [9].

ЗАМАШКИ-4, мн. Стебель льна-дергунца. *На агароде навывбираем замашки. СТ.ВДГ. Семил.; ВСЛ. Липецк.*

КОСТРИКА-2, -и, ж. Отстающая травинка от стебля конопли. *СТ.ЧГЛ. Аннин.*

КОСТРИК, -а, м. Самая жесткая часть конопляного стебля, из которого делали дерюжки. *Кастрик – эта вот када мнут канаплю, а эта вот летит, вот из них прядут дерюшки. ХЛБР. Аннин.*

О. Н. Трубачев отмечает, что лексема *кострика* является исконно текстильным термином, имевшим отношение первоначально только к обработке волокна. Праслав. *kostra произведена с суф. -tr- от основы *kos-/kes- (ср. русск. *чесать*) со значением результата действия: *kostra = «начесанное» [10, 84].

КОРЕНЬЯ, мн. Отбитые до мягкости стебли конопли; третий сбор; нижняя часть стеблей. *Адбивает цыпами, а патом эти каренья вазили мачить на реку – ани мяжкие станут. УСТ.-МРВ. Реп.*

Наименования особой конопли по полу

Различение конопли по признаку пола принципиально важно в процессе изготовления тканей. Волокно мужских растений считалось более качественным, служило основой для тонкой ровной ткани, из него делали праздничную одежду, полотенца, детские пеленки, скатерти и даже кружева. Волокно женских особой было более грубым и шло на изготовление дерюжек.

3. «ЛСГ Названия мужской особи конопли».

ДЁРГАНЕЦ-2 (дерганиц, дёрганиц), -нца, м. Мужская особь конопли. Особый мелкий (выборочный) род конопли, обрабатываемый исключительно для изготовления белья и по

своему качеству и прочности не уступающий «доброте» льна. *Дёрганиц растёт бис семя. Яго раньше дёргали, а патам уш месяца чирис палтара с семим. Канапля из няво харошая выходит. Б.ВРК. Семил.; Б.СМВ. Эрт., КПН. Остр., РСТ. Эрт. Дёрганицы стелют, сушут, потом на мельнице толкут – получают замашки, их прядут, ткнут [9]. Повсеместно.*

ДЁРГАНИЦА, -ы, ж. Мужская особь конопли. *Дёрганица выдьялитца у канапей: ана выкладывайтца вышы и няжней. РСТ. Эрт.*

ДЁРГАНИК (дёрганик, дёргник), -а, м. Мужская особь конопли. *Упярёт дёрганик дёргали. РСТ. Эрт.*

ДЕРГУНЕЦ, -нца, м. Мужская особь конопли. *У июли яво бяруть, дяргунец. РСТ. Эрт.*

Этимология лексем *дёрганица*, *дёрганик*, *дёрганец*, *дергунец* легко объяснима, если учитывать тот весьма значимый для хозяйственной деятельности крестьян факт, что мужские особи конопли созревают быстрее, и *выдергивают* их раньше семенной конопли: мужские растения выбирали сразу после цветения, а женские оставляли в поле до конца августа.

ЗАМАШКИ-2, мн. Мужская особь конопли, конопля-дерганец; созревает раньше основного посева и имеет более тонкую нить, которая шла на изготовление холстов. *Замашки там чуть астались, напярсти нада. Р.БЛВ. Павл.; Б.ЯСР. (Аннин. или Пан.). Замашки слали на лух да осени, пакеда ани там уляжатца. ПКР. Орлов. Набрала я замашки и стала талочь. КСТ. Хохол. Замашки – эт каторыи бис сямьян растут. Р.ГВЗ. Рам. З гарода выбириши замашки в пятров день. ВДГ. Семил.*

Этимология лексемы *замашки* представляется недостаточно ясной. В словаре В. И. Даля находим: «Бесплодная (мужская, пыльниковая) конопля, дерганцы, посконь (ряз. тул. орл.), также *замашки* мн. *Замашкой* зовут и посконную пряжу и самый холст. *Эта конопля стоит выше и метелка ее машет туда и сюда, от ветру*» [2]. Кроме того, можно сделать предположение, что *замашки* – это такое количество стеблей, которое можно взять «одним махом».

БУБКА, -и, м. Мужская особь конопли. *Бубку раньше канапей выбирают. Р.ГВЗ. Рам.*

ЛЕЩИ, мн. Мужские особи конопли, сплетенные между собой и опущенные в воду для вымачивания. *У каждага сваи лещи, на ряке вымакали. УСТ.-МРВ. Реп.*

На данный момент этимология лексемы *лещи* представляется неясной.

4. ЛСГ «Наименования женской особи конопли».

БРАНКА (бранка, бранька), -и, ж. Женская особь конопли. *Бабы брали бранку. КЛМН. Кашир. Браньку мелкаю брали над руку. РГЧ. Н-Усм.*

Бранка ← *брать* (действие → результат). См. также глагол *брать* в ЛСГ «Процесс уборки».

ГОЛОВЕШНИК (галавешник, галавишник), -а, м. Женская особь конопли. *В поскани сямьяноф нету, а в галавешнику – сямьяна. ДРК. Лиск. Галавешник стаить да синтибря, с семим каторый. НКЛС. Хохол.; ДВД. Лиск.*

ГОЛОВКА-9, -и, ж. Женская особь конопли. *А эта поскань, на этой семи ни бывают, на этой семя бывать, на галофки. ПТН. Хохол.; СР.КРЧ. Гриб.*

Семантический переход, положенный в основу лексем *головешник* и *головка*, можно объяснить как сходство формы головы (круглая) и формы семенных коробочек женских особей конопли. Видимо, здесь присутствует и метонимия: семенные коробочки конопли → конопля.

ГОЛОВАСТИК-2, -а, м. Головка конопли, содержащая семя [9].

КОНОПИ-2, мн. Женская особь конопли. *КЛМК. Повор.*

В говорах наблюдается противопоставление лексем *конопи* и *дёрганец* и как мужской и женской особи: *Дёрганица выдьялитца у канапей: ана выкладывайтца вышы и няжней. РСТ. Эрт.*

МАТКА, -и, ж. Конопля с семенем (женская особь). *На матке скоро семя будить.*

РГЧ. Н.-Усм.; ИЛВ. Белг.

Праслав. **matъka* является производным с суффиксом -ъk-а от усеченной основы **mati* [16, вып. 18, 18]. Можно считать, что в основу данной лексемы положен метафорический перенос по сходству функций («имеющая потомство»).

МОЧЕНИК-1 (маченник, маченик, маченик, моченик), -а, м. Женская особь конопли, а также конопляное волокно, пряжа, вымоченная в воде (замачивают на неделю в воде, затем просушивают, обрабатывают и получают волокна, которые находят самое широкое применение в хозяйстве). *Фтарой маченик, в ней сямьяна. СРГ. Пан. Маченик мочуть и кладуть на сталы. Маченник – эта канани с семим. Маченник идёт на аборки, чуни. А маченник з галофками каторый, мочут их. Из маченику аборки вьют. Маченик долга ляжыть. Б.ВРК. Рам. Ис кананей делали маченник. Я купил вирёфку ис маченника. БНН. Липецк. Маченник тонкай. ЛВ.РСШ. Кашир. Пут маченникаф унясли. М.ВРК. Семил. Чулени из моченику вьют. Из маченика чули пляли. ЛМВ. Рам.; Б.ЯСР. (Аннин. или Пан.), Н.-ЖВТ. Рам., НЖ.ММН. В.-Мам., ПТН. Хохол., Р.ГВЗ. Рам., [9, вып. 18, 318].*

МОЧЕНЕЦ (мачиняц, маченец, маченец), -нца, м., мн. моченцы. 1. Женская особь конопли, а также вымоченные для обработки лён, конопля. *Маченцы таскали, вот я и прастудила ногу. РГВ. Белг. Мачиняц мокня месяц. СТД. Липецк. То поскань, а то маченец, галофки. СР.КРЧ. Гриб. Из дёрганца выбрали маченец. ДНС. Россош. Аделляли дерганец ат маченца, сушыли и мачили в речке. РСШ. Реп. А осинью пад зиму срывали кананлю мачениц. МСТ. Остр. Из маченцу была тонкая пряжа. ШКВ. В.-Хав.; ББК. Н.-Усм., БРВ. Н.-Усм., В.ПЛВ. В.-Хав., КРЧ. Рам., МТР. Эрт, Р.ТРС. Рам., ХРН. Бобр. 2. Мужская особь конопли, то же, что дерганиц (?). РСТ. Эрт.*

В основе лексем *моченик, моченец* лежит семантический переход «действие → результат действия».

5. ЛСГ «Наименования обмолоченных коробочек конопли».

ГОЛОВНЯ¹-1, -и, ж. Семенные головки конопли после обмолота (без семян). *Семя кананпяная – галофка, када нималочёная. Ана ибабьётца – галавня. БРД. Аннин.; РСТ. Эрт.*

ГОЛОВИЦА, -ы, ж. Пустая головка конопли (без семян). *Галавица – эт в ней нету кананли, ана такая чёрная. ТД. Пан.*

6. ЛСГ «Наименования, обозначающие процесс уборки».

БРАТЬ, несов. Убирать лён, коноплю, выдёргивая руками. *Паедим канани брать: спярва поскань бяруть, а патом канани. АЛСДР. Хохол.; КСТ. Хохол., ХРЩ. Рам. Повсеместно. ◇ Брать под руку (брать под руку, брать пад руку). Выбирать (дёргать) коноплю (лён) руками. Браньку мелкую брали пад руку. РГЧ. Н.-Усм.*

ВЫБИРАТЬ²-1, несов. Брать, выдёргивать лён, коноплю; выбирать мужскую или женскую их особь. *Осинью начинают выбирать дёрганцы. Н.СЛС. Семил. Поскань выбирают, по кананям ходють. БРЩ. Хохол.; Н.-ЖВТ. Рам. Повсеместно.*

ВЫДЁРГИВАТЬ, несов. Брать, выдёргивать лён, коноплю; выбирать мужскую или женскую их особь. *Спярва выдёргивають поскань. АРХ. Хохол.; ПДСР. В.-Хав.*

ДЁРГАТЬ-1, несов. Выбирать, рвать коноплю. *Бывала, дёргають канани. БРВ. Н.-Усм.; АРХ. Хохол., БРЩ. Хохол., ЗТН. Бутур., ИВН. Хохол., КСТ. Хохол., СМЛ.ВСЛ. Н.-Усм.*

ДЕРЁГАТЬ-1, несов. Выбирать, рвать коноплю. *Дерёгать коноплю. Дерёгать нитки [9].*

Необходимо отметить, что в глаголе *дерёгать* наблюдается второе полногласие.

Кроме того, данная ЛСГ содержит глагольное междометие:

ДЕРМЫ-ДЕРМЫ, межд. О процессе дёргания конопли. *Дярмы-дярмы – эти канани брали. Б.ВРК. Семил.*

7. ЛСГ «Наименования, обозначающие укладку снопов».

БОЧКА², -и, ж. Укладка снопов конопли для просушки после мочения. *В бочках ани скоро сохнуть. СТД. Аннин.*

БАБКА²-1, -и, ж. Укладка снопов льна и конопли. *Кананлю апать после вымачки ста-*

вють в **банки**. БРД. Аннин. Лён ставят сушитца шалашыками, в види **бабак**. РСТ. Эрт.; ДРК. Лиск. Повсеместно.

БАБКА²⁻², -и, ж. Маленький сноп конопли. *Кады канани сазривали, ставят вот малинькими пучками; становють, собирають, связывают и вот **банки**, штоп сохли эти канани.* СТ.ТД. Аннин.

БАБКА²⁻³, -и, ж. Десять снопов, уложенных кругом для просушивания. *Нескалька снапоф укладають так кругом, штоп лафчей сохла – вот эта **банка** у нас называитца.* СТ.ТД. Аннин.; ГРК.Н.-Усм.

БАБКА²⁻⁴, -и, ж. Сноп конопли, поставленный шалашом для просушивания. ДРК. Лиск.

ВОЛОС²⁻¹, -а, м. Верхняя часть снопа (с колосьями).

Согласно этимологическому анализу Н. М. Шанского, общеслав. *волос* восходит к **volъ* (*ol* > *оло*). Образовано с помощью суф. -*съ* от той же основы (*вол-*), что и др.-русск. *володь* (суф. -*дь*) «волосы на голове», диал. *волоть* (суф. -*ть*) «нить волос», ср. перс. *vars* – «волос», нем. *Wolle* – «шерсть» [15]. В данном случае в основе номинации, видимо, лежит внешнее сходство: «верхняя часть снопа с колосьями» – «волос» («сноп» – «голова»).

КОЗЁЛКИ, мн. Укладка снопов льна. *В банках становилась, а хто **казёлками** крест-накрест.* БРД. Аннин.

КОЗЛЫ, мн. Конопля, укладываемая крест-накрест. *Растилали яё, ана уляжитца – **казлами** яё складали хрёст-накрест.* ТД. Пан.; АРХ. (Аннин. или Хохол.).

КУКОЛКА, -и, ж. Сноп конопли. *Папрафь **кукалку**-та, а то упадёт* [9].

Слово *куколка* является суффиксальным производным от *кукла* (произведено от *куколь* «капюшон, монашеский головной убор» из греч. *κηκηίλλυ(ιν)*, *κηκηίλ(υ)* либо непосредственно от *куколь*. Очевидно, сноп конопли получил данное наименование благодаря внешнему сходству либо с куклой, либо с головным убором.

8. ЛСГ «Наименования способов уборки».

БРАТЫЙ², -ая, -ое. Выдернутый руками (о злаковых растениях, льне, конопле). *Када хлеп был нискай, то яво ни касили, а рвали – такой-та хлеп называитца **братай** хлеп, яво бяруть, как канани.* ДНК. Кашир.

Этимологический анализ слов данной тематической группы показал, что основными семантическими переходами, положенными в основу номинации, являются:

1) действие → результат действия (*кострика, кострик, бранка, дёрганица, дёрганик, дёрганец, дергунец, замашки, лён-скакун, моченик, моченец*);

2) форма предмета → наименование (метафорический перенос по сходству формы) (*головастик, головня, головаца, бочка, бабка, волос, козёлки, козлы, куколка*);

3) метафорический перенос по сходству функций (*матка*);

4) часть → целое (метонимия) (*головешник, головка*);

5) процесс → предмет со значением процессуальности (*былка, былочка, жила*).

II. ТГ «НАИМЕНОВАНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ШЕРСТЬ»

В составе данной тематической группы выделяется три ЛСГ:

1. ЛСГ «Общие наименования овечьей шерсти».

ВОЛНА (валана, вална, волна), -ы и -ы, ж. Овечья шерсть. *Адной рукой люльку качаши, другой – валну сучиши.* МСТ. Остр. Делали **волны** из афцы. УСТ.МРВ. Реп.; БАБ. Павл., ДРК. Лиск., Н.СЛД. Реп. Повсеместно.

ВОВНА (вавна, вовна), -ы и -ы, ж. Овечья шерсть. *С афцы настрыгли здарову кучу **вавны**.* КМН. Остр. У авец харошая **вовна**. ЖЛН. Россой. Повсеместно.

ВОЛНОВКА, -и, ж. Шерсть. *Я пряла **валнофку**.* Р.БВЛ. Павл.

ВОЛОНКА, -и, ж., уменьш.-ласк. Овечья шерсть. *Я ня ражжывусь у вас **воланки**?* Д.МХВ. Семил.

Лексема *волна* со значением «овечья шерсть» уходит своими корнями в индоевропейскую эпоху. Согласно этимологии М. Фасмера, соответствия имеются практически во всех

славянских языках: укр. *вовна*, блр. *воуна*, др.-русск. *вълна*, болг. *вълна*, сербохорв. *вуна*, словен. *vona*, чеш. *vlna*, словц. *vlna*, польск. *wena*, в.-луж. *woma*, н.-луж. *wata*. Кроме того М. Фасмер указывает, что слово *волна* «родственно лит. *vilna* «волосок», др.-прусск. *wilna* «кафтан», лтш. *vilna* «шерсть», др.-инд. *irna* «шерсть», авест. *varna*, лат. *lana*, греч., дор. «шерсть», «кудрявый» (из **volnos* или **volsos*), гот. *wulla* «шерсть», возможно, также арм. *getn* «шерсть, войлок». Другая ступень чередования: лат. *vellus* «руно». Сюда же хеттск. *ulana-* «шерсть»; И.-е. корни в клинописном хеттск. языке» [13]. Как видно из приведенных выше примеров, лексема *волна* сохраняет во всех перечисленных языках общую семантику: «шерсть», «волос».

2. ЛСГ «Наименования шерсти по времени сбора».

ВЕШНИНА, -ы, ж. Овечья шерсть весенней стрижки. *Вешнину я фсю прадала. ГНЛ. Семил.*

ВЕСЕНШИНА, -ы, ж. Овечья шерсть весенней стрижки. *Вясной стрягутъ, паеатаму висиншына. ШСТ. Бобр.*

ВЕСНИКА, -и, ж. Овечья шерсть весенней стрижки. *Вясника идётъ на сукна, чулки и другую адёжу. Р.ГВЗ. Рам.*

ВЕШНИК-1 (вешник, вяшник), -а и -а, м. Овечья шерсть весенней стрижки. *Вяшник на чулки идя. ЛМВ. Рам.; КМН.СДВ. Н.-Хоп., КРЧ. Рам., ХЛВ. Липецк.*

ВЕШНИКА-1 (вашника, вяшника), -и, ж. Весенняя стрижка овец.

ВЕШНИКА-2 (вашника, вяшника), -и, ж. Овечья шерсть весенней стрижки. *Мать пряла вашнику. НКЛ. Гриб. Вясной пабреим – ня ценная шерсть, вяшника.*

ВЕСЕННЯ, -и, ж. Овечья шерсть летней стрижки. *Та осинью – эта асення, а летам называитца весення. КРШ. Бобр.*

ОСЕННЯ, -и, ж. Овечья шерсть осенней стрижки. *КРШ. Бобр.*

Все представленные в данной ЛСГ лексемы имеют общую модель семантического перехода, положенного в основу номинации: время сбора шерсти → шерсть. Возможно, в лексемах *весення* и *осення* наблюдается субстантивация (относительное прилагательное → существительное).

3. ЛСГ «Наименования шерсти по качеству».

ВОЛОСЬ, -и, ж., собир. Чёсаная длинная овечья шерсть. *Умене два пучка воласи есть. ДНК. Кашир.*

ВОЛОСЁНКА-1, -и, ж. Лучшая овечья шерсть. *Валасёнка – шерсть, на гребни перпуцають. Б.ВРК. Семил.; КРС.ЛП. Семил.*

ВОЛОСЕНЬ²-1, -я, м. Длинные волокна отборной овечьей шерсти. *На гребни иё [шерсть] накидываим, фсю ращешым и здёргиваим – ана адна к адной, иё называют валасень. КРШ. Бобр.; БРЗ. Остр., ЗТН. Бутур., СР.КРЧ. Аннин.*

КОЗИНА, -ы, ж. Нечистый козий пух, выросший к весне; жесткие волосы в шерсти коз. *Эта чистый пух, а эта казина. НЖ.КРЧ. Гриб.; В.КРЧ. Гриб. Затем ис казины наски вяжутъ. ПСК. Повор.*

Согласно этимологии О. Н. Трубачева, лексема *козина* является производным с суф. *-ina* от **коза*. В славянских языках данная лексема имеет значение «козья шерсть», «козья шкура» [16, вып. 12, 23].

Этимологический анализ слов тематической группы «Сырьё. Шерсть» показал, что основным семантическим переходом, положенным в основу номинации, является время сбора шерсти → шерсть (*вешнина*, *весеншина*, *весника*, *вешник*, *вешника*, *весення*, *осення*). Помимо лексем, основанных на различных семантических переходах, в данной тематической группе необходимо также отметить лексемы, сохраняющие свои архаичные индоевропейские значения, оставшиеся неизменными на протяжении многовековой истории слов: *волось* (*волосень*, *волосёнка*), *волна* (*волновка*, *волонка*, *вовна*).

III. ТГ ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПЕРЕРАБОТКУ ЛЬНА, КОНОПЛИ И ШЕРСТИ НА ВОЛОКНО

Данная тематическая группа включает в себя десять ЛСГ.

1. ЛСГ «Наименования процесса обработки».

ВОЛОЧИТЬ¹ (валочить, валочить), несов. Чесать (волокна шерсти, пуха, льна и т. п.). *Шерсть – её валочили на гребни. На гребинь иё накидываем, фсю раичешым и здёргиваем – ана адна к адной. КРШ. Бобр.*

Волочить ← праслав. **velkti*, **velko* «тащить, протягивать» [10, 81].

ВСТРЁПЫВАТЬ, несов. Очищать конопляное волокно от неволокнутой, твёрдой части. *Льну не была – кананю фстрёпывали. ВДГ. Семил.*

ГРЕСТИ-2, несов. Вычёсывать гребнем. *Патом лён мычим, гребем. РСТ. Эрт.*

«Общеслав. Исходное **grebti* → др.-русск. *грети*, которое изменилось в *грести* под аналогическим влиянием глаголов на *-сти* типа *плести*. Современное значение «грести» ← «сгребать», чесать» ← «черпать» ← «рыть, копать» <...> Родственно латышск. *grebt* – «рыть», нем. *graben* – тж., авест. *grab-* – «хватать» и др.» [15]. Как видно, в говорах сохраняется более древнее значение глагола, которое уже не свойственно литературному языку.

МЫКАТЬ, несов. Расчёсывать волокна льна, конопли, шерсти с помощью гребня и гребенок. *Тады начинают лён мыкать на мыке. РСТ. Эрт. Патом талкли у ступи, патом пряли, мыкали тах-та на гребень. Р.ТРС. Остр. Талкачами кананлю талкли, разбуханывали, мыкали канани. ПЛТ. Реп. А патом мы делали ис них, ну как, мыки мыкали, штоп шалухи не было. ИСТ. Реп. Тада кананлю мыкають, штоп ана была мяхче и чище. ШСТ. Павл.; АЛСДР. Тал., АРХ. Аннин., АРХ. Хохол., Б.ВРК. Рам., ББК. Н.-Усм., БРВ. Н.-Усм., БРТ. Терн., БТГ.-МТР. Эрт., В.ТРВ. Н.-Дев., В.ХАВА, ВДГ. Семил., ГРК. Н.-Усм., ДВЦ. Остр., ДРК. Лиск., ЗЛЖ. Лиск., ЗТН. Бутур., КМН.-СДВ. Н.-Хоп., КПН. Остр., КРС.ЛОГ. Кашир., КРС.ЛП. Реп., КРС.ЛСН. Ворон., КРШ. Бобр., КЧГ. Н.-Дев., МЧТ. Бобр., Н.БЛ. Кант., Н.-ЖВТ. Рам., НЖ.БЫК. Бутур., НЖ.ИКР. Лиск., НЖ.МРН. Лиск., НКЛС. (какое?), ОРЛ. Н.-Усм., ОРЛВ. Тал., ПРЛ. Семил., ПРВЛ. Калач., РАМ., Р.ГВЗ. Рам., РГЧ. Н.-Усм., РПН. Н.-Усм., СЛД. Остр., СР.КРЧ. Гриб., СТ.ТД. Аннин., СТД. Липецк., УСТ.-МРВ. Реп., ФДР. Семил., ХЛБР. Аннин., ЧРТ. Рам.*

МЫЧИТЬ, несов. Готовить ткань к пряже, цеплять на мыко. *Мычуть на мыке, прядут на пряхе. ИСТ. Реп. На гребень надивають и мычуть. РСТ. Эрт.*

НАМЫКИВАТЬ, несов.; **НАМЫКАТЬ**, сов. Расчёсывать волокна льна, конопли, шерсти с помощью гребня и гребенок, а также закреплять волокна на гребень прялки. *Патом намыкали мы кананлю. АРТ. Аннин. Шерсть намывавать на гребень. МДВЖ. Семил. Волокна намывають на гребень и прядут. ЯРУГА Бутур. Сначала кананлю дёргают, патом талкут, а патом на гребень намывивають. ШКВ. В.-Хав.; НЖ.КРЧ. Гриб., ПЧЛ. Бобр., РПН. Н.-Усм.*

ИЗМЫКАТЬ, сов. Подготовить намыку. *В день сяду – весь день я дватцать шыпов измычу, пять гарстей я магу измыкать. АРХ. (Аннин или Хохол.).*

Мыкать ← праслав. **mykati*. Ср. сербохорв. *мицати*, *мичем* «двигать; взвешивать; наталкивать, побуждать; тянуть; уходить», сербохорв. диал. *mikati*, *miuet* и *mikat* «чесать, например, лен, шерсть»; словен. *mikati*, *-am*, *-uet* «делать дергающее движение, теревить, дергать; кусать (о собаке); мучить; прочесывать гребнем (пряжу); раздражать, возбуждать; привлекать, интересоваться; ст.-чеш. *mykati*, *-uu* «драть, чесать (о шерсти и т.п.); двигать, давать знак движением»; чеш. *mykati* «махать, качать; разделять волокна шерсти или хлопка и очищать их»; ст.-польск. *mykas* «дергать, драть» и др. [16, вып. 21, 35-36].

Согласно этимологии О. Н. Трубочева, праслав. **mykati* со значением «дергать, чистить, чесать (лен, коноплю для кудели, мычки)» родственно лит. *maukti* «лупить, драть (например, кору с дерева)», др.-инд. *munkati* «освобождает, развязывает», нем. *sich anschmiegen* «прижаться, прильнуть» ← и.-е. *(s)*mūk-* / *(s)*meuk-* первоначально с довольно общим значением резкого, дергающего движения [10, 67-68].

КНОПИСЕТЬ, несов. Сучить нитку. *Кнаписели да пряли. ПСК. (рязанская сторона) Повор.*

Кнописеть, возможно, заимствовано из нем. *knöpfen* – «сцеплять, соединять» (ср. *сучить* «свивать в одну нить несколько прядей»). В словаре В. И. Даля находим: «*Кноп* – морск. глухой кругловатый узел на конце веревки, сплетаемый из распущенных прядей» [2].

КОЛЁМКАТЬ, несов. Мять. *Тады лён ды канаплю сеили, а мы в ряке мачили ды калёмкали иё. Как уцепитца он, ды давай кофчку калёмкать. АЛШ. Терн.*

НАЛУЩИТЬ, сов. Очистить от кожуры. *Канаплю налуцим ды прядём. АРТ. Аннин.*

Луцить ← праслав. **lūciiti*. Ср. болг. *луця* «снимать кожу, кору, облупливать кожицу, сдирать, лупить, лущить, шелушить; лупить», сербохорв. *lūciiti* «снимать кожу, корку и др.», ст.-чеш. *lusciti* «лущить, вылушивать; вырывать, выдирать, выжимать», макед. *лушти* «очищать (от кожуры, скорлупы и т. п.)» и др. [16, вып. 16, 207].

МЯТЬ, несов. Обрабатывать коноплю с помощью мялки. *Канати мачили у рике, сушили, патом мяли. СЛД. Остр.*

БУМАЖИТЬ-1, несов. Очищать от примесей, разравнивать шерсть для пряжи. *Спирва волну бумажыли, а тады уш прядь садилась. ВШЛ. Липецк.*

БИТЬ¹⁻², несов. Ударять, колотить – в словосочетаниях, обозначающих производственный процесс. \diamond *Бить волну*. Чесать шерсть. *Бить валну пара уш падашла. Аняситя валну бить на шапавалку. В.ТРВ. Нж.-Дев.*

КАРТАТЬ, -аю, -аешь, несов. Бить (шерсть). *Настрижем авец и картаем шерсть. БРЗ. Рам.*

2. ЛСГ «Наименования обработанного сырья».

ДЕЛЯНКА-3, -и, ж. Конопля или дёрганец, имеющий вид снопика и готовый для прядения. Зовётся «намыка». *Не вся намыка сразу надевается на гребень для прядения, а половина её (если, правда, намыка достаточно велика), и эта-то надетая часть называется «делянка» [9]. Пучок намыки делают на две дялянки – одну надявляют на гребень, другую аткладывают ф сторону. КРС.ЛП. Реп.*

Делить → *делянка* (действие → результат действия).

ЖИЛКА-1, -и, ж. Конопляное волокно. *Жылку делали ис канати. ДРК. Лиск. Жылка в зилёных канапях патолце, чем ф поскани. НЖ.МРН. Лиск.; ЗЛЖ. Лиск.*

ЁМКА-1, -и, ж. Сердцевина конопля и волокно перед «мыканием». *Ёмку – иё спирва мычим, гребинь бярут и тада делают. МЧТ. Бобр.; АНШ. Лиск., ДРК. Лиск.*

**Ъть* «большой запас чего-то, чем можно овладеть» ← **ътати* «брать, хватать, схватывать, иметь» [16, вып. 8, 224, 229]. *Ёмка* = «то, что взято» (действие → результат действия).

ГОРСТЬ-3, -и, ж. Обработанная часть конопля. *Измятая – горсть называитца. БРД. Аннин.*

Праслав. **gъrstь* образовано от основы глагола **gъrtnŕti* «сгребать, загребать» с помощью суффикса *-ti-*: **gъrt-tь* → **gъrstь*. О. Н. Трубаев отмечает вторичный характер терминологизации значения «мера сорванного льна, конопля» [10, 68]. *Горсть* = «то, что сгребли» (действие → результат действия).

ВОЛОКНО, -а, ср. Вычесанный лён. *Валакно хранили в матерчитых мешках. М.ЯСР. Эрт.*

ВОЛОКНУШКО, -а, ср. Волокно. *Тады ступы были, талкачи мякшей мяли, валокнушки тонка пряди. АРТ. Аннин.*

Праслав. **volъkno* образовано с помощью суффикса *-ъно* от названия действия **volкъ*, ср. далее праслав. **velkŕ*, **velkti* «тащить, протягивать». «Волокно – это то, что вытянуто, получено после обработки на мялке, трепале, гребне, щётке. <...> **Volъkno* – чисто славянское образование» [10, 81]. О. Н. Трубаев также отмечает, что «**volъkno* обозначает и всегда, по-видимому, обозначало растительное волокно, в том числе технические культуры, использовавшиеся в прядении и ткачестве, а не шерсть» [10, 81].

ВОЛОС²⁻², -а, м. Мягкие волокна конопля, идущие на пряжу. *Мялкай мнуть, мнуть, пака шылуха атайдёт, штобы волосы асталась. ПЛТ. Реп.*

Волос в значении «растительные волокна» – вторичное наименование, основанное на метафоре (внешнее сходство волос и мягких волокон конопли).

ЗАМАШКИ-1, мн. Конопляное волокно для пряжи. *Раньше замашки пряли. ПКР. Липецк.*

КОНОПИ-3, мн. Конопляное волокно. *А зямой, бывала, работали – канани пряли. КМН. Липецк.*

НАМЫКА-1, -и, ж., также мн. Волокно конопли, готовое для прядения, скатываемое в небольшие комки; оно получается после того, как коноплю расчёсывают на гребне гребёнками. *Ет гатовая кананля, чешуть грибёнкой, и палуцайтца намыка. Гребинь – на нём прядуть, мычуть кананлю, дяруть, намыки палуцайтца, их на яго надявают, а патом дёргают и ана смыкывайитца. СЛД. Остр. Расчешым, и намыки палуцайтца. АРТ. Аннин.; АНШ. Лиск., АРХ. Хохол., Б.ВРК. Рам., ББК. Н.-Усм., БОБР., БРЗ. Остр., БРТ. Терн., БТГ.-МТР. Эрт., БТР. Реп., В.ТРВ. Н.-Дев., В.ХАВА, ГЛСН. Семил., ГРЖ. Рам., ГРМ. Хохол., ДВД. Лиск., ДВЦ. Семил., ДМТР. Эрт., ДНК. Кашир., ЗЛЖ. Лиск., ЗТН. Бутур., ЗЦП. Семил., КМН.-СДВ. Н.-Хоп., КРС.ЛП. Реп., КРС.ЛЛ. Калач., КЧГ. Нж.-Дев., ЛМВ. Семил., ЛСТ. Гриб., МТР. Эрт., МХН. Нж.-Дев., МЧТ. Бобр., НЖ.КРЧ. Гриб., НКЛС. Хохол., ОРЛВ. Тал., ПЧЛН. Рам., Р.ТРС. Остр., РГЧ. Н.-Усм., РЖД.ХВ. Н.-Усм., РСТ. Эрт., СКП.ПТД. Нж.-Дев., СН.ЛПГ. Нж.-Дев., СТ.ЧГЛ. Аннин. Повсеместно.*

НАМЫЧКА-1, -и, ж. Кудель льна, конопли; расчесанный и собранный в кучку лен или конопля, которые пригодны для пряжи. *Скора прять кончу, адна намычка асталась. ХРН. Бобр. Намычка, или мычкой еще называют, – ет канани, что на гребинь надявают. Р.БЛВ. Павл. Задания была - десять намычек в день. ШШВ. Бобр.; АЛСДР. Тал., ГНЛ. Семил., ЗНМН. Орлов., КРШ. Бобр., КЧГ. Нж.-Дев., КЧТ. Хохол., М.ЯСР. Эрт., НЖ.МРН. Лиск., Р.ГВЗ. Семил., РГЧ. Н.-Усм., СТ.ТД. Аннин.*

Намыка ← *намыкать* (действие → результат действия).

МОЧКА, -и, ж., также мн. Конопля, которую чешут; намыка (пучок конопли), натянутая на гребень. *Напрял цатыри мочки. КМН.-СДВ. Н.-Хоп. Мочку мыкали. ЧРТ. Рам. Ана мочкаф намычет. ЧГР. Борис.*

Мочка ← праслав. **тъика*. (ср. рус. диал. *мочка* «нить, волокно, прядь, клочок, пучок; повислый лоскуточек, ремешок; скважина, петля»; «пучок льна или конопли для прядения»). Производное с суф. -*ька* от глагола **токлопѣти*. Ср. болг. диал. *мъкнѣ* «рвать; дергать», «тянуть (нить из кокона)», «тащить, таскать; дергать»; макед. диал. *тъкпа вълна* «щипать, чистить шерсть» и др. [16, вып. 20, 204, 219]. То есть *мочка* = «то, что надёргано, вытянуто» (действие → результат действия).

МОЧАЛКА, -и, ж. Волокна льна. *Астаётца адин волос – мачалка. РСТ. Эрт.*

Согласно этимологии Н. М. Шанского, *мочалка* – исконное «суф. производное от *мочало*, суф. образования от *мъчати* – «мыкать, раздирать на волокна» [15]. То есть *мочалка* = «то, что намыкано, разодрано на волокна» (действие → результат действия).

3. ЛСГ «Наименования шерсти, подготовленной к прядению».

ВАЛУШКА⁴-1 (валушка, валюшка), -и, ж. Приготовленный для прядения свиток шерсти. *Валушку адивают на вилку, дёргают пучочьями и вьют нить. ШСТ. Павл.*

КУДИЛЬКА, -и, ж. Кудель для прядения. *Вот кудильку клали на рогатину. ХЛБР. Аннин.*

КУДЕЛЬКА-1, -и, ж. Волокно, пух, подготовленный к прядению. *Куделька – пух вот валочут. В.КРЧ. Гриб.; В.ХАВА., ХЛБР. Аннин., ГДВ. Семил., Б.ВРК. Рам., ГЛСН. Семил., КЛМН. Кашир., НКЛС. Хохол., ОРЛВ. Тал., ПРЛ. Семил., Р.ГВЗ. Рам., СЛД. Остр., ЧРТ. Рам., ШСТ. Павл., КРЧ. Рам., ЯРК. Н.-Хоп., ВШЛ. Липецк.*

КУДЕЛЯ-1, -и, ж. Расчесанная шерсть, подготовленная к прядению. *Куделю привязывали к вилке. Я уи фтарую куделю испряла. СТ.НКЛС. Хохол.; В.ТРВ. Нж.-Дев., ВОРОН., ДРК. (Калач. или Лиск.), ЗТН. Бутур., КРС.ЛП. Реп., Н.КРЛ. Аннин., Н.ХРН.ВСЛ. Пан., НЖ.МРН. Лиск., ПРЛ. Семил., Р.ГВЗ. Рам., РГВ. Белг., РГЧ. Н.-Усм., СТ.ВДГ. Семил., СТДК.*

Липецк., УСТ.-МРВ. Реп., ХРН. Бобр., ЧРТ. Рам., ЩЧН.ПСК. Эрт.

КУДЕЛЯНКА, -и, ж. Волокно, подготовленное к прядению. *Куделянку тянет сидит. ПЧЛ. Бобр.*

КУДЕЛЬ-1, -и, ж. Шерсть, которую прядут; моток шерсти, пучок вычесанного волокна. *Эта вот кудель, ис шерсти маток. ХЛБР. Аннин. Кудель надивали на вилки. АРТ. Аннин.; В.ТРВ. Нж.-Дев., ДВД. Лиск., ИСТ. Реп., КМН.-СДВ. Н.-Хоп., КПН. Остр., КРШ. Бобр., НКЛС. Липецк., ПЛТ. Реп., ПСКВ. Лиск., ХРН. Н.-Усм., ЧРТ. Рам., ШНН. Эрт.*

КУДЕЛЕЧКА-1, -и, ж. Комок чёсаной шерсти, из которой делается пряжа. *Шерсть чешыи и кудельчку делаши. КРШ. Бобр. Валасень складують ф кучку, патом на кудельчку и прядуть. МДВЖ. Семил.*

КУДИЛКИ, мн. Шерсть для прядения. *Сюда кладётца шерсть – кудилки – и приду. КРС.ЛОГ. Кашир.*

О. Н. Трубачев считает, что слав. *kođeľь, kođel'а*, как и *kođрь*, русск. *кудри* является сложением с приставкой *ko-*; корень тот же, что и в русск. *дель* «толстая пеньковая нитка для неводов». Дальнейшая атрибуция данного корня «сопряжена с некоторыми трудностями и поисками: и.-е. **del-* «плести»? (речь идет об обозначении некоторого количества пряжи, обвязанного вокруг прялки)» [16, вып. 12, 49]. Ученый не допускает иного членения слова (*kođeľь*), поэтому «родство с лит. *kedėnti* «трепать, чесать (шерсть)» тем самым отпадает» [10, 99]. Таким образом, если принять версию, что корень **del-* обозначает «плести», то **kođeľь* = «что-то сплетенное» (семантический переход «действие → результат действия»).

4. ЛСГ «Наименования приспособлений для переработки и обработки шерсти и волокнистых культур».

БИЛО¹, -ы, ж. Деревянная мялка для отделения волокна конопли от костры. *С канаями мароки многа: приняли, мыли, сушыли, билай мяли. НКЛС. Калач.; Р.БЛВ. Павл., ШСТ. Пав. Повсеместно.*

БИЛЬЦА, -ы, ж. Деревянная мялка для отделения волокна конопли от костры. *Бильца – эта мялка диривянная, каная мять. ДВЦ. Остр.*

Праслав. **bidlo* – название орудия на *-dlo* от глагола **biti* [10, 131].

ВЕШАЛКА-1, -и, ж. Специальное приспособление (жерди?) для просушки льна и конопли. *Нада итит вешалки делать над лён. М.ЯСР. Эрт.* Ср. жерди, укрепленные на козлах, столбах и т. п., предназначенные для развешивания и сушки снопов, сеена, сетей, рыбы и т. п. [9].

ДОННИЦА, -ы, ж. Доска с отверстием для обработки льна. *Упираюсь в донницу нагой. ПСК. Повор.*

У О. Н. Трубачева находим следующее объяснение этимологии слова *дно*: «Обычно объясняют праслав. **dьbno* из и.-е. **dhub(h)-no-m*, родственного и.-е. **dheubh-* / **dhubh-* «долбить», «глубокий», ср. лит. *dignas* «дно» (из **dubnas*), лтш. *dubens, dibens* «дно, глубина», галльск. *dubno-* «мир», др.-ирл. *domin* – то же, а также соответствующие прилагательные лит. *dabus* «глубокий», гот. *diups* то же, нем. *tief*, др.-ирл. *domain* «глубокий» [16, вып. 5, 175]. Можно заключить, что в основе лексемы *дно* лежит признак «глубокий». Лексема *донница* со значением «доска с отверстием для обработки льна» имеет вторичный характер терминологизации. В основе наименования лежит положение предмета в пространстве – внизу.

ГРЕБЁНКА-4, -и, ж., уменьш.-ласк. Продолговатая деревянная пластина с рядом зубьев и ручкой для расчёсывания конопли, льна, шерсти перед прядением. *Канаяи рацёсывали на гребни гребёнкой. РГЧ. Н.-Усм. Грябёнкяй фсяды канаяи мыкають. СТДК. Липецк. Кастрька фся атлятая, а пряжа толька астаётца, и тады ё на гребёнки-та, гребёнки диривянныи были. КРШ. Бобр.; РГЧ. Н.-Усм., РСТ. Эрт. Повсеместно.*

ГРЕБЁНОЧКА, -и, ж., уменьш.-ласк. Продолговатая деревянная пластина с рядом зубьев и ручкой для расчёсывания конопли, льна, шерсти перед прядением. *Гребинь был во такой шырины, длинный во такой, на няво так вот вешали, а малинькая гребёначка – этой*

чешыш, и ана фся размальвайтца, делаитца мяхкая-мяхкая. КРШ. Бобр.; Н.СЛС. Семил.

ГРЕБЕНЬ-3 (гребинь, грибень), -биня, -биня и -бня, -бня, м. Продолговатая деревянная пластина с рядом зубьев и ручкой для расчёсывания конопли, льна, шерсти перед прядением. *Гребним ращёсывают кудель льна; гребинь делают з длинной ручкай з дерива. ПЛД. Остр. Гребинь нужсын был: намыку на нём часали. МТР. Эрт.; АНШ. Лиск., В.ТРВ. Нж.-Дев., ПСК. Повор., РГЧ. Н.-Усм., РСТ. Эрт., СДВ. Аннин. Повсеместно.*

О. Н. Трубачев отмечает, что праслав. *greby (род. *grebene, вин. *grebenь) характеризуется как весьма древнее имя с чертами архаичности уже для праславянского, основа на согласный, с дославянской формой *grebōn ← и.-е. *grebhōn. Праслав. *greby, и.-е. *grebōn/*grebenes связано с глаголом праслав. grebŕ, и.-е. *grebhō, который обладал значениями «рыть, царапать, драть, прочесывать, продергивать». На термине *greby / *grebene лежит бесспорная печать специализации: он был изначально связан с обработкой волокна, возник в рамках текстильной терминологии. Интересно, что значение «гребень для волос» является вторичным по отношению к значению «дощечка с зубьями, орудие для чесания волоса» [10, 77-78].

ГОРЕСТЬ², -и, ж. Приспособление, при помощи которого мяти лён. *То, чем лён мяти, – ручня, эта у нас, а ф Бирёзафки – гористь. ЧСМ. Бобр.*

Праслав. *gъrstь → *gъrtŋŕi «сгребать, загребать» [10, 68] (действие → орудие действия).

КОЛОТУШКА, -и, ж. Приспособление для отбивания семян конопли. *Канапи мачили, патом адбивали калатушками. МЧТ. Бобр.*

Колотушка ← *колотить*. В словаре Н. М. Шанского находим: «*Колотить*. Суф. производное от *колот* < *koltъ – «пест», в диалектах ещё известного. Старое *koltъ – от *kolti (> *колоть*) в значении «бить, колотить» [15].

МЯЛКА, -и, ж. Деревянное орудие, с помощью которого мнут коноплю. *Ручка у мялки падымайтца кверху – захают горсть канапей, рукой прижымають и кастрыку ламають. СЛД. Остр. Мялка – канаплю ей мяти. КРС.ЛОГ. Кашир.; ИСТ. Реп., РСТ. Эрт.*

Мялка ← *мять* (действие → орудие действия).

МЫКА, -и, ж. Приспособление в виде гребня для чесания конопляной, льняной пряжи, овечьей шерсти. *Патом волну на мыке мыкали, а уш апосль пряли. ЗЛЖ. Лиск. Донца, фтыкаем в нее гребень, мыку, и мычем. ШКВ. В.-Хав. Канаплю мачили, сушыли, тряпали, пряли, на мыки мыкали. ШШВ. Бобр.; КРШ. Бобр.*

МЫЧКА, -и, ж. Приспособление для расчёсывания пряжи. *Памыкаши на мычке, гребень такой, на ней мычиш. СЛД. Остр.*

НАМЫЧКА-2, -и, ж. Расчёска для пряжи. *Этай намычкой мы пряжу чисали. ИСТ. Реп.*

МЫКО, -и, ср. Приспособление для пряжи в виде клубка из длинных конопляных ниток. *Мычуть на мыке, прядуть на пряхе. ИСТ. Реп.*

Мыка, мычка ← *мычить*, *намычка* ← *намычить* (действие → орудие действия).

МЯЛОЧКА, -и, ж. Посуда, в которой мнут коноплю. *У мялачки мнём канаплю. РСТ. Эрт.*

КАТЕРИНКА, -и, ж. Приспособление для битья шерсти. *С катеринкай нада астарожна. НРД. Терн. Ср.: катеринка «род колотушки – березовый брусок с вырезом-рубцом на одном конце, применяемый шерстобитами при битье шерсти» [9].*

ЛУК, -а, м. Приспособление для битья шерсти. *Шерсть били, сами лук сделали деревянный, боёк деревянный с крючкой, бьём в струну [9].*

ЛУЧОК, -чка, ж. Деталь приспособления для чёски овечьей шерсти. *Ачисть лучок: глянь, сколька волны на ней наматалась. РГВ. Белг.*

В СРНГ лексема *лук* представлена в значении «двухметровый смычок с натянутой тетивой для трепания шерсти» [9, вып. 17, 186], а *лучок* – в значении «приспособление для битья шерсти в виде натянутой струны или прута на деревянном стержне-палке» [9, вып. 17,

213]. Данная семантика позволяет заключить, что в основе номинаций *лук*, *лучок* содержится метафорический перенос по сходству формы.

5. ЛСГ «Наименования, обозначающие отходы чесания волокна».

ВЫПРЯДУШКИ, мн. Льняные очёсы. *Раньше из выпрядушык пряжу делали. ТРС. Лиск.*

6. ЛСГ «Наименования отходов от обработанной конопли и льна».

КОСТРА, -ы, ж. Отходы от конопли. *Выжымали так, чтоб мене была костры. УСТ.-МРВ. Реп.*

КОСТРИКА-1 (кастрыка, кастрика), -и, ж., также мн. Ствол конопли без содранного волокна, грубые остатки от конопли после измельчения; полые трубочки конопли, непригодные для работы (кострикой растапливали печь). *А как мнеши ее, канаплю-та, кастрыки многа. ПЛТ. Реп. Не, кастрыки – ну их! РСШ. Реп.; АРТ. Аннин, В.ТП. Курск., ИСТ. Реп.*

КОСТРИЧКА, -и, ж. Стебель конопли, из которого достали конопляную нить. *Кастричка астаётца, а длину нитачку вытаскивает. СТ.ТД. Аннин.*

КОСТРИХА, -и, ж. Шелуха льна. *Сушут, тряпалкай фсю кастриху абабьют – астанутца адни эти как нитки, их чешут, на санапряхе прядут. ЧСМ. Бобр.*

7. ЛСГ «Наименования меры объёма волокна, конопли, льна».

ЁМКА-2, -и, ж. Объём конопли, волокна, льна, захваченного рукой за один раз. *Чатыри ёмки в горсти. АРХ. Хохол. Мы на три ёмки канапи ф ступку засыпали. ШСТ. Бобр. У ёмки палкило. КРС.ЛП. Реп.; АЛСДР. Хохол., АНШ. Лиск., БРТ. Терн., Повсеместно.*

ЁМКА-3, -и, ж. Количество обмятой конопли, полученное из одного пучка. *Вот ёмка – адин рас смяла у мялки. АРТ. Аннин.; ДРК. Лиск., ЗТН. Бутур.*

ГОРСТЬ-2, -и, ж. Пучок обработанной и приготовленной для пряжи конопли, употребляемый в качестве меры. *У горсти была чатыри ёмки, чатыри пучка. ПЛТ. Реп. У гоурсте пять ёмак, али два с палавиной килаграма. КРС.ЛП. Реп.; ЛМВ. Рам.*

8. ЛСГ «Наименования волокна, вымоченного в воде».

МОЧЕНИК-1 (маченник, маченик, маченик, моченик), -а и -а, м. Женская особь конопли, а также конопляное волокно, пряжа, вымоченная в воде (замачивают на неделю в воде, затем просушивают, обрабатывают и получают волокна, которые находят самое широкое применение в хозяйстве). *Фтарой маченик – в ней симяна. СРГ. Пан. Маченик мочуть и кладуть на сталы. Маченник – эта канапи с семим. Маченник идёт на аборки, чуни. А маченик з галофками каторый, мочут их. Из маченику аборки вьют. Маченик долга ляжыть. Б.ВРК. Рам. Ис канпей делали маченник. Я купил вирёфку ис маченника. БНН. Липецк. Маченник тонкай. ЛВ.РСШ. Кашир. Пут маченникаф унясли. М.ВРК. Семил. Чулени из моченику вьют. Из маченика чули пляли. ЛМВ. Рам.; Б.ЯСР. (Аннин. или Пан.), Н.-ЖВТ. Рам., НЖ.ММН. В.-Мам., ПТН. Хохол., Р.ГВЗ. Рам., [9, вып. 18, с. 318].*

МОЧЕНЕЦ (мачиняц, маченец, маченец), -а и -а, м., мн. моченцы. 1. Женская особь конопли, а также вымоченные для обработки лён, конопля. *Маченцы таскали, вот я и прастудила ногу. РГВ. Белг. Мачиняц мокня мясяц. СТД. Липецк. То поскань, а то маченец, галофки. СР.КРЧ. Гриб. Из дёрганца выбидали маченец. ДНС. Россои. Адделяли дерганец ат моченца, сушыли и мачили в речке. РСШ. Реп. А осинью пад зиму срывали канаплю мачениц. МСТ. Остр. Из маченицу была тонкая пряжа. ШКВ. В.-Хав.; ББК. Н.-Усм., БРВ. Н.-Усм., В.ПЛВ. В.-Хав., КРЧ. Рам., МТР. Эрт., Р.ТРС. Рам., ХРН. Бобр. 2. Мужская особь конопли; то же, что дёрганец. РСТ. Эрт.*

МОЧЕКИ, мн. Лён, который мочат. *Мачеки пара вынать. ВШЛ. Липецк.*

МОЧЕЛЬНИК, -а, м. Конопля, которую мочат в воде. *Мачельник уш у ручью. Н.СЛС. Семил. Пашили с ним вымать мачельник. РСТ. Эрт.*

МОЧЕЛЬНИЦА, -ы, ж. Пряжа, которую делали из конопли. *Пляли сабе чунятки из мачельницы. В.ХАВА.*

В основу лексем *моченик*, *моченец*, *мочеки*, *мочельник*, *мочельница* положен семантический переход «действие → результат действия».

МОКРЯДИНА, -ы, ж. Мокрая конопля при одной из фаз ее обработки. *Скаташи мак-рядину на калку. РСШ. Реп.*

В основу данной номинации положен признак «мокрый».

9. ЛСГ «Наименования места, где мочат лён, коноплю».

ГНЕЗДО⁴, -а, ж. и ср. Место, где мочат коноплю (ручей, яма с водой). *Патом, значить, кладуть яё в гняздо... Р.ГВЗ. Рам.*

Н. М. Шанский приводит следующую этимологию: «Общеслав. Объясняется как переформление индоевр. сложения **nisdos* (*ni* – «внизу» и *sdos* – «сидение»), родственное др.-в.-нем. *nest* – «гнездо», арм. *nist* – «сидение» и т. д. Первоначально гнездо – «место внизу, на земле, для сидения» [15]. В основе лексемы *гнездо* в значении «ручей, яма с водой» лежит положение предмета в пространстве.

МОЧАЖИНА, -ы, ж. Место, где замачивают коноплю. *Мачажына – эта где выстилають где прилужные. ПЛТ. Реп.*

КВАСЦЫ, мн. Чан с гущей из муки, где отмачивали коноплю. *Ф квасцах канати атмачивали. АРТ. Аннин.*

В словаре Н. М. Шанского читаем: «*Квасцы*. Искон. Уменьш.-ласк. от *квасы* – «кислоты», мн. ч. от *квас* в значении «кислота» < «закваска» (см. *квас*).<...> Исходно *квас* – «брожение, скисание», «закваска» (действие), затем – продукт этого действия (*квас*) или вызывающее его средство (дрожжи, закваска)» [15]. Семантический переход: «действие → результат действия».

10. ЛСГ «Наименования обработки».

ВЫЛЕЖКА, -и, ж. Вылёживание до определённого качества (о льне, конопле). *Анасля абмолата канати тастилали на вылишку. КРС.ЛП. Реп.*

Этимологический анализ слов тематической группы «Переработка льна и конопли на волокно» позволяет выявить основные **семантические переходы**, положенные в основу номинации лексем:

1) действие → результат действия (*делянка, ёмка, горсть, волокно, волокнушко, валушка, кудилька, куделечка, кудель, куделька, куделя, куделянка, кудилки, замашки, выпрядушки, костра, кострика, костричка, костриха, кострыки, квасцы, намыка, намычка-1, мочка, мочалка, моченик, моченец, мочеки, мочельник, мочельница*);

2) действие → орудие действия (*било, бильца, гребёнка, гребёночка, гребень, горесть, колотушка, мялка, мыка, мычка, намычка-2, мыко, мялочка*);

3) процесс → существительное со значением процессуальности (*вешалка, вылежка, мочажина*);

4) положение в пространстве → предмет (*гнездо, донница*);

5) метафорический перенос по внешнему сходству (*жилка, лук, лучок*);

6) признак → существительное с признаковым значением (*мокрядина*).

Системный анализ лексики обработки волокна и прядения позволяет сделать вывод о том, что для указанной лексики характерны **родо-видовые отношения**. Так, в тематической группе «Наименования льна и конопли. Уборка волокнистых растений» отмечаются родовые наименования *конопи-1*, *конопель* 'конопля' и видовые наименования по признаку пола: *дёрганица, дёрганик, дёрганец, дергунец, замашки-2, бубка, леци* – «мужская особь конопли»; *бра'нка, голове'шник, голо'вка-9, конопи'-2, ма'тка, моченик-1, моченец* – «женская особь конопли». В тематической группе «Наименования, обозначающие шерсть» можно отметить родовые названия *волна', вовна, волно'вка* «любая овечья шерсть» и видовые наименования по качеству: *волосёнка-1* – «лучшая овечья шерсть»; *волосень²-1, во'лось* – «длинные волокна отборной овечьей шерсти»; *козина* – «жесткие волосы в шерсти коз»; видовые наименования по времени сбора: *вешнина, вешника-2, весника, вешник-1, весник, весенишина* – «овечья шерсть весенней стрижки»; *весення* – «овечья шерсть летней стрижки»; *осення* – «овечья шерсть осенней стрижки».

Кроме того, для данной лексики характерны различные отношения вариативности. Это **фонетические варианты** (*бранка – бранька; галавешник – галавишник; дёрганик – дёргник; дерганиц – дёрганиц; вашиника – вяшиника; валана – вална; канати' – канаты' – кынапы'; дёргать – дерёгать; валана' – вална'; валу'шка – валю'шка; кастры'ка – кастри'ка; канати – канаты – кынапы; кудилька – куделька; мочиняц – моченец – моченец*); **акцентологические варианты** (*вална – волна; гребень – грибень; вавна – вовна; вална – волна; вало'чить – валочи'ть; мочене'ц – моче'нец*); **словообразовательные варианты** (*конопи-1 – конопель; головешник – головка-9; дергунец – дёрганик – дёрганец-2 – дёрганица; брать¹ – выбирать²-1; былка¹-3 – былочка-1; дёргать-1 – дерёгать-1 – выдёргивать; весення – весенишина – весника – вешина – вешника-2 – вешник-1; моченик – моченец; козлы' – козёлки; волна – волновка – во'лонка; куделя – куделька – куделянка – куделечка – кудилки; волокно – волокнушко; мыкать – мычить – намыкивать – измыкать; намыка-1 – намычка-1; мыка – мычка – намычка-2; лук – лучок; волось – волосёнка – волосень; гребень – гребёнка-4 – гребёночка; костра – кострика – костричка*); **морфологические варианты** (*кострика* (ж. р.) и *кострик* (м.р.); *кудель* (м. р.) и *куделя* (ж. р.); *вешник-1* (м. р.) и *вешника-2* (ж. р.)). Наличие большого количества вариантов объясняется устной формой бытования диалектного языка, которая предполагает широкие возможности для развития эмоционально-экспрессивных оттенков значений.

Кроме отношений вариативности, лексике обработки волокна и прядения свойственны **отношения синонимии**, которые отражают разные способы номинации одной и той же реалии, что свидетельствует об особенностях сегментации действительности в сознании диалектоносителей. Примеры синонимических соответствий: *былка¹-3, жила²* – «стебель льна»; *конопи'-2, бранка, головешник, голо'вка-9, ма'тка, моченик-1* – «женская особь конопли»; *моченец, мокря'дина* – «конопля, которую вымачивают»; *гнездо', мочажу'на* – «место, где мочат коноплю»; *зама'шки, бубка, дёрганица, леци'* – «мужская особь конопли»; *выбира'ть²-1, выдёргивать* – «брать, выдёргивать лён, коноплю, выбирать мужскую или женскую их особь»; *волось, волна* – «овечья шерсть»; *волочить-1, грести-2, мы'кать* – «вычёсывать волокна шерсти, пуха, льна и т.п.»; *бить волну, ка'ртать* – «бить шерсть»; *жилка-1, ёмка-1, волокнушко, волос²-2, намыка, мочка, мочалка* – «волокно»; *валушка, кудель* – «шерсть, которую прядут»; *волос-2, замашки-1, конопи* – «конопляное волокно для пряжи».

Этимологический анализ лексики обработки волокна и прядения позволяет выявить **основные семантические переходы**, положенные в основу номинации лексем: действие → результат действия, действие → орудие действия, процесс → предмет со значением процессуальности, метафорический перенос по внешнему сходству, метафорический перенос по сходству функций, часть → целое (метонимия) и др.

Этимологический анализ лексики помог установить, что большая часть лексем имеет **общеславянские корни** (*жи'ла, костра', ма'тка, во'лос, козина', волочи'ть, грести', гребень, мы'кать, луци'ть, горсть, волокно', куде'ль*); некоторые из них относятся к **общендоевропейскому словарному фонду** (*волна*; предположительно *конопля', лён*). Необходимо также отметить тот факт, что в говорах наблюдается сохранение архаичных значений слов, которые уже не свойственны литературному языку (*грести* – «вычёсывать гребнем»). Некоторые лексемы сохраняют древнюю семантику индоевропейской поры до настоящего времени: *волось* (*волосе'нь, волосёнка*), *волна* (*волно'вка, воло'нка, вовна*) – «шерсть, волос». Доля заимствований из других языков незначительна.

Наименования, связанные с обработкой волокна, были проверены по Словарю русских народных говоров [9] с целью выявления ареалов их распространения. В результате проведенного исследования были выделены следующие группы лексики:

1. Лексемы общерусского распространения:

а) отмеченные в СРНГ как **общерусские**: **конопель**: Олон., Беломор., Ленингр., Моск., Казан., Куйбыш., Ворон., Смолен., Пенз., Ср. Урал., Сиб., Краснояр., Амур., Княгин., Нижегород., Волго-Камье, Киргиз. ССР [9, вып. 14, 264]; **дёрганец-2**: Липец., Ворон., Курск., Орл., Куйбыш., Калуж., Новг., Волог., Дон., Тул., Урал. [9, вып. 8, 8]; **бра'ть**: Твер., Моск.,

Курск., Пенз., Арх., Новг., Олон., Влад., Яросл., Казан., Калуж., Пск., Смол., Брян., Тул., Орл., Ворон., Южн., Симб., Самар., Вят., Перм., Свердл., Тюмен., Том. [9, вып. 3, 165]; *бабка²-1*, *бабка²-2*, *бабка²-3*: Олон., Новг., Пск., Твер., Яросл., Ленингр., Волог., Вят., Арх., Моск., Влад., Орл., Курск., Казан., Пенз., Перм., Акм., Том. [9, вып. 2, 22]; *бабка²-4*: Нижегород., Твер., Петерб., Олон., Арх., Пск., Новг., Вят., Казан., Твер., Смол., Ленингр. [9, вып. 2, 23]; *волна*: Тул., Брян., Курск., Южн., Орл., Ворон., Рост., Смол., Иван., Яросл., Пск., Новг., Оренб., Кашир., Твер., Волог., Арх., Свердл., Пенз., Саратов., Дон., Тамб., Брян. [9, вып. 5, 43]; *мыкать*: Тамб., Южн., Ворон., Курск., Саратов., Самар., Куйбышев., Пенз., Ряз., Калуж., Тул., Моск., Смол., Брян., Кубан., Терск., Твер., Калинин., Яросл., Влад., Казан., Оренб., Чкал., Сиб., Новосибир., Иркут. [9, вып. 19, 52]; *волокно*: Перм., Олон., Калуж., Волог., Нижегород., Костром., Новосибир. [9, вып. 5, 53]; *намыка-1*: Влад., Моск., Ряз., Тул., Калуж., Орл., Тамб., Курск., Ворон., Урал., Рост., Южн. [9, вып. 20, 44]; *куделька-1*: Волог., Арх., Беломор., Новг., Смол., Тамб., Курск., Ворон., Ряз., Перм., Новосибир., Том., Краснояр. [9, вып. 15, 398]; *куделя-1*: Тул., Калуж., Моск., Брян., Смол., Курск., Ворон., Ряз., Пенз., Самар., Твер., Калинин., Новг., Пск., Ленингр., Петерб., Олон., Рост., Краснодар., КАССР, Беломор., Арх., Волог., Влад., Вят., Киров., Оренб., Перм., Урал., Южн.-Сиб., Тюмен., Новосибир., Том., Енис., Краснояр., Прибайк., Иркут., Забайкал., Прибалт. [9, вып. 16, 7]; *катеринка*: Курск., Тамб., Саратов., Нижегород., Костром., Киров., Перм. [9, вып. 13, 127]; *лук*: Южн.-Сиб., Иркут., Курск., Ворон., Волог., Печор. Арх., Пск., Смол. [9, вып. 17, 186]; *лучок*: Нижегород., Киров., Волог., Новг., Яросл., Иван., Моск., Твер., Калинин., Пск., Брян., Курск., Орл., Тул., Калуж., Терск., Ульянов., Южн.-Урал., Курган. [9, вып. 17, 213]; *ребень-5*: Твер., Тул., Ряз., Ворон., Ряз., Твер., Волог., Калуж. [9, вып. 7, 122];

б) отмеченные в СРНГ как **среднерусские и севернорусские**, однако наше исследование позволяет уточнить ареалы их распространения и отнести к **общерусским**: *колотушка*: Твер., Калинин., Новг., Волог., Свердл. [9, вып. 14, 185].

2. Лексика, бытующая в севернорусском и южнорусском наречиях:

а) **отмеченная в СРНГ**: *вешалка-1*: Волог., Калуж., Исык.-Кул. [9, вып. 4, 221]; *ребёнка-4*: Ряз., Тул., Липецк., Тамб., Ворон., Яросл. [9, вып. 7, 122]; *моченец*: конопля или лен, вымачиваемые для обработки, Обоян., Курск., Пенз., Яросл., Влад., Ряз., Тамб., Ворон., Новосибир., Том., Костром., Свердл. [9, вып. 18, 317];

б) лексемы, отмеченные в словаре как **севернорусские**, однако наше исследование уточняет ареал распространения: *картать*: КАССР [9, вып. 13, 99]; *мочка*: Яросл. [9, вып. 18, 320].

3. Лексика, функционирующая в южном наречии и среднерусских говорах:

а) **отмеченная в СРНГ**: *замашки-2*: Курск., Орл., Тул., Калуж., Брян., Ворон., Ряз., Смол., Влад., Пенз., Заволж., Заурал., Иркут., Забайк. [9, вып. 10, 237]; *горсть-3*: Саратов., Пенз., Пск., Брян., Челябин., Иркут., Ряз., Курск. [9, вып. 7, 71]; *намычка-1*: Курск., Орл., Брян., Ряз., Тул., Калуж., Моск., Тамб., Новосибир. [9, вып. 20, 45]; *горсть-2*: Саратов., Пенз., Пск., Брян., Челябин., Иркут., Ряз., Курск. [9, вып. 7, 71];

б) отмеченные в словаре как **среднерусские**, однако наше исследование уточняет ареал распространения: *козлы*: Пск., Калинин. [9, вып. 14, 59]; *козина*: Чкал. [9, вып. 14, 65]; *квасцы*: Нижегород. [9, вып. 13, 161].

4. **Лексика, зафиксированная на территории позднего населения**: *головица*: Верхот., Свердл. [9, вып. 6, 305]; *вешнина*: Том. [9, вып. 4, 224]; *весника*: Свердл. [9, вып. 4, 184]; *встрёпывать*: Свердл. [9, вып. 5, 216]; *жилка-1*: Омск. [9, вып. 9, 174]; *мялка*: [палка, которой мнут лен]: Иркут. [9, вып. 19, 83]; *мычка*: Новосибир. [9, вып. 19, 67].

Наше исследование позволяет уточнить ареал распространения данных лексем и отнести их к **южнорусским**.

5. **Лексика, отмеченная в южнорусском наречии**: *конопи*: Ряз., Курск., Орл., Тул., Калуж., Тамб., Ворон., Саратов., Сталингр., Дон., Ставроп., Кубан., Терск., Краснодар., Арм. ССР., Оренб., Чкал. [9, вып. 14, 265]; *былка¹-3*: Курск., Брян., Ворон., Дон., Калуж., Ряз., Ис-

сык-Кульск. [9, вып. 3, 345]; *былочка-1*: Курск., Тул., Брян., Ворон. [9, вып. 3, 346]; *кострика-2*: Тул., Ворон., Курск., Новосиб. [9, вып. 15, 81]; *дёрганица*: Ряз. [9, вып. 8, 8]; *выбирать²⁻¹*: Том., Брян. [9, вып. 5, 246]; *матка*: Курск. [9, вып. 18, 31]; *моченец*: жен. особь, Ряз. [9, вып. 18, 318]; *дерёгать-1*: Орл., Курск., Ворон. [9, вып. 8, 17]; *волос²⁻¹*: волось, Смол. [9, вып. 5, 63]; *волонка*: Орл., Смол., Калуж. [9, вып. 5, 56]; *ве'шник-1*: Тул., Чембар., Пенз., Урал., Балтайск., Саратов. [9, вып. 4, 223]; *вешни'ка-2*: Пенз., Ряз., Том. [9, вып. 4, 223]; *воло-сен²⁻¹*: Курск., Ворон. [9, вып. 5, 59]; *волочить¹*: Тамб., Курск. [9, вып. 5, 70]; *намыкать*: Ряз., Курск. [9, вып. 20, 44]; *делянка-3*: Курск., Ворон. [9, вып. 7, 349]; *ёмка-1*: Тамб. [9, вып. 8, 356]; *замашки-1*: Курск., Ворон., Орл., Тул., Калуж., Терск. [9, вып. 10, 237]; *кудель-1*: Орл. [9, вып. 15, 398]; *кострика-1*: Тул., Ворон., Курск., Новосиб. [9, вып. 15, 80]; *костричка*: Тул., Ряз., Новосиб. [9, вып. 15, 81]; *ёмка-2*: количество чего-либо, захватываемое в горсть; горсть, Тамб. [9, вып. 8, 356]; *ёмка-3*: количество чего-либо, захватываемое в горсть; горсть, Тамб. [9, вып. 8, 356].

6. Узколокальные воронежские лексемы:

а) отмеченные в СРНГ с пометой «Ворон.» : *лён-скакун*: Ворон. [9, вып. 16, 350]; *головастик-3*: Ворон. [9, вып. 6, 302]; *голове'шник*: головишник, Ворон. [9, вып. 6, 306]; *головастик-2*: Ворон. [9, вып. 6, 302]; *куколка*: Ворон. [9, вып. 16, 41];

б) не зафиксированные в СРНГ: *кастриль, жила-2, замашки-4, кострик, коренья, дёрганик, дергунец, бубка, леши, бранка, головка-9, конопи'-2, моченик-1, головня¹, выдёргивать, дёргать-1, дермы-дермы, бочка, козёлки, братый², вовна, волновка, весенина, вешника-1, весення, волось, волосёнка-1, грести-2, измыкать, кнописеть, колёмкать, налущить, намыкивать, мять, мычить, бумажить-1, бит¹⁻² волну, волокнушко, волос²⁻², конопи -3, мочалка, валушка⁴⁻¹, кудилька, куделянка, куделечка-1, кудилки, било¹, бильца, донница, гребёночка, гребень-3, горест², мыка, намычка-2, мыко, мялочка, выпрадушки, костра, костриха, моченик-1, мочеки, мочельник, мочельница, мокрядина, гнездо⁴, мочажина, вылежка.*

Количественный анализ показал, что локализмы составляют значительную часть исследуемой лексики (54 %). Вероятно, большая доля узколокальных номинаций объясняется наличием широко представленной вариативности (словообразовательной, фонетической, морфологической). Лексемы общерусского распространения составляют 13,5 %, южнорусские – 18 %, отмеченные на территории позднего заселения – 5 %, бытующие в южнорусском наречии и среднерусских говорах – 5 % и распространенные в севернорусском и южнорусском наречиях – 4 %.

Список условных сокращений сёл и районов

АЛСДР. – Александровка, АЛШ. – Алешки, АННА – Анна, АНШ. – Аношкино, АРТ. – Артюшкино, АРХ. – Архангельское, Б.ВРК. – Большая Верейка, Б.СМВ. – Большой Самовец, Б.ЯСР. – Большие Ясырки, БАБ. – Бабка, ББК. – Бабяково, БНН. – Бунино, БОБР. – Бобров, БРВ. – Боровое, БРД. – Бродовое, БРЗ. – Берёзово, БРТ. – Братки, БРЦ. – Борщёво, БТГ.-МТР. – Битюг-Матреновка, БТР. – Бутырки, В.КРЧ. – Верхний Карачан, В.ПЛВ. – Верхняя Пластица, В.ТРВ. – Верхнее Турово, В.ХАВА – Верхняя Хава, ВДГ. – Ведуга, В.ТП. – Верхотопье, ВСКР. – Воскресеновка, ВСЛ. – Васильевка, ВШЛ. – Вешаловка, ГДВ. – Гудовка, ГЛСН. – Голосновка, ГНЛ. – Гнилуша, ГРЖ. – Горожанка, ГРК. – Горки, ГРМ. – Гремяче, Д.МХВ. – Долгомаховатка, ДВД. – Давыдовка, ДВЦ. – Девица, ДМТР. – Дмитриевка, ДНК. – Данково, ДНС. – Донской, ДРЗ. – Дерезовка, ДРК. – Дракино, ЖЛН. – Жилино, ЗЛЖ. – Залужное, ЗНМН. – Знаменское, ЗТН. – Затон, ЗЦП. – Зацепное, ИВН. – Ивановка, ИЛВ. – Иловка, ИСТ. – Истобное, КЛМК. – Калмык, КЛМН. – Коломенское, КМН. – Каменка, КМН.-СДВ. – Каменка-Садовка, КПН. – Копанище, КРС.ЛОГ. – Красный Лог, КРС.ЛП. – Краснолипые, КРС.ЛСН. – Краснолесный, КРС.ПЛ. – Краснополье, КРЧ. – Карачун, КРШ. – Коршево, КСТ. – Костёнки, КЧГ. – Кучугуры, КЧТ. – Кочетовка, ЛВ.РСШ. – Левая Россошь,

ЛИСКИ – Лиски, ЛМВ. – Ломово, ЛСТ. – Листопадовка, М.ВРК. – Малая Верейка, М.ЯСР. – Малые Ясырки, МДВЖ. – Медвежье, МСТ. – Мастюгино, МТР. – Матрёнки, МХН. – Михнево, МЧТ. – Мечётка, Н.БЛ. – Новобелая, Н.-ЖВТ. – Ново-Животинное, Н.КРЛ. – Новый Курлак, Н.СЛС. – Новосильское, Н.УСМ. – Новая Усмань, Н.ХРН.ВСЛ. – Новохреновские Выселки, НЖ.БЫК – Нижний Бык, НЖ.ИКР. – Нижний Икорец, НЖ.КСЛ. – Нижний Кисляй, НЖ.КРЧ. – Нижний Карачан, НЖ.ММН. – Нижний Мамон, НЖ.МРН. – Нижнее Марьино, НКЛ. – Николаевка, НКЛС. – Никольское, НРД. – Народное, ОРЛ. – Орлово, ОРЛВ. – Орловка, ПДСР. – Подсереднее, ПЛТ. – Платава, ПРВЛ. – Переволочное, ПРЛ. – Перлёвка, ПСК. – Пески, ПСКВ. – Песковатка, ПТН. – Петино, ПЧЛ. – Пчелиновка, ПЧЛН. – Пчельники, Р.БЛВ. – Русская Буйловка, Р.ГВЗ. – Русская Гвоздёвка, Р.ТРС. – Русская Тростянка, РГВ. – Роговатое, РГЧ. – Рогачёвка, РЖД.ХВ. – Рождественская Хава, РСТ. – Ростоши, РСШ. – Россошь, РСШК. – Россошки, СДВ. – Садовое, СКП.ПТД. – Скупая Потудань, СЛД. – Солдатское, СМЛ.ВСЛ. – Семилукские Выселки, СН.ЛПГ. – Синие Липяги, СР.КРЧ. – Средний Карачан, СРГ. – Сергеевка, СТ.ВДГ. – Старая Ведуга, СТ.КРЛ. – Старый Курлак, СТ.НКЛС. – Староникольское, СТ.ТД. – Старая Тойда, СТ.ЧГЛ. – Старая Чигла, СТД. – Студеное, СТДК. – Студёнки, СТРЛ. – Стрелица, ТД. – Тойда, ТРС. – Трясоруково, УСТ.-МРВ. – Усть-Муравлянка, ФДР. – Фёдоровка, ХЛБ. – Хлебное, ХЛБР. – Хлебородное, ХЛВ. – Хлевищи, ХРН. – Хреновое, ЧГР. – Чигорак, ЧРТ. – Чертовицы, ЧСМ. – Чесменка, ШКВ. – Шукавка, ШСТ. – Шестаково, ШШВ. – Шишовка, ЩЧН.ПСК. – Щучинские Пески, ЯРК. – Ярки; Аннин. – Аннинский, Белг. – Белгородская обл., Бобр. – Бобровский, Борис. – Борисоглебский, Бутур. – Бутурлиновский, В.-Мам. – Верхнемамонский, В.-Хав. – Верхнехавский, Гриб. – Грибановский, Калач. – Калачеевский, Кашир. – Каширский, Липецк. – Липецкая обл., Лиск. – Лискинский, Н.-Усм. – Новоусманский, Н.-Хоп. – Новохопёрский, Нж.-Дев. – Нижнедевицкий, Остр. – Острогожский, Павл. – Павловский, Пан. – Панинский, Повор. – Поворинский, Рам. – Рамонский, Реп. – Репёвский, Россош. – Россошанский, Семил. – Семилукский, Тал. – Таловский, Терн. – Терновский, Хохол. – Хохольский, Эрт. – Эртильский.

Библиографический список

1. Баланчик Н. А. Функционирование диалектной лексики обработки волокнистых культур в условиях инодиалектного окружения : (на материале говоров Кемеровской и Орловской областей) / Н. А. Баланчик // Орловские говоры : Проблемы изучения : сб. науч. тр. – Орёл : Изд-во Орлов. гос. пед. ин-та, 1977. – С. 32-36.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 23.05.2011).
3. Из истории русских слов : словарь-пособие / А. Е. Аникин и др. – М. : Школа-пресс, 1993. – 224 с.
4. Киселева Г. В. Терминология обработки конопли (на материале говора с. Ярки Новохопёрского района Воронежской области) / Г. В. Киселева // Филология и культура : Тез. II Межд. Конф. (12-14 мая 1999). – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 1999. – Ч. 2. – С. 56-57.
5. Михайлова Л. П. Слова *кужель* и *куделя* в новгородских говорах / Л. П. Михайлова // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда : Изд-во ВГПУ, 1975. – С. 200-207.
6. Обработка льна и конопли : Прядение : Ткачество. // Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров / [ред. И. А. Попов]. – СПб. : ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 1. – С. 173-190.
7. Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике : XXI (праслав. **poskolvь*, **sokolvь*) / И. П. Петлева // Этимология : 2000-2002. – М. : Наука, 2003. – С. 16-23.
8. Словарь воронежских говоров / [науч. ред. Г. Ф. Ковалев]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004 ; 2007. – Вып. 1. – 304 с. ; Вып. 2. – 307 с.
9. Словарь русских народных говоров / [под. ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова]. –

М. ; Л. ; СПб., 1965-2006. – Вып. 1-40-.

10. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках : Этимология и опыт групповой реконструкции / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1966. – 416 с.

11. Трубачев О. Н. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах / О. Н. Трубачев // Этимология : 1963 : Исследования по русскому и другим языкам. – М. : АН СССР, 1963. – С. 14-51.

12. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3. – С. 18-29.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель – АСТ, 2004. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 23.05.2011).

14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=chernykh> (дата обращения: 23.05.2011).

15. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Дрофа, 2002. – 400 с. URL: <http://www.speakrus.ru/dict/etym/shansky/abc.htm#7> (дата обращения: 23.05.2011).

16. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / [под ред. О. Н. Трубачева]. – Вып. 1-30-. – М. : Наука, 1974-2003.

References

1. Balanchik N.A. The Functioning of the Dialect Lexicon of the Fibrous Crops Processing under Conditions of Other Dialects Environments : (on a Material of Dialects of the Kemerovo and Oryol Areas) / N. A. Balanchik // The Oryol Dialects : Studying Problems : Collection of proceedings . – Oryol : Publishing House of the Oryol State Pedagogical Institute, 1977. – P. 32-36.

2. Dal V. I. The Defining Dictionary of Living Great Russian : 4 v. / V. I. Dal. – М. : Russkij yazyk, 1978-1980. URL: <http://slovardalja.net/> (reference date: 5/23/2011).

3. From History of Russian Words : the Dictionary and the Text-Book / A. E. Anikin etc. – М. : Shkola-Press, 1993. – 224 p.

4. Kiselyova G. V. The Terminology of Hemp Processing (on a Material of the Dialect of the village Yarki of Novokhoperskiy area of the Voronezh region) / G. V. Kiselyova // The Philology and Culture : Theses of II International Conference (on May, 12-14th 1999). – Tambov : Publishing House of the Tambov State University after G. R. Derzhavin, 1999. – Part. 2. – P. 56-57.

5. Mikhaylova L. P. The Words *Kuzhel* and *Kudelya* in the Novgorod Dialects / L. P. Mikhaylova // Sketches on Lexicon of the North Russian Dialects. – Vologda : Publishing House VGPU, 1975. – P. 200-207.

6. Flax and hemp processing : Spinning : Weaving // Program of Collecting of Data for the Lexical Atlas of Russian National Dialects / [ed. by I. A. Popov]. – SPb. : ILI RAN, 1994. – P. 1. – P. 173-190.

7. Petleva I. P. Etymological Notes on Slavic Lexicon : XXI (Parent Slavic **poskonь*, **sokolь*) / I. P. Petleva // Etymology : 2000-2002. – М. : Nauka, 2003. – P. 16-23.

8. The Dictionary of the Voronezh Dialects / [ed. by G. F. Kovalev]. – Voronezh : Voronezh State University, 2004, 2007. – Part 1. – 304 p.; Part. 2. – 307 p.

9. The Dictionary of Russian National Dialects / [ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov]. – Parts 1-40. – М.; Л.; СПб., 1965-2006-.

10. Trubachev O. N. Craft Terminology in Slavic Languages : Etymology and Experience of Group Reconstruction / O. N. Trubachev. – М. : Nauka, 1966. – 416 p.

11. Trubachev O. N. Formation of the Most Ancient Craft Terminology in Slavic and Some Other Indo-European Dialects / O. N. Trubachev // Etymology : 1963: Researches on Russian and Other Languages. – M. : AN SSSR, 1963. – P. 14-51.

12. Trubachev O. N. Linguistics and origin of Slavs / O. N. Trubachev // Linguistics Questions. – 1984. – № 3. – P. 18-29.

13. Fasmer M. The Etymological Dictionary of Russian : 4 v. / M. Fasmer. – M. : Astrel – AST, 2004. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (yes ive references: 5/23/2011).

14. Chernykh P. Ya. The Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian : 2 v. / P. Ya. Chernykh. – M. : Russkiy yazyk, 1999. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=chernykh> (reference date: 5/23/2011).

15. Shanskiy N. M. The School Etymological Dictionary of Russian : the Words Origin / N. M. Shanskiy, T. A. Bobrova. – M. : Drofa, 2002. – 400 p. URL: <http://www.speakrus.ru/dict/etym/shansky/abc.htm#7> (reference date: 5/23/2011).

16. The Etymological Dictionary of Slavic Languages : Parent Slavic Lexical Fund / [ed. by O. N. Trubachev]. – M. : Nauka, 1974-2003. – Parts. 1-30.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 802.0+803.0

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
кандидат филологических наук Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Статья содержит сравнительный анализ русских и английских фразеологизмов, включающих наименования таких домашних животных, как овца, свинья, лошадь, коза и корова.

Ключевые слова: фразеология, домашние животные.

T.A. Voronova

RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS CONTAINING THE NAMES OF DOMESTIC ANIMALS

This article concerns comparative analysis of Russian and English phraseological expressions which contain the names of such domestic animals as sheep, pig, horse, goat and cow.

Key words: phraseology, domestic animals.

Интерес к фразеологии того или иного языка неизбежно связан с интересом к истории страны, к особенностям мировоззрения народа, который говорит на этом языке.

Фразеологизмы, в состав которых входят лексемы, обозначающие домашних животных и птиц, отражают опыт использования животных людьми в хозяйственной деятельности и быту. В сознании людей происходило формирование представлений об используемом животном, изучались его свойства, повадки, поведение, определялась его значимость в повседневной жизни людей, что и предопределило появление большего или меньшего количества фразеологизмов с названием того или иного животного.

В данном сообщении рассматриваются фразеологические сочетания и пословицы с названиями таких домашних животных, как овца, коза, свинья, корова и лошадь. Наша цель – выяснить, исходя из анализа фразеологизмов, какое место в быту английского и русского народов занимали эти животные и совпадает ли смысл тех или иных фразеологизмов и их использование.

1. Фразеологизмы русского языка

а) Фразеологические сочетания и пословицы с лексемой *свинья*.

Разведением свиней занимались в России издавна. Это домашнее животное всегда играло большую роль в хозяйственной жизни страны. Однако с образом этого животного связаны в основном негативные ассоциации. Свинья в сознании русского человека является символом грязи, нечистоты, невежества. Все сочетания с данной лексемой несут отрицательный смысл. Можно предположить, что подобные ассоциации возникли из наблюдений за реальными повадками данного животного. Как известно, свинья может съесть своих собственных детенышей (отсюда пословица «**Бог не выдаст – свинья не съест**»), может находиться в самых грязных местах, что отразилось во фразеологизме «**свинья свиньей**» (о грязном, неряшливом, крайне неаккуратном, а также подлом и неблагодарном человеке).

На такой же образной основе возникли следующие фразеологизмы и высказывания:

«**свинья грязи найдет**» – о том, кто всегда найдет себе подходящую компанию (чаще неблагоприятную);

«**посади свинью за стол, она и ноги на стол**» – о человеке, который ведет себя где-либо распущенно, развязно, а также неблагодарно;

«**свинья под дубом**» – о неблагодарном и глупом человеке (образ, взятый из басни И.А.Крылова);

«**свинья в апельсинах**» – о человеке, который абсолютно не разбирается в каком-либо деле;

«**метать бисер перед свиньями**» – говорить о чем-либо серьезном с невеждами.

Последнее выражение следует оговорить особо. Аналогичный фразеологизм присутствует и в английском языке (**to cast pearls before swine**), однако аналогия определяется общим источником: выражение взято из Библии. Совпадение русских и английских фразеологизмов объясняется традицией дословного перевода священных текстов.

б) Фразеологические сочетания с лексемой *овца*.

Овцеводство в России также занимало значительное место в хозяйственной жизни. С образом этого животного в русском языке связаны такие ассоциации, как, во-первых, кротость и покорность:

«**кроткая овечка**»;

«**не будь овцой**» – не будь бессловесным, чересчур покорным;

«**прикинулся невинной овечкой**» – будто ничего не знает, ни в чём не виноват;

«**прикинулся ягнёнком**» – притворился кротким, незлобивым. Выражение, возможно, порождено такими библеизмами, как «Агнец Божий», «жертвенный агнец», «как овцы среди волков» и т.д.

Лексемы «овца» (а также «баран») репрезентируют такой смысл, как тупость:

«**овца круженная**» – возникло из наблюдений за поведением животного (стадо овец не может самостоятельно перейти с одного пастбища на другое, даже если вся трава съедена; на новое пастбище стадо обычно ведет козел);

«**смотреть как баран на новые ворота**» – ничего не понимая;

«**стадо баранов**» – о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-нибудь (схожие смыслы присутствуют и в английском языке).

Однако с данной лексемой могут быть связаны и более негативные ассоциации:

«**паршивая овца в стаде**» – человек, который позорит остальных (аналогичное сочетание в английском языке – **black sheep**);

«**с паршивой овцы хоть шерсти клок**» – о том, от кого можно получить малое и нельзя рассчитывать на большее.

в) Фразеологические сочетания с лексемой *коза (козел)*.

Данные лексемы в составе фразеологизмов несут исключительно негативные ассоциации. Очевидно, это связано с тем, что нрав у этого животного действительно упрямый, строптивый и проказливый.

«**Козу делать**» – сделать подлость;

«**на козе не подъедешь (к кому-либо)**» – о том, кого невозможно убедить, уломать, о неприступном (из-за гордости и упрямства человеке). Выражение связывается с речью русских «потешных людей» – шутов и скоморохов, веселивших своих покровителей игрой на гусях, звоном бубенцов и «обряжением» в козу, журавля, медведя. В их репертуаре была и езда на козлах или свиньях. На особо важных, угрюмых, пребывающих в дурном настроении особ, однако, даже коза не действовала: они не улыбались забавам скоморохов.

«**От него как от козла молока**» – о ком-то абсолютно бесполезном, не приносящем ни малейшей пользы;

«**пустить козла в огород**» – допустить кого-нибудь туда, где он может навредить или поживиться (синонимичное сочетание – «**козел в капусте**»);

«**козёл отпущения**» – о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за всё плохое (по древнееврейскому обряду, в день отпущения грехов первосвященник, кладя руки на голову козла, тем самым возлагал на него грехи всего народа). Выражение также взято из Библии; английский аналог – **scapegoat**.

г) Фразеологические сочетания с лексемой *корова (бык)*.

Данное животное ассоциируется в русском языке с громоздкостью и неуклюжестью («**как корова на льду**», «**(идет) как корове седло**»). В целом же данная группа фразеологизмов и пословиц в наибольшей степени отразила знания русского народа об этом животном:

«**У коровы молоко на языке**» – т.е. хороший удой зависит от хорошего корма;

«**чья бы корова мычала, а чья бы молчала**» – о том, кому лучше бы помолчать о других, т. к. сам небезгрешен;

«**как корова языком слизнула**» – о том, кто (что) куда-то делся (делось), неизвестно где находится (возможно, от привычки коров и других копытных животных лизать соль).

Во многих пословица корова предстает как кормилица, главный залог благосостояния крестьянской семьи:

«**Корова на дворе, харч на столе**»;

«**Красна баба повоем (т.е. головным убором), а корова удоем**»;

«**Корова в рогоже, да всех дороже**».

Следует рассмотреть и фразеологизмы, включающие названия детенышей:

«**быть бычку на верёвочке**» – пословица о том, кого в конце концов обязательно утихомирят, приструнят или поймают (с молодыми бычками действительно обходились таким образом);

«**ласковый теленок двух маток сосет**» – о человеке, который своей добротой приобретает расположение всех;

«**телячий восторг**» – бессмысленный, беспричинный, чрезмерный восторг;

«**телячьи нежности**» – чрезмерные или неуместные нежности.

Лексема «бык» обладает несколько другим смыслом:

«**взять быка за рога**» – смело и сразу взяться за самое главное в трудном деле (бык – животное сильное и упрямое, с которым можно справиться только таким способом).

д) Фразеологические сочетания и пословицы с лексемой *лошадь (конь)*.

«**Не в коня корм**» – о том, что не идёт на пользу;

«**конь не валялся**» – ничего ещё не готово, до начала дела еще далеко (отражает русский крестьянский обычай давать лошади поваляться перед тем, как ее запрягать, чтобы она меньше уставала во время работ);

«**коней на переправе не меняют**» – в решающий для дела момент не меняют ни планы, ни людей;

«**работать как лошадь**» - о трудном, непрерывном труде (отражает народное представление о роли лошади в крестьянском хозяйстве);

«**рабочая лошадка**» – о трудолюбивом, безотказном человеке;

«**лошадиное здоровье**» – очень сильное, крепкое, неистощимое здоровье;

«**погоняй коня не кнутом, а овсом**»;

«**лошадь человеку крылья**».

Практически во всех перечисленных фразеологизмах и пословицах лошадь предстает прежде всего как трудолюбивое, выносливое животное, без которого невозможны ни полевые работы, ни переезды или путешествия. По этим выражениям можно судить о том, какое значение имела лошадь для русского крестьянского хозяйства.

Единственное выражение, «выбивающееся» из этой картины, – «**тёмная лошадка**» (о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны). Скорее всего, этот фразеологизм пришел в русский язык достаточно поздно и имеет, по-видимому, иноязычное происхождение.

Таким образом, фразеологизмы с лексемами «корова» и «лошадь» («конь») чаще всего наделены положительным смыслом и в большей степени отражают быт русского народа, его обычаи и нужды, особенности нашего климата. Иноязычные фразеологизмы, в т.ч. библеизмы, в данных группах встречаются реже.

2. Фразеологизмы английского языка

Английская фразеология очень богата, и у неё многовековая история. Источники происхождения фразеологизмов в современном английском языке очень разнообразны. В их образовании огромную роль играет человеческий фактор, так как большинства фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Существует много фразеологизмов, обозначающих домашних животных, которые отражают опыт использования животных людьми в хозяйственной деятельности и быту. Рассмотрим некоторые из них.

а) Сочетания с лексемой *sheep* (овца).

В целом данное животное ассоциируется носителями английского языка с безвольностью и покорностью (как и в русском), а также с робостью (ассоциация, отсутствующая в русском языке). Их число не очень велико, однако некоторые из них отражают факты истории и обычаи английского народа. Рассмотрим наиболее употребительные.

«**Black sheep of a family**» – позор в семье; эквивалент русскому фразеологизму «паршивая овца». Это исконно английские фразеологические единицы, связанные с народными поверьями. Согласно одному из них, черная овца отмечена печатью дьявола.

«**As well be hanged for a sheep as (for) a lamb**» – семь бед – один ответ («если суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть и ягнёнка»). Данный фразеологизм является отголоском старого английского закона, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешение.

«**Make sheep eyes**» – бросать влюбленные (т.е. робкие) взгляды («делать овечьи глаза»).

«**Wolf in sheep's clothing**» (волк в овечьей шкуре). Фразеологизм библейского происхождения, не единственный в английском языке. В течение многих столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой, поэтому она стала важнейшим

литературным источником фразеологических единиц. Многие выражения вошли в английский язык со страниц Библии. Это можно объяснить тем, что на литературный английский язык Библия была переведена в конце 16 – начале 17 веков (т.н. перевод короля Иакова), а на русский – только в 60-х годах 19 века (т.н. Синодальный перевод).

Схожие смыслы несет и лексема *lamb* (*ягненок*).

«*As gentle as a lamb*» – нежный как агнец.

«*Like a lamb*» – простак, мягкий, слабохарактерный человек; милый человек.

«*One's ewe lamb*» – единственное сокровище; единственный ребенок.

Назвать любимого ребенка «ягненокком» придет в голову только носителю английского языка. Лексема «ягненок» в русских сочетаниях присутствует не так уж часто, тем более по отношению к детям.

б) Сочетания с лексемой *goat* (*козёл*).

В английском языке присутствуют такие же негативные ассоциации, как и в русском.

«*Scapegoat*» – козел отпущения;

«*to get smb.'s goat*» – раздражать, сердить злить кого-либо («делать козлом»; схоже с русским выражением «сделать козую»);

«*to play/act the goat*» – проказничать, валять дурака («прикидываться козлом»).

в) Сочетания с лексемой *horse* (*конь, лошадь; скаковая лошадь*).

Фразеологизмы этой группы отражают такой элемент исключительно английской культуры, как увлечение конным спортом, верховой ездой.

«*To back the wrong horse*» – поддерживать проигрывающую сторону («ставить не на ту лошадь»);

«*to beat/flog a dead horse*» – обсуждать уже решенный вопрос («хлестать мертвую лошадь»);

«*to hold one's horses*» – вести себя более осторожно («придержаться коней»);

«*a horse of a different color*» – совершенно другое дело («лошадь другой масти»);

«*to eat like a horse*» – много есть («есть как лошадь»);

«*to work like a horse*» – упорно работать («работать как лошадь» – фразеологизм, практически пересекающийся с русским);

«*dark horse*», «*black horse*» – «темная лошадка» (о скаковой лошади, в переносном смысле – о человеке);

«*straight from the horse's mouth*» – из первых рук («прямо из пасти коня»);

«*on one's high horse*» – высокомерно держаться, важничать («быть на коне» – взято из военного языка: средневековые феодалы, обычно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, состоявшей из простолюдинов);

«*don't look a gift horse in the mouth*» – дареному коню в зубы (буквально: в рот) не смотрят. Аналогичное выражение присутствует и в русском языке. Вполне можно предположить, что покупатели лошадей и в России, и в Англии проверяли здоровье коня одним и тем же способом – по состоянию его зубов.

г) Сочетания с лексемой *pig* (*поросенок; свинья*), *swine* (*свинья*).

Это слово в английском языке может прозвучать как оскорбление в адрес человека или даже вещи. Чаще всего оно обозначает жадность, нахальство и обжорство:

«*to make a pig of oneself*» – объедаться, обжираться («делать из себя свинью»);

«*greedy pig*» – жадная свинья.

Данная лексема присутствует и в ряде сочетаний, имеющих иное словесное оформление в русском языке, однако передающее тот же самый смысл:

«*to buy a pig in a poke*» – покупать кота в мешке (буквально: свинью в мешке);

«**a pig in the middle**» – между двух огней («свинья по середине»);

«**on the pig's back**», «**on the pig's ear**» – на коне (буквально: верхом на свинье, в свином ухе – возможно, пришло из народной сказки про Мальчика-с-пальчик);

«**pigs might fly**» – когда рак на горе свистнет («когда свиньи полетят»).

д) Сочетания с лексемами *cow* (корова), *ox* (бык), *bull* (буйвол).

Выражение «**silly cow**» (глупая корова) может употребляться по отношению к недалекой, а также (что нехарактерно для русского языка) к вульгарной или опустившейся женщине. Данная лексема может ассоциироваться также с агрессивностью: «**have a cow**» – устроить скандал.

Лексема «**ox**» репрезентирует значение физической силы: «**as strong as an ox**» – сильный как бык.

С помощью лексемы «**bull**» могут быть обозначены такие качества, как неуклюжесть («**a bull in a china shop**» – слон в посудной лавке, буквально: буйвол в фарфоровом магазине) или упрямство («**to take the bull by the horns**» – взять быка за рога).

В целом же лексемы, обозначающие представителей крупного рогатого скота, реже встречаются в английских фразеологизмах и имеют меньшее количество ассоциативных смыслов. Чаще всего в английских фразеологизмах фигурируют конь (лошадь) и овца (ягненок), а также свинья. Это объясняется особенностями английской культуры (увлечение конным спортом) и климата, способствующего развитию в основном мелкого домашнего скота – овец и свиней.

Подведем итоги. Значения лексических единиц, обозначающих домашний скот, могут совпадать в английском и русском языках полностью или частично: 1) в случае общего источника фразеологизмов и пословиц; 2) в случае сходства некоторых черт быта и культуры. В целом же фразеологизмы такого рода чаще встречаются в русском языке, что, по видимому, связано с большей значимостью в России аграрного сектора, в отличие от Англии, гораздо раньше начавшей развиваться в промышленном отношении. Таким образом, специфика фразеологии определяется спецификой жизни и истории страны.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.:, 1998.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М.: 2000.
3. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: 1980.
4. Longman dictionary of English language and culture. Addison Wesley Longman, 2000.
5. Abbyu Lingvo 10. Первый шаг. Многоязычный электронный словарь.
6. Кунин А.Н. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: 1996. – 380 с.
7. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. – Воронеж, 2004. – 182 с.

References

1. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live great Russian language. – M.:, 1998.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.J. Explanatory dictionary of Russian language. – M.: 2000.
3. Molotkov A.I. Phraseological dictionary of Russian language. – M.: 1980.
4. Longman dictionary of English language and culture. Addison Wesley Longman, 2000.
5. Abbyu Lingvo 10. Первый шаг. Многоязычный электронный словарь.
6. Cunin A.N. The course of modern English phraseology. – M.: 1996. – 380 p.
7. Kovalyova L.V. Formation of phraseological expressions as a cognitive process. – Voronezh, 2004. – 182 p.

УДК 802.0+803.0

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*
Кандидат педагогических наук, доцент *Candidate of Pedagog. Science,*
кафедры иностранных языков *associate professor*
Кочнева М.Г. *Kochneva M.G.*
Старший преподаватель кафедры иностранных языков *Senior teacher of the foreign languages chair*
Пащенко А.С. *Pashchenko A.S.*
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 276-39-73 *Russia, Voronezh, tel. + 7(473)276-39-73*
276-39-73

М.Г. Кочнева, А.С. Пащенко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ – ER И ИХ РУССКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Статья посвящена вопросам словообразования в английском и немецком языках в сравнении с русским языком. В частности, рассматривается словообразовательная модель «глагол + er» и ее эквиваленты в русском языке. Анализируются особенности и частота употребления данной модели в вышеназванных языках. Выделены семантические группы для обозначения профессий, технических приборов, орудий труда и т.д. Все случаи употребления данной модели демонстрируются примерами.

Ключевые слова: словообразование, английский язык, немецкий язык.

M.G.Kochneva, A.S. Pashchenko

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND GERMAN VERBAL NOUNS WITH THE SUFFIX – ER AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

The article deals with some problems of word-formation in the English and German languages in comparison with the Russian language. In particular, the word-forming model «verb+er» and its Russian equivalents are considered. The peculiarities and the frequency of using this model in the above languages are analyzed. Some semantic groups denoting occupations, technical devices, different appliances are singled out.

Key words: word formation, English language, German language.

Сравнение языковых форм – важный аспект исследования как в общетеоретическом плане изучения языков, так и в прикладном для решения частных методических задач обучения и перевода.

Рассматриваемые нами языки представляют собой динамично развивающиеся системы, что значительно осложняет анализ словообразовательных элементов. Поэтому синхронное понимание языка не всегда входит в рамки его этимологического толкования. В полной мере это относится к процессам словообразования. Особенностью сопоставительных исследований, проводимых в интересах методики преподавания и перевода, является то, что для анализируемого явления одного языка выявляются эквиваленты, принадлежащие к тем же или другим языковым уровням.

Так, какое-то сопоставляемое явление в изучаемом языке принадлежит, например, к суффиксальным образованиям, а его эквивалент в родном языке представляет собой корневое или сложное слово. Иногда в родном языке отсутствует соответствующий лексический эквивалент, и тогда тождественность высказывания достигается на синтаксическом уровне (согласованном или несогласованном).

Цель статьи - провести сопоставление существительных, образованных по модели «глагол + суффикс *-er*» в английском и немецком языках и сравнить их с русскими эквивалентами для выявления сходства и различия при употреблении и переводе. Анализ показал, что наряду с общими для трех языков особенностями, логические закономерности и совпадения обусловлены как историческим развитием, так и процессами взаимодействия в настоящее время.

При выборе темы исследования мы руководствовались прежде всего наличием единого формально-семантического отличительного признака, регламентирующего использование словообразовательных конструкций в языковой практике. И поскольку основными формами представления грамматического материала являются теоретические комментарии, схемы, таблицы и т.д., то на этом этапе самым оптимальным методом обучения будет учет языковых особенностей изучаемого и родного языка. Для унификации сравнительного анализа мы ограничились в статье синонимичными грамматическими конструкциями как наиболее соответствующими требованиям, предъявляемым к дидактизации грамматического материала.

Следует отметить, что в современном английском и немецком языках словообразовательный суффикс „- *er*» является продуктивным частотным элементом, обозначающим лица, технические устройства, приборы и т.д.

В опоре на лингвистические исследования [1;44] мы выделили в английском языке 5 семантических групп для обозначения:

- 1) агента действия – лица по профессии, специальности, роду занятий. Например: *designer* – (конструктор), *builder* – (строитель);
- 2) агента действия – не лица, для обозначения прибора, орудия труда. Например: *transmitter* (передатчик), *loader* (погрузчик) *mixer* (смеситель);
- 3) материального агента: *rubber* (резина), *absorber* (гидроскопическое вещество);
- 4) емкостей: *container* (резервуар), *locker* (инструментальный ящик);
- 5) наименования отделки объектов: *cover* (обивка, чехол), *wrapper* (обертка).

В немецком языке, чтобы оставаться в рамках сравнительного подхода, мы ограничились тремя семантическими группами:

- 1) агент действия – лицо по специальности, роду занятий, действиям, профессии: *Lehrer* (учитель), *Schweißer* (сварщик);
- 2) агент действия – не лицо, для обозначения неодушевленных технических устройств и приборов: *Lader* (погрузочное устройство, погрузочная машина), *Rechner* (вычислительная машина);
- 3) агент действия – лицо по роду занятий и одновременно техническое устройство, прибор, выполняющий функции человека при основах глаголов. Например: *Leiter* (руководитель, проводящее устройство), *Lenker* (водитель, рычаг) [2; 133-137].

Заметим, что в немецком языке есть ряд существительных, заимствованных из английского языка. Например: *Jobber* - предприниматель (английское слово *job* – работать), *Manager* - организатор (английское слово *manage* – руководить).

Как видим из перевода слов, образованных по модели «глагол + *-er*», в русском языке им как правило соответствуют суффиксальные образования с суффиксами *-тель, -щик, -чик, -ец, -ник, -ик, -ор*.

Следует также отметить, что в английском и немецком языках в некоторых словоформах суффикс *-er* совпадает по правописанию и звучанию с падежным окончанием или окончанием множественного числа. Поэтому в методической практике необходимо прежде всего формировать у студентов механизм понимания рассматриваемого нами явления и отделять подлинные суффиксальные конструкции от слов, имеющих внешнее сходство, но не образованными по этой модели. Если не руководствоваться принципами словообразовательного анализа, то всякое слово, имеющее в своем составе основу и суффикс, будет рассматриваться как суффиксальное производное от данной основы. Если же принять во внимание суффиксальную мотивировку суффиксальных слов, то окажется, что часть из них может не принадлежать к словообразовательной суффиксальной модели. Например, слово *«rider»* в значении *«седок», «наездник»* мотивируется в английском языке глаголом *«ride»* и определяется как *«one who rides»*. Однако в значении *«вывод», «дополнение», «заклучение»,* это слово не мотивируется глаголом *«ride»*, а является продуктом лексико-семантического словопроизводства и не имеет отношения к словообразовательной модели *«основа глагола + er»*. Слово *«crawler»* в значении *«низкопоклонник», «ползающее насекомое»* мотивируется глаголом *«crawl»* и определяется как *«one who crawls»*. А значение *«гусеничный трактор», «гусеничный ход», «ползунки»* (для детей) приобретается на основе подобия, этих понятий чему-то, что ползает.

В немецком языке такие явления не обнаружены.

Заслуживают внимания случаи отклонения от простого типа соответствий.

Анализ показывает, что в них наблюдается:

1) гораздо более регулярное сочетание суффикса *„-er»* с глагольными основами по сравнению с использованием в русском языке глагольных основ с суффиксами *-тель, -щик, -чик, -ец, -ник, -ик, -ор*. Это объясняется несколькими причинами: большим числом словообразовательных частей слова в русском языке, б) преобладанием в этой лексической нише слов, образованных по способу словосложения (синтаксических конструкций);

2) гораздо большая многозначность английских и немецких слов данной модели, чем соответствующих русских;

3) более частое совмещение, значений лица и не-лица в английских и немецких словах, чем в русском языке аналогичной модели;

4) большая предрасположенность английских слов этой модели входить в состав сложных слов в качестве вторых компонентов, например, *shock-absorber – амортизатор*, немецкое: *Arbeitgeber – работодатель*.

Остановимся немного подробнее на каждом из этих моментов.

1. Важной особенностью английских и немецких образований *«глагол + er»* является их абсолютная или почти абсолютная продуктивность, т.е. возможность присоединения суффикса к любой глагольной основе.

2. Другой отличительной чертой анализируемых образований в английском и немецком языке является их большая семантическая емкость, чем соответствующих русских образований. Многозначность английских и немецких слов, образованных по модели *«глагол + -er»*, обусловлена двумя причинами. Главная причина – это многозначность самих производящих основ глагола. Часть существительных образуется от нескольких значений исходного глагола. Например, английский глагол *design* – составлять план, проектировать, рисовать, задумывать; *designer* – конструктор, проектировщик, чертежник, рисовальщик, модельер; *feed* – питать, подавать, нагнетать, снабжать. *Feeder* – питатель, подающий механизм, загрузочное устройство, подающий транспортер, дозатор [3; 451]. Немецкий глагол *malen* – рисовать писать (картину), разрисовывать, расписывать (краской), красить, раскрашивать, окрашивать. *Maler* – художник,

живописец, маляр [4]. Вторая причина многозначности состоит в том, что между названием действия, выраженного основой глагола и производным словом, могут устанавливаться разнообразные, гибкие, иногда странные смысловые ассоциации. Например, в английском языке слово *flyer* (все, что летает), в технической литературе означает «маховик, быстроходное судно». Слово *wind* (вентилировать, дуть) служит основой для образования термина *winder*, который в технической литературе означает «пружина, подъемная машина», а в художественной употребляется в значении «вьющееся растение». Говоря об этом слове в немецком языке, мы можем лишь констатировать его связь с погодным явлением в русском языке в значении «ветер», в данном языке присутствует слово *windig* - *ветренный* (о погоде).

Многозначность слов можно использовать для упражнений на понимание значения суффиксальных конструкций. В своей работе мы практикуем следующие упражнения:

I. Из данной дефиниции терминов вывести название машины или орудия труда, опираясь на значение глаголов. Например: *A machine which loads different materials is called a ... (loader)* Машина, которая нагружает различные материалы, называется погрузчиком [4; 91]. Что касается немецкого языка, то здесь необходима оговорка: мы можем формально перевести: *Die Maschine, die irgendwelche Materialien, heißt aufldt der Lader*. Однако для данной ситуации рассматриваемый тип словообразования не характерен, и в немецком языке утвердилось сложное слово *Lademaschine*. Однако мы должны достигать учебную цель в условиях катастрофической нехватки учебного времени с минимальными умственными затратами, и если мы ставим перед собой задачу прежде всего быть правильно понятыми на иностранном языке, то такое отступление от стилистических норм вполне обоснованно. Поэтому, если обучающийся вместо *Lademaschine* скажет *Lader*, то понимание не нарушится.

II. Соотнесите термины, представленные в левой колонке, с терминами, данными в правой колонке.

3. Третьей отличительной особенностью английских и немецких слов, образованных по модели «глагол + *-er*», является их способность совмещать значения лица, механизма, нематериального агента. Следует отметить, что совмещение значений лица и не-лица наблюдается и в аналогичных русских названиях, имеющих суффикс «*-тель*». Например: *ускоритель (прибор, вещество), держатель (лицо, прибор)*.

4. Четвертая особенность английских и немецких слов, образованных по модели «глагол + *-er*», – это их предрасположенность к участию в составе сложных слов. В английском языке наиболее продуктивными являются слова *producer, maker, bearer*. Например: *Mass-producer (массовый производитель); tool-maker (инструментальный завод, слесарь инструментальщик)*.

В немецком языке нам не удалось найти подобных примеров.

Что касается русского языка, то здесь сложные слова со вторым отглагольным существительным встречаются реже. Но следует отметить, что в русском языке имеется большое количество сложных слов, в которых второй компонент представлен усеченным корнем с глагольным значением «*вед*» (*естествовед, языковед и др.*). В английском и немецком языках им соответствуют слова с суффиксом «*ist*» (*Naturalist, Linguist*). Следует подчеркнуть, что такие окончания в немецком языке получили название полусуффиксы, в которых лексическая связь с производной основой ослаблена, но еще просматривается. Однако ее формализация как грамматического явления осложнена стилистическими нормами и в данной статье не рассматривается.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что сопоставление даже одной английской или немецкой словообразовательной модели с их русскими эквивалентами затрагивает различные уровни языка и уходит корнями в специфические свойства языков,

в их систему, лингвистические принципы их взаимной дополняемости и возможностей перевода. В методической практике это необходимо, прежде всего, для «предпереводческой подготовки учащегося, которая охватывает в том числе формирование грамматических навыков и умений, необходимых не только для перевода, но и для комплексной интерпретации текста и его перевода как «особого» вида профессиональной деятельности. Представление о стратегии перевода призвано дать ответ на вопрос, какие действия, в каком порядке и почему должен совершать переводчик для эффективного достижения результата ...» [6; 97].

Библиографический список

1. Мешков О.Д. Английские существительные с суффиксом –er и их русские эквиваленты. Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. – М.: Наука, 1992. – 342 с.
2. Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. – М.: «РЯ», 1979. – 536 с.
3. Большой англо-русский политехнический словарь в 2-х томах. – М.: «Русский язык», 1991.
4. Большой немецко-русский словарь в 2-х томах. – М.: «Советская энциклопедия», 1969.
5. Кочнева М.Г. Строительные и дорожные машины // Учебное пособие по английскому языку для технических вузов. – Воронеж, 2011. – 128 с.
6. Беляева Т.Н. Концепция университетского курса практического перевода. Вестник Московского университета, серия 19. – М., 2011. -103 с.

References

1. Meshkov O.D. English Nouns with the Suffix –er and their Russian Equivalents. Teaching Foreign Languages and their Linguistic Bases. – M.: Nauka, 1992. – 342 p.
2. Stepanova M.D. Dictionary of Word-Forming Elements of the German Language. – M. – RL., -1979. – 536 p.
3. The Comprehensive English-Russian Scientific and Technical Dictionary. In two volumes. M.: «Russky Yazyk», 1991.
4. The Comprehensive German-Russian Dictionary. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969.
5. Kochneva M.G. Road-building and Construction Machines // English Textbook for Technical Higher Institutions. –Voronezh, 2011. -127 p.
6. Belyaeva T.N. Conception of the University Course for Practical Translation. Issue of Moscow University, Series 19. – M., 2011. –103 p.

УДК 802.0+803.0

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка Листрова-Правда
Ю.Т.*

*аспирант кафедры русского языка Садик Гу-
мер Аббоуд*

*аспирант кафедры русского языка Хуссаин
Тума М.*

Тел. + 79515626887

E-mail: adnanhabe4@yahoo.com

Voronezh state university

The chair of Russian language

D-r of philological sciences, professor

Listrova-Pravda J.T.,

*post-graduate student of the chair of Russian
language Sadik Humer Abboud,*

*post-graduate student of the chair of Russian
language Hussain Tuma M.*

Тел. + 79515626887

E-mail: adnanhabe4@yahoo.com

**Ю.Т. Листрова-Правда,
Садик Гумер Аббоуд, Хуссаин Тума М.**

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА СО СЛОВОМ «ЯЗЫК» НА ФОНЕ АРАБСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В настоящей статье рассматриваются русские фразеологизмы, имеющие прототипом «язык» в значении «орган человека, участвующий в образовании звуковой речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи» [3]. Эти фразеологизмы распределены по десяти подгруппам на основе сходства значений.

Ключевые слова: русский язык, арабский язык, фразеологизмы.

J.T. Listrova-Pravda, Sadik Humer Abboud, Hussain Tuma M.

RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS CONTAINING THE WORD «TOUNGE» ON THE BACKGROUND OF ARABIC PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS

The article concerns Russian phraseological expressions containing the word «tounge» as the organ of speech. These expressions form ten groups based on semantic similarity.

Key words: Russian language, Arabic language, phraseological expressions.

Русские фразеологизмы и афоризмы среди номинативных единиц русского языка, обладающих национально-культурной спецификой значения, занимают особое место, определяемое их большой коммуникативной и информативной значимостью в различных функционально-речевых стилях языка, а также тесной связью с историей русского народа, его культурой. То же можно сказать и об арабских фразеологизмах и афоризмах, об их связи с историей и культурой арабского народа.

Русские фразеологизмы и афоризмы изучали многие лингвисты (В. В. Виноградов, В. Л. Архангельский, С. И. Ройзензон, Н. М. Шанский, Н. Ф. Алиференко, Л. А. Войкова, В. Н. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров, Ю. Г. Ханкевич, В. П. Аникин, Ю. Э. Брегель, В. Т. Шкляр, З. Д. Попова, М. М. Копыленко, В. Н. Телия и др.). Однако русские фразеологизмы и афоризмы, включающие слово «язык», на фоне соотносительных по смыслу арабских языковых единиц еще не были предметом изучения.

В настоящей статье представлен фрагмент нашего исследования, в котором рассмотрены русские фразеологизмы на фоне арабских. Источником языкового материала в нашей статье послужили данные толковых и фразеологических словарей русского и арабского языков, а также двуязычных русско-арабских и арабско-русских словарей.

Классическая форма литературного арабского языка начала складываться в V—VI вв. в доисламской поэзии и в VII в. в языке Корана, т.е. несколько ранее, чем сформировался литературный язык на Руси. Рассмотрение русских фразеологизмов на фоне соотносительных по значению арабских представляет большой интерес, так как русский и арабский языки относятся к разным языковым семьям (индоевропейской и семитской), и имеется много различий в культурах и историческом пути русского и арабского народов.

Анализ русских фразеологизмов со словом «язык» показал, что все они в настоящее время имеют идиоматическое значение, дословно не переводятся на другие языки, однако внимательный анализ дает возможность установить, что основная их часть образовалась когда-то, как и в арабском языке, со словом «язык» не во всех его значениях, свойственных этому слову в русском и арабском языках (этих значений более десяти), но только в трех.

В настоящей статье рассматриваются русские фразеологизмы, имеющие прототипом «язык» в значении «орган человека, участвующий в образовании звуковой речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи» [3]. Эти фразеологизмы можно распределить по десяти подгруппам на основе сходства значений. При характеристике фразеологизмов мы опираемся на работу Н. М. Шанского.

Первая подгруппа состоит из следующих четырех фразеологизмов.

ПРОСИТСЯ на язык. Очень хочется сказать. *В уме так и вертится какая-то знакомая фамилия, которая сама просилась на язык (Мамин-Сибиряк)* [4]. О сильном желании сказать что-либо припомнившееся, интересное и т.п. *Мозг шахтера пожаром охватили прежние видения, на язык просились слова забытых песен* [3].

Синонимами этого фразеологизма являются фразеологизмы: Вертится на языке (у кого-либо). 1. Очень хочется сказать, спросить и т.п. *Порядочный роман! ...что-то очень... у меня на языке вертелось вставить...* 2. Никак не вспомнится, о тщетном усилии вспомнить момент. Ср. вертится в голове [9]. 1. Что-то знакомое, хорошо известное, но забытое в данный момент. *Фамилия вертелась у него на языке, как это иногда случается...* 2. О большом желании сказать то, о чем нельзя говорить по каким-либо обстоятельствам. *Табельщик судорожно передвинул ногу. На языке у него вертелось нечто дерзкое и наглое (Фед)*.

Язык чешется (разг.) - есть желание, хочется сказать, высказаться [3]; кто-либо не может удержаться, утерпеть, чтобы не заговорить, не сказать что-либо. ... *у меня давно язык чешется, да что-то грудь болит и народу много...* [9];

Язык свербит (у кого), прост., шутил. Кто-либо испытывает сильное желание сказать что-либо; язык чешется (у кого). *Марья Ильинична сидела как на иголках; язык у нее так и свербел...* [8].

Таким образом, первая подгруппа включает четыре фразеологических синонима (*просится на язык, вертится на языке, язык чешется, язык свербит*), два из которых (*язык чешется* и *язык свербит*) являются синонимами-дублетами, так как построены по одной схеме и различаются лишь компонентами с одним и тем же значением (*чешется, свербит*).

Вторая подгруппа включает фразеологизмы, также являющиеся синонимами:

Прикусить (закусить) язык. Замолчать; воздержаться от высказывания [9]; разг. Внезапно замолчать, испугавшись чего-либо. *Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык (Пушкин)* [3];

Придерживать (придержать), удерживать (удержать) язык (язычок). Воздерживаться от высказывания. Поменьше болтать, говорить, рассказывать; помалкивать. *Ты, Марфуша, — придержи язык. Я те врать не позволю (М. Горький)* [9];

Укоротить язык (КОМУ), прост. 1. Заставить кого-либо поменьше болтать, разговаривать, быть менее дерзким. ...*Не скоро моя сухость и холодность укоротили его неумолкаемый язык (С. Аксаков)*. 2. Только в форме укороти язык. Замолчи. ...*Ну, ну, укороти язык! — крикнул Юзеф (И. Островский)* [9].

В сборнике пословиц В. Даля даны поговорки, синонимичные приведенным выше трем фразеологизмам: Загороди рот запором, заставь заставкой! Держи язык короче!

Другая структура объединяет следующие два фразеологических синонима: Держать язык за зубами. Молчать, не болтать, не говорить лишнее; быть осторожным в высказываниях. Ср. Держать язык на привязи. *Аристарх Федорович ясно видел, что купцы, подрядчики и офицеры, которым строго предписано было держать язык за зубами...* [9];

Держать язык на привязи. Молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях. *И ты, душа, держи язык на привязи (П.)* [9].

Отличается от них структурой и оттенком значения фразеологизм-синоним: Наступать (наступить) на язык (КОМУ), прост. Заставить молчать. *Поговори-ка у меня ишо! Поговори! Наступлю вот на язык. Демка покосился на любиишкинскую плеть...* (Шол.) [9].

Таким образом, вторая подгруппа русских фразеологизмов представляет собой синонимический ряд, состоящий из восьми фразеологизмов, объединенных значением «воздерживаться от высказываний, молчать».

Что же касается арабского языка, то в нем фразеологизмам данной подгруппы соответствуют три фразеологизма:

1. Прикусить язык.
2. Укоротить язык.
3. Держать язык.

Третья подгруппа многочисленна, она включает фразеологизмы:

Язык без костей (у кого). Кто-либо очень болтлив, любит поговорить, болтать много всякого вздора, глупостей. *Вот язык-то у тебя без костей; так и болтает, так и болтает (Островский)* [9];

Длинный язык. 1. Болтливость, неумение сдерживаться в разговоре. *Все побаивались его длинного языка (Куприн)*. 2. Кто-либо очень болтлив, говорит много лишнего. *А у Липатьевны язык был очень длинный* [9];

Слаб на язык, прост. Чересчур болтлив. *Родной брат будет Петру-то Елисеичу... — шепнула на ухо Катре слабая на язык Дамнушка* [9]. О болтливом человеке, не умеющего хранить чужие тайны. *Санька мягок, слаб на язык и не умолчит* [3];

Распускать (распустить) язык, прост. Позволить себе говорить лишнее. Ср. Давать волю языку — *...болтать не станешь?— Будь надежен! — То-то. Помолчишь — спасибо скажу, распустишь язык — вредить буду (М. Горький)* [9];

Давать волю языку (дать волю языку). Позволить говорить лишнее. Ср. Распустить язык. *...вероятно, чтоб он не слишком давал волю языку* [9];

Язык развязывается (у кого). Кто-либо начинает много говорить, становится болтливым. *Когда бутылка шампанского была осушена, язык у Лабуле развязался и он пустился в откровенности (Салтыков-Щедрин)* [9].

Указанные выше фразеологизмы третьей подгруппы имеют общее: обозначают людей болтливых, несдержанных на язык.

В арабском языке этим фразеологизмам соответствуют: 1. Слабый на язык (слаб на язык). 2. Длинный язык. 3. Болтливый язык.

Фразеологизмы четвертой подгруппы таковы:

Точить лясы (балясы), прост. Заниматься пустой болтовней, пустословием. *...на деревенскую бабу с мешком и начинаешь ей точить лясы* [9].

Пустые (досужие, праздные) языки, прост., предосуд. О тех, кто занимается пустыми разговорами, сплетнями, пересудами. *...Мало ль чего ни мелют пустые языки! (Мельников-Печерский)* [8].

Точить (свой) язык (языки), прост., экспресс. 1. Заниматься пустой болтовней, пустословить: точить лясы. *Зачем же терять слова и попусту точить лясы?* 2. Изощряться в злословии по чему-либо одному. *Пусть она кричит, как хочет, пусть язык, как бритву точит...* [8].

Язык (языком) трепать (молоть, чесать, мозолить). Заниматься пустой болтовней, пустословить [3]. прост. Говорить зря, попусту, пустословить. *Да перестаньте, вы, тетка, язык трепать* [8]. Сплетничать, судачить, злословить о чем-либо [9].

Другие синонимы этого ряда:

Бить (стучать, колотить и т.п.) языком, прост. Зря, впустую о чем-либо говорить. — *Если хочешь с нами, так вставай, напяливай свои штанишки, а мне нечего с тобой языком стучать* [3].

В сборнике пословиц В. Даля помещены поговорки, близкие по значению указанным выше фразеологизмам: Рот нараспашку, язык на плечо (о том, кто болтает). Язык вперед ума рыщет (о человеке, кто болтает пустое). Слово по слову что на лопате подает (любит много говорить). Верти языком, что корова хвостом (что качадыком), (т.е. болтай, говори, что хочешь) (ирония).

Фразеологизмы — синонимы указанной четвертой подгруппы имеют общий смысл «вести пустые разговоры, сплетничать».

В арабском языке этим фразеологизмам соответствует: Бросать слова на ветер.

Фразеологизмы **пятой** подгруппы — это фразеологизмы, характеризующие мысли, характер человека, отраженные в его речи:

Злой язык. 1. Манера, способность остро, резко, насмешливо говорить, судить о ком-либо или о чем-либо. *Его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние... (Пушкин)*. 2. (у кого) Кто-либо очень зло, саркастически, иронически и т.п. говорит, судит о ком-либо или о чем-либо. *У него был злой язык, под вывеской его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком (Лермонтов)* [9]. Вариант этого фразеологизма: злой на язык. Склонен к злым суждениям.

Острый язык (язычок) (у кого). Кто-либо остроумен, язвитель в разговоре. *Вероятно, побаивается — у нее тоже острый язычок (В. Добровольский)* [9]. Вариантом этого фразеологизма можно считать и остер на язык. Остроумен, язвитель [9].

Злые языки. Любители пересудов, сплетники, клеветники. *Злые языки поговаривали, что во время отъезда мадам...* [9].

В сборнике пословиц и поговорок В. Даля также есть их синонимы: Он зубаст. Он остер на язык. У него язык как бритва.

В арабском языке указанные фразеологизмы имеют соответствия: Резкий, острый на язык. Язык — напильник, бритва. Ядовитый язык. Лживый язык. Грязный язык. Злой язык. Злые языки. В арабском языке помимо названных выше есть и фразеологизм сладкий (медовый) язык, не имеющий в русском языке соответствующего устойчивого выражения.

Следующая, **шестая**, подгруппа включает фразеологизмы, характеризующие разную степень владения языком (речью).

Язык ХОРОШО (неплохо) подвешен (привешен) (у кого). Кто-нибудь умеет свободно, гладко говорить. *Неплохо был подвешен язык у этой женщины (Ю. Ланчев)* [9]. Его антоним: Язык плохо подвешен (у кого). Кто-нибудь не умеет свободно, гладко говорить. *...язык у них подвешен хуже, но отлично понимают остроты и намеки (М. Задорнов)* [9];

Боек на язык (на слова). Находчив в разговоре, красноречив. *Возня с хозяйством обратила ее в вечно движущуюся и бойкую на язык женщину (Гончаров)* [9].

Язык заплетается (у кого). Кто-либо не может ясно сказать что-либо. *Стали заплетаться языки (Чехов)* [9].

Как видим, отмечено несколько фразеологизмов, отразивших хорошее владение языком, и два фразеологизма, обозначающих плохое владение языком.

В седьмую подгруппу входят фразеологизмы-синонимы, имеющие значение «становиться предметом разговора»:

На языке (у кого-либо). Что-либо постоянно повторяется, обсуждается и т.п. кем-либо. *В те времена он постоянно был у всех на языке (В. Стасов)* [9].

Попадать на язык (кому, к кому). Попасть (попасться) на язык (язычок) кому, к кому. Становиться предметом разговора, обсуждения, пересудов. *Я бы лучше пожевала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок (Лерм.)* [9];

Не сходить с языка (с уст). Беспреданно произноситься, упоминаться в разговоре. ...»*Вы, как умный человек, тотчас со мною согласитесь*», - не сходили у него с языка (Тургенев) [9];

Пойти по языкам, уст. Получить широкую огласку, стать предметом сплетен. *Не хочу, чтоб этакая мерзость положения моего пошла по языкам* (Дост. Письма жене 18 мая 1867) [3];

Притча во языцех. Предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п. *Не хочу, чтоб кто-нибудь из нашего родства был притчей во языцех* (П. Невежин) [9]. *Этот человек стал притчей во языцех* [4].

Из уст в уста. От одного человека к другому (передавать, передаваться и т.п.) О слухах, разговорах, новостях и т.п. *Слова его передавались из уст в уста* (Арсеньев) [9]

В арабском языке соответствующие фразеологизмы: Попадать на язык. Из уст в уста. У всех на устах.

Восьмая подгруппа включает фразеологизмы со значением «непреднамеренно поступить, неожиданно сказать что-либо»:

Черт дернул меня за язык (тебя, его, ее, нас, вас, их), прост. Неизвестно зачем, по какой надобности нужно было мне, тебе и т.п. говорить (делать что-либо). Выражение крайнего неудовольствия, сожаления и т.п. по поводу чего-либо сделанного, совершенного, о чем-либо необдуманном, некстати, не вовремя сказанном. *Потом он промолвил, несколько подумав: — «Да, жаль беднягу... черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!»* (Лермонтов) [9]. Зря, неуместно сказал что-либо. *Черт меня дернул за язык. Зачем я буду отнимать у генерала время историями из своей жизни, а его на ту пору словно враг дернул за язык...* [3];

Срывать с языка. Сорваться с языка. Невольно, неожиданно, вдруг быть произнесенным. О слове, выражении и т.п. ...*как бы испугавшись слов, сорвавшихся у него с языка* (Тургенев) [9];

Тянуть за язык (кого). Вынудить что-либо сказать, ответить, высказаться и т.п. *Не свои передаю, не тянула Федуловну за язык!* (В. Катаев) [9].

Приходит на язык (кому). Непроизвольно, независимо от воли говорящего произносится. *А виновата ль я, что поминутно, — но мне на язык приходит это имя?* (Пушкин) {Мол.}

В арабском языке фразеологизмам соответствует: Тянуть за язык. Срывать с языка.

Девятая подгруппа включает фразеологизмы, обозначающие невозможность говорить: Лишаться (лишиться) языка. Утрачивать способность говорить, произносить слова [3]; прост., экспресс. 1. Утрачивать дар речи под влиянием сильных переживаний (страха, испуга и т.п.). *Не ноне, так завтра — так дойму, что навек языка лишиться!* *Жена у меня немая... как родила второго ребенка... мертвого, так с тех пор и лишилась языка.* 2. Будучи рассерженным на кого-либо, испытывая обиду, не разговаривать, молчать. *Наталья будто языка лишилась* [8]. Вариант этого фразеологизма — Без языка. Утративший навсегда или на время способность говорить, произносить слова. — *Вчера еще с утра на ногах, вечером только пить попросил, ...а сегодня утром уж и без языка, лежит, как пласт* (Турген.) [6].

ПРОГЛОТИТЬ ЯЗЫК. 1. Замолчать, перестать говорить, болтать и т.п. ... *приникнет лбом к его плечу и скажет: «Ну, хватит, я проглотила язык»* (Ю. Крылов) [9];

Язык ПРИЛИП (ПРИСОХ) к гортани (у кого). Кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха и т.п.; кто-либо потерял вдруг способность говорить. ...*тут у старика язык присох к гортани* (Писемский) [9];

Отсохни (у меня) язык, прост. Клятвенное заверение в том, что сказанное мною — правда или что я поступлю, сделаю и т.п. так, как говорю. *(Людосья Максимовна) Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку!* (Островский) [9];

ТИПУН тебе на язык (ему, ей, вам, им). Недоброе пожелание тому, кто говорит не то, что следует. — *Что вы! Бог с вами: Типун бы вам на язык* (Гончаров). [9];

Язык отнялся (у кого), разг., экспресс. Кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха и т.п.; потерял вдруг способность говорить. *Петров растерянно стоял на снегу, не зная, кланяться, благодарить как? У него вроде отнялся язык, и он ничего не мог вымолвить, не находил нужных слов* (В. Быков) [8];

Слова не идут с языка. Не хватает решимости сказать что-либо. ...об этой несчастной крыше, но слова не шли у него с языка (Н. Тихонов) [9]. У этого фразеологизма есть вариант. Слова не идут на язык (у кого), прост., экспресс. У кого-либо не хватает решимости, умения сказать что-либо. А пока эти слова почему-то не идут на язык, застревают в горле (С. Шуртаков) [3];

Язык не поворачивается (не повертывается) (у кого). Язык не повернулся (не повернулся) (у кого). Кто-либо не решается, боится, стесняется (сказать, спросить и т.п.) ...у меня язык не поворачивается предложить ему такую глупость [9].

Антонимом можно считать: Язык повернулся (повернется) (у кого), разг., неод. Кто-либо решился, осмелился сказать что-либо неприличное, злое, клеветническое и т.п. ... если у кого-нибудь из них повернется язык выругаться при родителях, старших братьях и сестрах, их так оттягают за уши, что будь здоров (Брейтуэйт) [8].

В арабском языке фразеологизмам девятой группы соответствуют: Отсохни язык. Лишиться языка. Слова не идут на язык. У него язык онемел. Без языка. Как будто у него язык отрезали.

Десятая подгруппа включает фразеологизмы, обозначающие стиль речи, способ выражения мысли.

Ломаный язык. Неправильный, исковерканный язык [3].

Суконный язык. Невыразительный, бледный, шаблонный язык [3].

Эзоповский (эзопов) язык, книжн. Иносказательный, изобилующий недомолвками, приемами речи для того, чтобы скрыть подлинные мысли [5]. Иносказательное выражение мыслей. ...вся директива писана на каком-то эзоповском языке (Сергеев-Успенский) [9].

Язык сломаешь. Очень трудный для произношения. О словах, фразах и т.п. [9].

В арабском языке соответствующие им фразеологизмы: Бледный язык. Туманный язык. Ломаный язык.

Таким образом, многие русские фразеологизмы, включающие слово «язык», образуют довольно обширные синонимические ряды. Большая часть фразеологизмов являются стилистически нейтральными или разговорными с разнообразной экспрессивно-оценочной окраской. Отмечены просторечные и отдельные устаревшие фразеологизмы.

Многие русские фразеологизмы имеют соответствующие по смыслу арабские языковые единицы, хотя не все из последних включают слово «язык».

Сопоставительное изучение фразеологии русского и арабского языков — новая страница в лингвистических исследованиях. Между русским и арабским народами уже в глубокой древности были исторические связи. Как отметил В. П. Аникин в книге «Мудрость народов», купцы везли с Востока в славянские города не только имбирь и расшитые ковры, здесь знали цену и рукописям.

Далеко не ко всем русским фразеологизмам были подобраны соотносительные по смыслу арабские единицы, — возможно, из-за малого количества арабских фразеологизмов, бывших в нашем распоряжении.

Библиографический список

1. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. - 210 с.
2. Аникин В. П. Мудрость народов и поговорки народов Востока. М., 1961. - 420 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998. - 1536 с.
4. Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. М., 1990. — 797 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. - 794 с.
6. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А. С. Ковтуна, В. П. Петушкова. М.; Л., 1965. — 2126 с.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. - 1471 с.

8. Фразеологический словарь русского литературного языка XVIII—XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. М., 1985. — 436 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987. — 543 с.

References

1. Shansky N.M. Lexical studies of modern Russian language. – M., 1964. - 210 p.
2. Anikin V.P. The wisdom of folks and oriental proverbs. – M., 1961. - 420 p.
3. Kouznetsov S.A. Modern explanatory dictionary of Russian language. – SPb.: 1998. – 1536 p.
4. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. – M.: 1990. – 797 p.
5. A.P. Eugenieva. Dictionary of Russian language in 4 vol. – M., 1981. - 794 p.
6. A.S. Kovtun, V.P. Petushkova. The dictionary of modern Russian literary language. – M. – L.: 1965. – 2126 p.
7. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of Russian language. – M., 1940. - 1471 p.
8. A.I. Fyodorov. Phraseological dictionary of Russian literary language of XVIII—XX cent. – M., 1985. — 436 p.
9. Molotkov A.I. Phraseological dictionary of Russian language. – M., 1987. — 543 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 802/809:378.6.022

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, doctor of philological sciences, professor Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48*

Л.В. Ковалева

КОНЦЕПТЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ МИРА

В статье рассматриваются фразеосочетания разных языковых картин мира. Делается вывод о том, что разница на семантическом уровне фразеосочетаний заключается в разном наборе образов, связанных с национальными особенностями реалий, и в этом плане многие фразеосочетания имеют разный набор лексем, но их объединяет смысл, заложенный в них, логическая форма их содержания одинакова.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, фразеологические системы, языковая картина мира.

L.V. Kovaleva

CONCEPTS AND THEIR REPRESENTATION IN PHRASEOLOGICAL SYSTEMS OF DIFFERENT LANGUAGES

The article concerns phraseological expressions of different language pictures of the world. The author concludes that semantic difference between the expressions lies in different images and lexemes which are connected with national peculiarities but express the same meaning.

Key words: concept, representation, phraseological systems, language pictures of the world.

В результате взаимодействия людей с окружающей действительностью с давних пор складываются представления о мире. Познавая мир, человек трансформирует его в определенные концепты, которые понимаются как глобальные мыслительные единицы, представляющие собой квант структурированного знания.

Концепты - это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами; из языкового общения. [1].

Наблюдая явления окружающей среды, человек выделяет природные явления. В сознании людей запечатлены их свойства, особенности и воздействие на человеческую жизнь. Через восприятие и осмысление природных явлений создавались различного рода концепты. Так как реальность многогранна и неоднородна, то у разных народов отражение мира происходит своеобразно, связанное с местными культурными особенностями каждого народа.

В.Гумбольдт считал, что язык является не только средством выражения познанной действительности, но и средством познания, поэтому различия в языках, как он полагал, есть различия прежде всего в мыслях, мировоззрении народов. В.Гумбольдт отмечал, что "среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны [2].

Поэтому семантическое пространство конкретного языка всегда обусловлено национальным видением мира и играет большую роль в процессе познания.

А.Мейе также полагал, что «нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке» [3].

Становление и развитие современных когнитивных исследований позволяет перейти к изучению фразеосочетаний с новых позиций, рассмотреть их не только как источник национально-культурной информации, но и как источник для понимания когнитивных процессов, обеспечивающих общение.

Такой вид анализа позволяет выявить специфику фразеологических концептов разных языков, а также универсальные пути их образования.

Отличительной чертой лингвистических исследований в когнитивной семантике является культурологическая ориентация. По словам Ю.С.Степанова, у культурного концепта сложная структура. «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятий; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры» [4]. Поэтому предпринимаются попытки изучения фразеологического концепта как единицы, содержащей опыт и миропонимание данного народа. Исследование фразеосочетаний как единиц языка, отражающих реалии, типичные для определенной страны и народа - носителя языка и не свойственные другой лингвокультурной общности, требует тщательного рассмотрения в русле такого подхода как сопоставительное описание материала разных языков с целью выявления специфичности или универсальности в той или иной языковой системе.

Рассмотрим на примерах, как объективируются концепты в разных языковых культурах. Возьмем для рассмотрения концепты: «конечность – бесконечность», «счастье – несчастье», «везение – невезение», «дружба – вражда», «зрелость – молодость».

Рассматривая устойчивые словосочетания разных народов, выясняется, что разница на семантическом уровне рассматриваемых фразеологизмов заключается в разном наборе образов, связанных с национальными особенностями реалий, и в этом плане все фразеосочетания разные, но их объединяет смысл, заложенный в них, логическая форма их содержания абсолютна одинакова. Например, концепт «конечность (все ограничено, нет ничего, что было бы безграничным, таким образом, есть предел, за который переход невозможен) – бесконечность (ничто не ограничено, все можно превзойти)».

Конечность

Бесконечность

Сколько веревочке не виться,
а концу быть (рус.)

Нет предела совершенству (рус.)

Курица взлетает лишь до насеста
(арм.)

Не рождена граница искусства(егип).

После бури наступает затишье(англ.)
Ходить по кругу (топтать на месте)
(нем.)

Это выше короны (переходит все
границы) (нем.)

Мир забит досками (здесь тупик) (нем.)

пройти через самую высокую гору
(преодолеть все препятствия) (нем.)

Сколько бы глаз не поднимался, выше
бровей не поднимется (арм.)

жизнью еще никто не насытился
(осет.)

Примеры показывают, как различаются по семантике фразеологизмы в анализируемых языках. Конечность русские связывают с предметом труда (веревка), армяне – с домашними птицами, англичане – с природными стихиями; бесконечность – это более абстрактное представление, связанное у русских, египтян и осетин с философскими понятиями: искусство, совершенство, жизнь. У немцев – с географическими реалиями (гора) и государственной символикой – корона. В Германии считалось, что тот, кто носит корону, является представителем высшей власти.

Рассмотрим теперь концепт «счастье – несчастье». Счастье – это чувство и состояние полного удовлетворения; успех, удача. (Ожегов) Счастье всегда представляется человеку как большое приобретение судьбы, как большая ценность. Каждый человек понимает счастье по-своему. Поэтому в разных языках понятие счастья реализуется в разных образах. Несчастье противопоставляется счастью и характеризуется как неблагоприятное положение, тяжелое жизненное обстоятельство, горестное событие.

Счастье	Несчастье
Hans im Glück (Ганс в счастье) счастливчик	ein elendes Kraut (убогая, плохая трава) несчастный
У счастливого и бычок отелится (груз.)	Несчастливого и собственная собака кусает (азерб.)
У счастливого и скалы зеленью покрываются (армян.)	Неудачнику и в требухе кость попадается (араб.)
Всяк своего счастья кузнец (рус.)	У несчастного и конь в конюшне ослом обернется (перс.)
Счастье и сонного найдет (рус.)	Если не везет, и на суше утонешь (индон.)
	Двадцать два несчастья (рус.)

Из примеров видно, что как народы по-разному понимают счастье, которое может быть связано с необычными явлениями, то есть счастье как дар божественный: бычок вдруг отелится, скалы зеленью покроются, сонного счастье найдет, у русских понятие счастья связано также с трудом (всяк своего счастья кузнец). Несчастье также понимается разными народами по-своему, однако так же, как и счастье, связано с необычными явлениями, так как можно констатировать, что эти концепты близки к концептам «везение-невезение».

Рассмотрим теперь концепт Зрелость – молодость.

Часто говорят о житейском уме, который приобретается в результате жизненного опыта. Оценка человека во фразеологизмах очень интересная тема. Почти у всех народов замечено, что зрелость есть мудрость, то есть человек, приобретший жизненный опыт, человек, которого очень трудно обмануть, провести. Образная основа в разных языках разная. Это могут быть животные или птицы, еще какие-нибудь особенности. Например, характеризовать человека можно стреляный воробей или травленный волк. В произведении Горького «Челкаш» автор называет, одного из своих героев, Челкаша, старым травленным волком. «Когда грузчики, бросив работать, рассыпались по гавани шумными группами..., - появился Гришка Челкаш, старый травленный волк, хорошо знакомый гаванскому люду, заядлый пьяница и ловкий, смелый вор». Характеристика данного героя подобрана очень удачно: содержит она благодаря лексеме волк не только указание на богатый жизненный опыт человека, здесь указано и на такие качества, как сила, смелость, жестокость, то есть на то, что присуще волку. Немцы, например, называют умного, умудренного опытом человека – alter Hase, то есть старый заяц. Вспомним русское выражение «стреляный воробей». Однако далеко не все

фразеологизмы, характеризующие жизненный опыт, имеют в своей образной основе сравнение с животными или птицами. В русском языке есть фразеологизм «тертый калач». Это связано с выпечкой сдобных изделий. Раньше в России пекли, например, калачи из крутого, долго мятого и тертого теста. По этому поводу существует поговорка «Не терт, не мят, не будет калач». Этот фразеологизм получил значение: преодоление чего-либо, жизненные невзгоды, беды учат человека, помогают приобрести жизненный опыт. Отсюда и пошел фразеологизм, тертый калач очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек. Выражение это чисто русское.

Не менее интересен и немецкий фразеологизм «es faustdick hinter den Ohren haben» (букв, иметь толщину с кулак за ухом), употребляемый для оценки жизненного опыта человека, его хитрости, ловкости, расчетливости. Дословный перевод не понятен: что именно у человека может быть за ушами? Оказывается, в давние времена немцы считали, что в разных частях головы у человека располагаются и разные виды ума. Хитрость, лукавство, плутовство спрятаны у человека где-то за ушами. И если уж у кого-то за ушами накопилось ума величиной с кулак (faustdick) или больше, то он большой умница. Рассмотрим устойчивые словосочетания других народов:

Зрелость (опытность)

Молодость (неопытность)

Старый конь не собьется с дороги
(азерб.)

Гни дерево пока оно молодо (яп.)

Старая собака может поросенка
поймать (абхаз.)

Ветка гнется, пока молода, вырастет
не согнешь (груз.)

Старая кость крепка (осет.)

молодо-зелено (рус.)

Старая лисица не попадет в капкан
(азерб.)

Старый волк по два барана тащит (осет.)

Таким образом, примеры показывают, что фразеологизмы связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Отличия в их образной основе объясняются их культурным своеобразием, несовпадением вторичной, то есть коннотативной номинации в разных языках. Поэтому изучение национально-культурной специфики фразеологизмов необходимо проводить, с одной стороны, в плане ее выражения, так как национально-культурный компонент – это входящая в состав фразеологизма в большинстве своем лексика, в которой содержится географическая, историческая и культурно-бытовая соотнесенность.

С другой стороны, раскрытие и описание национально-культурной специфики фразеологизмов тесно связано с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и путей его осознания, отраженных в языке. Все, что говорит человек, проходит когнитивную обработку – интерпретацию через систему этнолингвистической информации. Взгляд на мир осуществляется через знаки культуры, ее стереотипы, символы, устоявшихся эталонов: значение языкового знака тем самым соотносится с культурно-национальной системой мировосприятия, воплощенной в знаках культуры. Общий смысл разных ситуаций в реальном мире неодинаков для разных народов. Изучение фразеологизма вне национальной культуры, отражающей тот или иной фрагмент картины мира, невозможно без учета понимания свойств народов выделять и отражать данный фрагмент в языковом сознании носителей языка, специфику образного структурирования картины мира, которая запечатлена во фразеологизме.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2001. - С.69.

2. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. - С.8.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж., 2002.- С.4.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.- С. 41.

References

1. Humboldt V. Selected works on linguistics. – M., 2001.– P.69.
2. Meillet A. Comparative method in historical linguistics. – M., 1954. – P.8.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. Language and national picture of the world. – Voronezh, 2002. – P.4.
4. Stepanov J.S. Constants. Dictionary of Russian culture: the experience of research. – M., 1997.– P. 41.

УДК 801.3=82(045/046):26

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЕЛИКИЙ ПОСТ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И.С. ШМЕЛЕВА

В статье на основании сопоставления с общенациональной картиной мира анализируется специфика индивидуально-авторской картины мира И.С. Шмелева, рассматриваются когнитивные признаки концепта «Великий пост», актуализирующиеся в романе «Лето Господне», и способы лексической объективации данного концепта.

Ключевые слова: концепт, индивидуально-авторская картина мира, когнитивные признаки, православие.

N.B. Bugakova

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT «GREAT LENT» IN I.S. SHMELYOV'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

In the article the specificity of I.S. Shmelyov's individual language picture of the world is analysed and compared to the national one. The cognitive features of the concept «great Lent» in the novel «The year of God» and the ways of its verbalization are concerned.

Key words: concept, individual language picture of the world, cognitive features, Orthodoxy.

Задачей данного исследования является анализ способов актуализации концепта «Великий пост» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне».

«Лето Господне» И.С. Шмелева – подлинно русская книга, написанная коренным москвичом, воспитанным в традициях русской старины, и исполненная самобытности. Это произведение является своего рода пособием по изучению русского менталитета. «Все, что Шмелев показывает, – эти живые ... образы, эти символически – насыщенные внешние картины и духовно изнемогающие человеческие души – все это, объединяясь и достигая великой интенсивности, силится выговорить некую огромную страшную тайну» [2].

В произведении «Лето Господне» немало христианских образов и мотивов, а мысли и поступки персонажей контролируются глубоким религиозным чувством: «Без Господа не проживёшь». Вследствие этого данное произведение И.С. Шмелева содержит большое количество концептов, объективированных при помощи религиозной лексики.

Е.Б. Ляйрих считает, что без романа «Лето Господне» «было бы неполным представление о творчестве писателей русской эмиграции «первой волны» [3].

«Лето Господне» – церковный календарь, прочитанный и пережитый ребенком. В этом сказывается оригинальность творческого замысла автора. То, что церковный календарь весь состоит из праздников и дат религиозных обрядов, известно. Но «выстроить из цикла религиозных символов человеческую жизнь в движении мог догадаться лишь гениальный художник» [3].

Герой романа не изучает церковные ритуалы, он воспринимает святое как неотъемлемую часть быта.

Концепт «Великий пост» выбран был нами для анализа неслучайно. Именно с Великого поста начинает автор описание года православного человека – «Лета Господня».

Этимологические словари следующим образом объясняют появление в русском языке лексемы *пост*: «слово заимствовано из д.-в.-н. *fasto* «пост». Скорее это заимствование было осуществлено моравско-паннонскими славянами, чем южными из балкано-германских языков. Глагол *поститься*, возможно, тоже происходит из д.-в.-н. *fastan* «поститься», гот. (*sik*) *fastan*: д.-в.-н. *festi* «крепкий», но он мог также явиться деноминативным производным от слав. **postь*» [9].

В.И. Даль пишет о том, что пост – это «воздержание от скоромной пищи и от суетных наслаждений» [1].

В русском языке принято выделять следующие значения лексемы *пост*: 1) воздержание от определенной пищи и некоторые другие ограничения, установленные Церковью; 2) период, в который действуют эти правила [6].

В современной лексикографии у лексемы *пост* выделяют следующие значения: «пост. 1. Предписываемое церковными правилами воздержание от принятия (скоромной) пищи и другие ограничения по предписанию церкви. 2. Период времени, в который церковью предписывается такое воздержание. 3. *Перен.* Вообще – воздержание от чего-н. (разг. шутил.)» [5, 7].

С точки зрения православия, пост — это «время воздержания от пищи животного происхождения, а также от плотского сожительства» [4].

Мы не можем войти в праздник без усилия приготовления к нему. В этом главное назначение такого христианского установления, как пост [4]. Но пост – это не только смена пищи и воздержание. Настоящий пост, телесный и духовный, всегда является усилием, потому что это единственный способ снова стать открытым для Бога.

Согласно Святому Писанию, посты устанавливаются для того, чтобы человек мог прилежно молиться и вести благочестивый образ жизни. Целью и смыслом поста являются покаяние, очищение мыслей и чувств, усиленное молитвенное обращение к Богу. «Истинный Пост есть злых отчуждение...» – говорится в Писании.

Посты принято классифицировать по продолжительности, дате и интенсивности. Многодневных постов четыре: Великий (семь недель), Петровский, или Апостольский (от полутора до шести недель — в зависимости от дня Пасхи), Успенский (две недели), Рождественский, или Филиппов (около пяти недель). Успенский и Рождественский посты имеют по-

стоянную календарную дату, Великий и Петров посты отсчитываются от Пасхи. Каждому из постов предшествует заговение. Помимо многодневных постов, существуют однодневные — в среды и пятницы всего года, а также в дни некоторых праздников или накануне их.

Великий пост — важнейший из многодневных постов, установленный в память о сорокадневном посте Господа нашего Иисуса Христа в пустыне. Этот пост, продолжающийся семь недель, готовится к подобающей встрече Пасхи, по своей интенсивности является строгим и предполагает суровое воздержание и углубленную молитву.

Так как Великий пост предполагает строгое воздержание в пище, в понедельник и вторник первой недели Устав определяет полное неядение. В остальное время: с понедельника по пятницу включительно — сухоядение (хлеб, вода, овощи, фрукты), в субботу и воскресенье — горячая пища с растительным маслом. Рыба разрешается только на праздник Благовещения и в Вербное воскресенье.

Если нет возможности соблюдать пост в течение всего Великого поста, следует держать его, по крайней мере, в первую и последнюю недели, которые считаются самыми строгими, а в остальные дни обходиться без мяса. Однако посты такого рода являются неуставными; они допускаются по немощи, и только с благословения духовного отца.

Рассмотрим когнитивные признаки концепта **Великий пост**, актуализируемого лексемой *пост* и ее дериватами в произведении И.С. Шмелева.

«В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, - такая прелесть. Я хватаю щепотками - как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь *пост*» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который нельзя употреблять пищу животного происхождения».

«Горкин теперь ест без масла ... Сияние от него идет, от седенькой бородки, совсем серебряной, от расчесанной головы. ... Я знаю, что он засушил себе черных сухариков с солью и весь *пост* будет с ними пить чай – «за сахар» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который нельзя употреблять пищу животного происхождения».

«И почему все такие скучные? Ведь все - другое, и много, так много радостного. Сегодня привезут первый дел и начнут набивать подвалы, - весь двор завалят. Поедем на Постный рынок, где стон стоит, великий грибной рынок, где я никогда не был ... Я начинаю прыгать от радости, но меня останавливают:

- *Пост*, не смей! Погоди, вот сломаешь ногу.

Мне делается страшно» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который запрещено веселиться».

«Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом.

- Вставай, милок, не нежся ... - ласково говорит он мне, всовывая таз под полог. – Где она у тебя тут, масленица – жирнуха ... мы ее выгоним. Пришел *пост* – отгрызу у волка хвост» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который производился обряд по изгнанию Масленицы».

«Плотники, сходявшие в баню, отдыхают, починяют полушубки и армяки. У окошка Горкин читает Евангелие, кричит на всю мастерскую, как дьячок. По складам читает. Слушают молча и не курят: запрещено на весь *пост*, от Горкина; могут идти на двор» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который нельзя курить в доме».

Для актуализации концепта **Великий пост** автором используются лексемы *поститься*, *великопостный*, а также ФС *Великий пост*:

- *Поститься*:

«... Горкин вчера рассказывал: «Душу готовить надо». Говеть, *поститься*, к Светлому Дню готовиться» [10]; актуализируется когнитивный признак «ограничения в еде, установленные церковью».

«... Василь Василич смотрел и медленно, очень довольный чем-то, дожевывал огурец и хлеб.

- *Постишься, Вася?* – смеиваясь, говорит Горкин. – Ну-ка, покажи себя, лопаточкой-то ... блинчики-то повытрясем» [10]; актуализируется когнитивный признак «ограничения в еде, установленные церковью».

- *Великопостный*, т.е. относящийся к Великому посту:

«В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурными пятнышками – щербинками, - *великопостные*» [10]; актуализируется когнитивный признак «для него приготовленный».

«В храме как-то особенно пустынно, тихо. Свечи с паникадил убрали, сняли с икон венки и ленты: к Пасхе все будет новое. Канун и аналои одеты в черное. И ризы на престоле – *великопостные*, черное с серебром» [10]; актуализируется когнитивный признак «для него приготовленный».

«Полог с моей кровати сняли, когда я спал, - в доме большая стирка, *великопостная*, - окна без занавесок» [10]; актуализируется когнитивный признак «к нему особо готовятся».

- *ФС Великий пост*:

«Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня *Великий пост*. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате» [10]; актуализируется когнитивный признак «для него приготовленный».

«Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом. ... Незабвенный, священный запах. Это пахнет *Великий пост*» [10]; актуализируется когнитивный признак «имеет запах мяты и уксуса».

«В доме открыты форточки ... Шторы с окон убрали, и будет теперь по - бедному до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина – «Красавица на пиру» - закрыта простынею. Преосвященный так посоветовал» [10]; актуализируется когнитивный признак «к нему особо готовятся».

«Ковры убрали, можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно, *Великий пост*: раскатишься и сломаешь ногу» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, в который запрещено веселиться».

«Сам Муравлятников, борода в лопату, приподнимает сетку и дает мне вязочку горячих баранок.

- *С Великим постом*, кушайте, сударь, на здоровьице... самое наше постное угощение – бараночки-с» [10]; актуализируется когнитивный признак «период, с которым принято поздравлять».

«Молодцам поднесли по шкалику, и, разогревшись с работы, мокрые и от снега, и от пота, похрустывают они на воле крепкими, со льду, огурцами, белыми кругами редьки, залитой конопляным маслом, заедают ломтями хлеба, - словно снежком хрустят. Хоть и *Великий пост*, но и Горкин не говорит ни слова: так уж заведено...» [10]; актуализируется когнитивный признак «допустимо нарушение ограничений, установленных церковью, в соответствии с определенными традициями».

Итак, в концепте *Великий пост* по данным словарей выделяются следующие когнитивные признаки: «воздержание от определенной пищи и некоторые другие ограничения, установленные Церковью»; «период, в который действуют эти правила».

В анализируемом произведении актуализируются следующие когнитивные признаки концепта *Великий пост*: «период, в который нельзя употреблять пищу животного происхождения», «период, в который запрещено веселиться», «период, в который производился обряд по изгнанию Масленицы», «период, в который нельзя курить в доме», «ограничения в еде, установленные церковью», «для него приготовленный», «к нему особо готовятся», «имеет запах мяты и уксуса», «период, с которым принято поздравлять», «допустимо нару-

шение ограничений, установленных церковью, в соответствии с определенными традициями».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта *Великий пост* в языковой картине мира И.С. Шмелева являются следующие когнитивные признаки:

«период, в который производился обряд по изгнанию Масленицы», «период, в который нельзя курить в доме», «ограничения в еде, установленные церковью», «для него приготовленный», «к нему особо готовятся», «имеет запах мяты и уксуса», «период, с которым принято поздравлять», «допустимо нарушение ограничений, установленных церковью, в соответствии с определенными традициями».

Данные когнитивные признаки объективируются при помощи лексем *пост*, *поститься*, *великопостный* и ФС *Великий пост*.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Том 1. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2006. – 636 с.
2. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / И.А. Ильин // Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2007. – 464 с.
3. Ляйрих Е.Б. Роман И.С. Шмелева «Лето Господне» в контексте русской православной культуры / Е.Б. Ляйрих // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIV Международной научно-практической конференции (Бийск, 21 – 22 мая 2009 г.). – Бийск: БПГУ имени В.М. Шукшина, 2009. – с. 197 – 201.
4. Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 527 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 940 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Гл. ред. В.М. Чернышев. – М.: Л.: АН СССР, 1950 – 1965. - т. 10, с. 553.
7. Современный толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2007. – 959 с.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Альта – Принт», 2007. – 1239 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель: АСТ, 2007.
10. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана / И.С. Шмелев. – М.: Дрофа, 2003. – 540 с.

References

1. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live great Russian language. – Vol. 1. – М.: 2006. – 636p.
2. Ijin I.A. The essence and peculiarity of Russian culture. – М.: 2007. – 464 p.
3. Lyajrikh E.B. The novel «The year of God» by I.S. Shmelyov in the context of Russian orthodox culture// Fiction text: the ways of interpretation. – Bijsk, 2009. – P. 197 – 201.
4. N.S. Movleva. Minor orthodox explanatory dictionary. – М.: 2005. – 527 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.J. Explanatory dictionary of Russian language. – М.: 2003. – 940 p.
6. The dictionary of modern Russian literary language in 17 vol. – М. – L.: 1950 – 1965. - Vol. 10, p. 553.
7. Kouznetsov S.A. Modern explanatory dictionary of Russian language. – SPb.: 2007. – 959 p.

8. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of modern Russian language. – М.: 2007. – 1239 p.
9. Fasmer M. Ethimological dictionary of Russian language in 4 vol. – М.: 2007.
10. Shmelyov I.S. The year of God. A man from the restaurant. – М.: 2003. – 540 p.

УДК 801/3=82(045/046):22

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Суханова Т.В.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(473)271-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer Sukhanova T.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48

Т.В. Суханова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РАССКАЗАХ Т. ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой. Выявлены когнитивные признаки концепта «женщина» в анализируемых произведениях и описаны номинативные единицы, репрезентирующие данные признаки.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, женщина, лексема, мифологические существа.

T.V. Suhanova

THE NAMES OF MYTHOLOGICAL BEINGS USED FOR THE VERBALIZATION OF THE CONCEPT «WOMAN» IN T.TOLSTAYA»S STORIES

The article concerns some tendencies of representing the concept «woman» in T.Tolstaya»s stories. The cognitive features of the given concept are revealed, the lexemes representing these features are described.

Key words: concept, cognitive features, woman, lexeme, mythological beings.

На формирование стереотипных представлений о мужском или женском образе оказывает влияние мифологическое представление о различиях полов, наиболее отчетливо выступающее при характеристике женщин, например, мифы о «злых началах» у женщин, которые идентифицировались с опасностью, таинственной, нередко злой силой. Прототипы подобных женщин можно найти в мифологии, античной литературе, исландских сагах. Мифологические образы являются одними из наиболее ярких, прочно укрепившихся в сознании людей. С каждым мифологическим существом связаны определенные ассоциации, каждое из них обладает специфическими как внешними, так и внутренними характеристиками, поэтому писатели и поэты часто используют имена мифологических персонажей для создания образов. Не является в этом плане исключением и творчество Т. Толстой.

В данной статье мы исследовали репрезентацию концепта «женщина» с помощью лексем, обозначающих мифологических существ. Образ женщины в рассказах Т. Толстой объективируют следующие лексические единицы, называющие мифологических существ: гурия, фурия, пери, фея, ундина, наяда, русалка, менада, тролль.

Лексема «гурия».

Гурии - хурии - в мусульманской мифологии - обительницы Рая, вечно юные и

ослепительно красивые девы. Они становятся женами погибших героев и просто достойных людей. В Коране Гурии называются «супругами чистыми», т. е. лишёнными как телесных, так и духовных недостатков [2].

Лексема «гурия» репрезентирует когнитивный признак «неземная красота, божественно красивая»:

«И в довершение унижения ветер распахнул дверь и показал райское видение: молодую, загорелую до орехового блеска, божественно точеную дочь бабы... Это зрелище не для смертных. Римма шла стиснув зубы: летний день почернел, судьба раздражила и посмеялась. И она уже знала, что купленная ею в последний момент, в отчаянном порыве блузка – дрянь...шелуха, обсосанная и сплюнутая голубоокой сирийской гурией» [1].

Лексема «фурия».

Фурии - Эринии, эвмениды в греческой мифологии три мифические девы-демоницы Тисифона, Алекта и Мигера - богини-духи мести. Они преследуют преступников, пока не убьют их. Вокруг них распространяется зловонный запах, который не всякий сможет вытерпеть - это и является наказанием, которое боги посылали провинившимся. Эринии обитают в царстве Аида и Персефоны, появляясь на земле, чтобы возбудить месть, безумие, злобу. С Эриниями отождествляются римские фурии («безумные», «яростные») [2].

Лексема «фурия» репрезентирует следующие когнитивные признаки:

1) «злобная, безжалостная»:

«Их уже двое, потом трое, они кричат, они воздевают огромные руки, они вращают глазами, огромными, как мельничные колеса, секунда – и они растерзают меня в клочья. Женщины, фурии, учительницы» [1];

2) «некрасивая, отталкивающая внешне»:

«Он сидел в парикмахерской и ждал жену. Через открытую дверь видна была тесная, перегороженная зеркальными барьерами зала, где три его ровесницы корчились в руках белокурых фурий. Можно ли назвать дамами то, что множилось в зеркалах? С возрастающим ужасом вглядывался Василий Михайлович в то, что сидело ближе к нему» [1].

Лексема «пери».

Пери (Пари) - в мифологии среднеазиатских и кавказских народов преимущественно женские добрые или злые духи, связанные с водной стихией и плодородием. Они нередко проявляют благосклонность к человеку, становятся женами героев, одаряют человека даром предвидения будущего, исцеляют его от болезней, предстают в виде очень красивых женщин [2].

Лексема «пери» репрезентирует следующие признаки: «внешне привлекательная», «желанная», «объект поклонения, любви»:

«И под локтем его возникла, завязалась откуда-то из воздуха, из цветного сигаретного дыма девочка-мотылек... Он махнул, чтобы дали еще розового спирта, боясь заговорить, спугнуть девочку, чудную пери, летучий цветок, и они сидели молча, удивляясь друг другу, как удивились бы, встретившись, козел и ангел» [1].

«...безумный юноша с помраченным от перевода дурных книг сознанием – требовал идти, бежать, разыскать Веру Васильевну – подслеповатую, бедную, исхудавшую, сиплую, сухоногую старуху, – разыскать, склониться к ее почти оглохшему уху и крикнуть ей через годы и невзгоды, что она – одна-единственная, что ее, только ее так пылко любил он всегда, что любовь все живет в его сердце больном, что она, дивная пери, поднимаясь голосом из подводных глубин, наполняя паруса, стремительно проносясь по ночным огнистым водам, взмывая ввысь, затмевая полнеба, разрушила и подняла его – Симеонова, верного рыцаря...» [1].

Лексема «фея».

Феи - в мифологии западноевропейских народов сверхъестественные существа в облике прекрасных молодых женщин или (редко) омерзительных старух (иногда – с крыльями). Наделены способностью творить чудеса и менять по желанию свой внешний вид. Бывают как добрыми, так и злыми. Их название связано с латинским словом *fatum* (судьба, жребий). Феи считаются самыми многочисленными, самыми красивыми из всех второстепенных сверхъестественных существ [2].

Лексема «фея» также репрезентирует когнитивный признак «внешне привлекательная, красивая», но в данном контексте лексема используется для сознания контраста, для противопоставления внешней привлекательности и грубой манеры поведения:

«Вот он сядет за стол и будет думать про Женщин. Однажды Мамочка взяла его с собой за город, на пляж, там их много было. Была там одна такая... волнистая такая фея... как собачка... понравилась Алексею Петровичу. Он близко подошел и стал смотреть: «Ну, чего не видел? – крикнула фея. – Отзынь отсюда, дебил!» [1].

Лексемы «ундина», «наяда», «русалка».

Эти лексемы обозначают мифологических существ, связанных с водой:

Ундина — в фольклоре народов Европы (германские сказания, поверья народов Прибалтики, отчасти древнегреческие мифы) — духи воды, русалки. Это прекрасные девушки, иногда с рыбьими хвостами, которые выходят из воды и расчесывают свои великолепные волосы, пением и красотой завлекая путников в глубины. Могут погубить их или сделать возлюбленными в подводном царстве [2].

Русалка — мифологическое и фольклорное человекоподобное существо, преимущественно женского пола (или дух), связанное с водоёмами. В русском фольклоре называется также шутиха, купалка, водяница, лоскотуха и другими прозвищами [2].

По традиционным русским представлениям, русалки внешне мало отличаются от людей, в поздней русской литературе и кинематографе под западным влиянием, образ русалки приобрёл в нижней части тела вместо ног плоский хвост, похожий на хвост рыбы. Западно-европейские русалки внешний вид унаследовали от художественных изображений гомеровских сирен, славянские сходны с древнегреческими нимфами. В целом русалки — существа опасные и враждебно настроенные по отношению к людям всех возрастов.

Наяды – в древнегреческой мифологии женское божество природы, живущее в источниках, полях и лесах. Каждая река, каждое озеро либо ручей в греческой мифологии имели свою наяду. Это веселое племя покровительниц вод, пророчиц и целительниц. Они относятся к потомкам Океана и Тефиды [2].

Данные лексемы репрезентируют когнитивные признаки: «неземная», «божественная», «женственная», «слабая», «беззащитная», «кокетливая»:

«Они смотрят на воду, они сидят у воды, они сами – вода, эти женщины начала века, ундины, наяды, глубокие омуты... Сырые и пышные, в платьях, подобных пене в полете, высоко подколов волнистые волосы..., укрыв лица кисеей, чтобы загар не пристал к сливочной коже, они сидят на морском берегу... Они сидят, они лежат, бескостные, струящиеся, охотно слабые, - чудное розовое, непропечённое тесто с цукатами родинок, тронь пальцем – останется ямка» [1].

«Вот они сидят и колышутся, - русалки, росянки; рассеянно слушают, как колышется внутри них их собственное, внутреннее море, рассеянно смотрят синими и зелеными глазами в зеленый и синий, бегучий и пляшущий на ветру внешний простор. Белые водовороты тел увенчаны шляпами, каждая, как клумба, как сад, как взбегающий на гору город» [1].

«...и вновь, нарастая подводным потоком, сбрасывая пыль, кружева и годы, потрескивала Вера Васильевна и представала томной наядой – неспортивной, слегка полной наядой начала века, - о, сладкая груша, гитара, покатаая шампанская бутылка!» [1].

«...он шархнулся от приветливой улыбки былой ундины, посмотрел с ужасом, от-вернулся и снова посмотрел. Она одобрила его, кокетливо кивнула головой... Внезапно лег-

ким движением она прихорошилась, пригладила остатки волос..., поправила давно отсутствующую вуальку. На прощание она улыбнулась мне улыбкой счастья: ведь на нее смотрели, ведь она нравилась» [1].

Интересно, что данные лексемы Т. Толстая использует только для описания женщин, живших в начале 20 века. Божества водной стихии, с ее изменчивостью, мягкостью, бесплотностью, легкостью наиболее ярко и полно отображают образ женщин начала 20 века. Для Толстой эти женщины – воплощение женственности, мягкости, изящества в противовес современным женщинам, в которых преобладает зачастую маскулинное начало.

Лексема «менада».

Менáды — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса. С древнегреческого менады переводятся, как безумствующие. Также назывались вакханками (по имени Диониса — Вакх), бассаридами — по одному из эпитетов Диониса — «Бассарей» [2].

Данная лексема репрезентирует когнитивные признаки «распущенная», «бесстыдная»:

«Дик и страшен лик свободы для того, кто пропустил два поколения. Долой искусство, да здравствует природа, порвем оковы и ботинки! Вместо молодых, приличных женщин – таборы босоногих цыганок, табуны мотоциклетных менад. Вместо платьев – ночные сорочки, вместо шляп – волосы, волосы, волосы» [1].

Лексема «тролль».

Тролли - в германо-скандинавской мифологии - великаны. Обитают внутри гор или поблизости, где они хранят свои сокровища. Они уродливые, обладают огромной силой, но глупы. Как правило, вредят людям, похищают их скот, оказываются людоедами. По другим легендам тролли были маленькими, чуть больше гномов с противными морщинистыми телами и жили они в норах в лесу или в пещерах в горах. Тролли от природы были настолько злобны, что могли убить человека просто из прихоти, по привычке [2].

Лексема «тролль» репрезентирует когнитивные признаки «уродливая», «жадная», «злобная»:

«Карлица оказалась старой, бешеной, злой, руками трогать вещи не позволяла. Василий Михайлович искоса разглядывал...фотографии, свидетельствующие о минувшей прелести лилипутки. Там, на снимках, ...счастливая, крошечная махала ручкой юная спекулянтка, через стекло, через время, через прошедшую жизнь. А здесь, выхватывая из шкафов вещи, метался взад-вперед злобный тролль, страж подземного золота...» [1].

Итак, можно сделать вывод, что в своих рассказах Т. Толстая использует для репрезентации концепта «женщина» лексемы, обозначающие мифологических существ, следующим образом. Данные лексемы объективируют когнитивные признаки концепта «женщина», связанные с оценкой внешней привлекательности: «неземная красота», «божественная», «красивая», «внешне привлекательная», «женственная», «некрасивая, отталкивающая внешне», «уродливая»; когнитивные признаки, связанные с оценкой характера и поведения: «злобная, безжалостная», «слабая», «беззащитная», «кокетливая», «распущенная», «бесстыдная», «жадная»; когнитивные признаки, связанные с восприятием женщины мужчиной: «желанная», «объект поклонения, любви».

Библиографический список

1. Т. Н. Толстая Река Оккервиль / Толстая Т. – М., 2005. – 464 с.
2. Д. Дж. Конвей Полная энциклопедия мифологических существ / Конвей Д.Дж. – М., 2001. – 224 с.

References

1. T.N. Tolstaya. The river Okkerville. – M., 2005. – 464 p.

2. D.J. Conway. The whole encyclopedia of mythological beings. – М., 2001. – 224 p.

УДК 801/3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Зиновьева О.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)248-19-22;
e-mail: oksana.s.fil@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor
Zinovieva O.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)248-19-22;
e-mail: oksana.s.fil@mail.ru*

О.А. Зиновьева

КОНЦЕПТ «ПЕТЕРБУРГ» В ПОЭЗИИ А.С.ПУШКИНА

В статье исследуются языковые средства выражения концепта Петербург в поэзии А.С.Пушкина. Рассматриваются географические, социально-исторические, культурологические особенности формирования концепта Петербург в поэзии А.С.Пушкина, выявляются особенности языковой репрезентации исследуемого поэтического образа, выделяются его когнитивные признаки.

Ключевые слова: концепт, концептуальные признаки, оним (имя собственное), пространство.

O.A. Zinovieva

THE CONCEPT «ST. PETERSBURG» IN A.S. PUSHKIN'S VERSE

The article concerns the ways of verbalization of the concept «St. Petersburg» in A.S. Pushkin's verse. Geographical, social, historical and cultural peculiarities of the concept are concerned, the cognitive features and the specific traits of the given image are analysed.

Key words: concept, cognitive features, personal name, space.

Петербург оказал большое воздействие на воображение многих поэтов, стал «феноменом, порождающим тексты», и в связи с этим сформировался особый «конструкт общего характера» – «Петербургский текст» русской литературы (и в целом русской культуры). Только в Петербургском тексте Петербург выступает как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное единство, противопоставленное тем разным образам Петербурга, которые стали знаменем противоборствующих группировок в русской общественной жизни [4, 9].

По словам В.Н. Топорова, Батюшков был, пожалуй, первым, кто за наличным бытием Петербурга узрел нечто общее и светлое, не только объединяющее разноплановые реалии в целое, но и подведшее к порогу открытия новых смыслов, которыми чреват Петербург. Первым же открывателем этих смыслов города суждено было стать Пушкину, у которого петербургская тема обрела самодовлеющую ценность и открыла новое широкое пространство для осмысления сути города, если угодно, его души [4, 5].

Ключевая лексема-топоним, представляющая концепт *Петербург*, входит в поэзию А.С.Пушкина в разных номинациях: как поэтическое имя греческого (*Петрополь*),

германского (*Петербург*) и славянского (*Петроград*) происхождения, а также как имя, соответствующее в своём написании голландскому звучанию: *Санкт-Питер*, *Питербург-городок* и как имя в его немецком звучании – *Петербург*.

Об исторической подоплёке имени Петербург размышляет и Вячеслав Иванов в статье «Переименовываемый город»: «Сам Пётр Великий и поэты XVIII века, а следом за ними Пушкин и поэты Пушкинской поры использовали и образованное на греческий лад «Петрополь»... В том же смысле и в сходной функции, что и грецизированное *Петрополь*, Пушкин и его современники вслед за Державиным употребляли словообразование «Петроград» как церковнославянизм, пригодный для поэтического высокого штиля» [1, 2]. По поводу происхождения и написания этого топонима исследователь заключает, что в народе «Петербург» «стали называть слегка изменённой (на самом деле старой) формой первой части словосложения (исходного голландского «Питер-бург»), лишь спустя десятилетие с лишним заменённого окончательно формой немецкого звучания «Петербург» (ср. в поэзии А.Кольцова встречается «Питенбург») [1, 2].

К теме «переименовываемый город» обращается и Г.Ф.Ковалёв. В своей статье «Санкт-питеръбургъ – Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург (отечественные писатели о названии культурной столицы России)» учёный рассматривает различные варианты употребления имени северной столицы в текстах А.Пушкина, М.Дмитриева, Г.Р.Державина, В.Маяковского, И.Бунина и др. и приходит к следующему выводу: «Имя культурной столицы, знакового для России города оказалось своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно определить отношение писателя к истории и идеологии, к пониманию Слова, Имени и тонкостей их эстетической ценности» [2, 234].

Рассмотрим специфику формирования концепта *Петербург* в творчестве великого поэта. Всего с топонимом *Петербург* собрано 16 примеров.

В процессе анализа лексического материала, отсылающего в пушкинской поэзии к образу *Петербурга*, нами были сформулированы основные признаки концепта *Петербург* в сознании поэта:

1. Петербург – молодой город, поражающий воображение.

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...
(Медный всадник, 1833)*

2. Петрополь и Петербург – поэтические названия Петербурга в XIX в.

<i>В тебе трудиться нет охоты, Садись на тройку злых коней, Оставь Петрополь и заботы, Лети в счастливый городок... (К Галичу, 1815)</i>	<i>Но время протечёт, И с каменных ворот Падут, падут затворы, И в пышный Петроград Через долины, горы Ретивые примчат... (К сестре, 1814)</i>
---	---

3. Петербург – скучный, холодный город, связанный с духом неволи.

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...
(Город пышный, город бедный..., 1828)*

4. Петербург – красивый культурный город, богатый памятниками архитектуры.

*Люблю тебя, **Петра творенье**,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,*

*Береговой её гранит...
(Медный всадник, 1833)*

5. Петербург – военная столица.

*Люблю, **военная столица**,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная Царица
Дарует сына в царский дом...
(Медный всадник, 1833)*

6. Петербург – антропоморфный образ (автор обращается к городу как к собеседнику).

*Красуйся, **град Петров**, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...
(Медный всадник, 1833)*

7. Петербург – город с особенностями своего ландшафта (ср. также младшая столица России («юный град») в противопоставлении старой столице – Москве и город, поражающий воображение).

*Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...
(Медный всадник, 1833)*

8. Петербург – народ, люди.

*А **Петербург неугомонный**
Уж барабаном пробуждён.
(Евгений Онегин, 1825)*

9. Петербург – населённый пункт.

*Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет невиц,
Вралих **Петрополя** богиня
Пред ним со страха пала ниц.
(Тень Фонвизина, 1815)*

10. Петербург – антитеза Москве.

*Пора! В Москву, в Москву сейчас!
Здесь **город чопорный, унылый**,
Здесь речи – лёд, сердца гранит...
(Ответ, 1830)*

11. Петрополь – город, подверженный наводнениям.

*К решёткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружён.
(Медный всадник, 1833)*

12. В поэзии А.Пушкина наблюдается отождествление двух различных образов, а именно: *Петербурга* и *Афин*. Петербург осмыслен как «мнимое» подобие греческого города Афины, образ которого отражает модель современного А.С.Пушкину социально-исторического пространства. *Петербург*, как и *Афины*, ассоциируется с неволей, богатством и праздностью, поэтому можно выделить и другой признак значения онима *Петербург*: «город, определяемый реалиями античного мира».

*Без слёз оставил я с досадой
Венки пиров и блеск **Афин**,*

*Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
(Ф.Н.Глинке, 1822)*

Ю.М. Лотман, анализируя текст стихотворения поэта «Ф.Н. Глинке», обратил внимание на особый конструктивный план содержания, в котором картина современной жизни столицы определяется общеисторическими реалиями античного мира: «на лексико-семантическом уровне мир, из которого изгнан поэт, в первой части стихотворения наделён некоторой (при всей поэтической условности этой географии) пространственной характеристикой. Это – Афины...» Значение подобной географической конкретизации, по мысли учёного, «колеблется между конкретно-вещественным образом картины из античного быта и представлением о том, что картина эта совсем не вещественна, а является лишь поэтическим эквивалентом понятия преследований в современном – прозаическом – мире и, наконец, проекцией на биографические обстоятельства изгнания автора из Петербурга» [4, 149].

Концепт *Петербург* соотносится с культурным объектом реальной действительности в пространстве многих исторических, культурных, географических и других смыслов. Знаковыми реалиями города, представляющими определённый «урбанистический» образ столицы, в творчестве Пушкина стали: *Нева, дворцы, башни, корабли, мосты, темно-зелёные сады, острова, узоры чугунных оград, Адмиралтейская игла, Марсовы поля*. Данные реалии структурируют пространство города, организуют его в тексте.

Физические параметры пространства Петербурга, в состав которых входят географические и климатические особенности города, в поэзии Пушкина даны в таких лексических представлениях, как *унылый город, свод небес зелено-бледный, скука, холод и гранит, омрачённый, как тритон, полночных стран краса и диво, прозрачный сумрак ночей, зима, полночная царица (о столице Петербург)*.

Исторический фон города передан такими реалиями, как *юный град, Петра творенье, пешотные рати, кони, военная столица*.

Через эмотивно-оценочную лексику с положительными и отрицательными характеристиками столицы формируется образ столичного пространства в его авторском восприятии: *пыльный, великой град, город чопорный, унылый город, город бедный, дух неволи, строгий стройный вид, неугомонный*, включающего также фрагменты индивидуально-авторского видения петербургской действительности: *санки, балы, девичьи лица ярче роз, холостая пирушка*.

Лексические средства экспликации концепта *Петербург* составляют различные определения (эпитеты), перифразы, метонимии, мифологемы.

Таким образом, анализ лексической экспликации концепта *Петербург* в поэзии А.С.Пушкина показал, что в основу содержания образа *Петербург* положены культурные и общеисторические реалии города; его образ условно идентифицирован с греческим полисом Афины, связан с образами мифологической реальности, предстаёт как статичное пространство (холодный, скучный, унылый город) в противопоставлении «старой», но «ветреной», «милой» и «родной» Москве.

Библиографический список:

1. Иванов В.В. Переименовываемый город // [http: kogni.ru](http://kogni.ru).
2. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 340с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С. -Петербург: Искусство-СПб., 2001. – 841с.
4. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные работы. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб., 2003. – 616с.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. – М.: Художественная литература, 1975. – 742с.

References

1. Ivanov V.V. The city renamed // [http: kogni.ru](http://kogni.ru).
2. Kovalyov G.F. *Writer. Name. Text.* – Voronezh, 2004. – 340p.
3. Lotman J.M. *On poets and poetry.* – SPb.: 2001. – 841p.
4. Toporov V.N. *Petersburg text of Russian literature.* – SPb.: 2003. – 616p.
5. Pushkin A.S. *Collected works in 10 vol.* – M.: 1975. – 742p.

УДК 802.0

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого
Старший преподаватель кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации
Аникушина М.В.
Россия, г. Тула, тел. +7(4872) 33-36-46;
e-mail: tomasha@inbox.ru

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University
The chair of Translation Studies and Intercultural Communication, senior teacher
Anikushina M.V.
Russia, Tula, tel. +7(4872) 33-36-46;
e-mail: tomasha@inbox.ru

М.В. Аникушина

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОПОВЕДИ ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ СВОЙСТВАМИ

В статье рассматривается проблема обусловленности когнитивно-дискурсивных особенностей проповеди, как жанра религиозного дискурса, ее функциональными характеристиками, а также приводится классификация функций проповеди в русле современной когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, религиозный дискурс, проповедь.

M.V. Anikushina

CONDITIONALITY OF COGNITIVE-DISCURSIVE FEATURES OF A SERMON ITS FUNCTIONAL PROPERTIES

The article is devoted to the conditionality of cognitive-discursive features of a sermon, as a genre of a religious discourse, its functional characteristics. The main functions of a sermon are presented due to the tendencies of modern cognitive linguistics.

Key words: cognitive linguistics, religious discourse, sermon

Как известно, религиозный дискурс наряду с деловым, политическим, производственным, является институциональным дискурсом, поскольку действие и взаимодействие индивидов происходит в определенной коммуникативной среде, в определённой общественной сфере коммуникации.

Однако необходимо отметить, что данный вид дискурса также может рассматриваться как прагматический [5], т.к. в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии, или, как их называет Т.А. ван Дейк, «контекстуальные макростратегии» [2]. Под стратегией, вслед за Е. В. Клюевым [4], мы понимаем «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели». Представление о способе объединения этих теоретических ходов в единое целое (коммуникативную стратегию) называется

«коммуникативной интенцией, которая и есть движущая сила коммуникативной стратегии» [4].

Таким образом, используя набор коммуникативных стратегий при порождении того или иного институционального дискурса, говорящий ставит перед собой цель и, следуя определенной коммуникативной интенции, разрабатывает свою коммуникативную тактику (как совокупность прагматических установок), что, безусловно, прослеживается в функциональном пространстве каждого дискурса.

Следовательно, реализация когнитивно-дискурсивных особенностей современной англоязычной христианской проповеди как жанра религиозного дискурса должна в совокупности находить свое отражение в ее функциональных характеристиках, каждая из которых представляет важный и неотъемлемый элемент общей религиозной стратегии проповеди – приобщения к христианской вере.

Проведенный нами анализ функциональных особенностей религиозного дискурса позволил разработать собственную классификацию функций современной англоязычной христианской проповеди [1]. К таким функциям относятся **фатическая, эмоционально-экспрессивная, репрезентативная, апеллятивная, коммуникативная, информативная** функции. Помимо представленной системы, мы включили в эту классификацию **объединяющую** функцию, выделяемую Н.Ю. Ивойловой в качестве одной из функциональных характеристик англоязычной христианской проповеди [3]. Кроме того, анализ материала исследования обосновал необходимость включения в упомянутую выше классификацию **прагматической** функции, которая рассматривается нами как одна из важнейших когнитивных установок проповедника в достижении главной цели религиозного общения – приобщении человека к христианской вере, воздействию на адресата и единении в вере.

Эмоционально-экспрессивная функция находит свое выражение посредством концептуальной метафоры и лингвистических единиц, обозначающих эмоции.

Реализация **репрезентативной функции** современной англоязычной христианской проповеди осуществляется посредством базисного концепта англоязычного религиозного дискурса «GOD». Под репрезентацией в религиозном дискурсе мы понимаем функцию представления и отражения фактов действительности единицами языка. В ходе исследования было установлено, что концептосфера проповеди структурируется посредством базисного концепта «GOD», который составляет многомерную основу христианского религиозного дискурса и проявляется в репрезентативной функции проповеди.

Фатическая функция проповеди находит свою реализацию в ее композиционных составляющих и предполагает установление контакта между участниками религиозного общения в процессе коммуникации. Реализация фатической функции наиболее ярко прослеживается в элементах сильной позиции текста проповеди (заглавии, эпиграфе, вступительной части), которые отбираются адресантом религиозного сообщения целенаправленно и служат средством привлечения внимания паствы к дальнейшему изложению сообщения проповедника.

Изучая средства адресации в проповеди в когнитивно-дискурсивном аспекте, мы обнаружили взаимосвязь **апеллятивной и объединяющей функций**, прослеживающуюся в ее метагендерном характере, что указывает на стремление священнослужителя объединить всех верующих в достижении общей религиозной цели.

Очевидно, что все указанные выше функции являются составляющими компонентами двух основных функций религиозного общения – **коммуникативной и информативной**, занимающих приоритетное положение в когнитивно-дискурсивных особенностях современной англоязычной христианской проповеди. **Коммуникативная функция** является значимой для проповеди как жанра религиозного дискурса, поскольку результатом данного вида коммуникации является установление необходимого контакта между участниками религиозного общения. **Информативная функция** проповеди занимает важное место в процессах религиозной коммуникации, обосновывая передачу информации от проповедника к пастве,

касающуюся норм морали, правил и установок общественной жизни, взаимоотношений между членами социума. Следовательно, можно утверждать, что проповедь выступает постоянным источником многомерной информации для верующего человека.

Кроме того, мы посчитали необходимым выделить **прагматическую** функцию проповеди, являющуюся особым связующим элементом между данным жанром религиозного дискурса в целом (со всем многообразием его частных функций) и прагматической целью коммуникативного религиозного процесса – приобщения к вере, воздействия на адресата и, как следствие, единения в христианской религии.

Таким образом, в случае сознательного использования проповедником совокупности рассмотренных выше функций, когнитивно-дискурсивные особенности проповеди представляют собой своеобразное средство достижения прагматической установки священнослужителя в пропагандировании христианской религии в обществе.

Библиографический список

- 1.Аникушина М.В. Когнитивно-дискурсивные особенности современной англоязычной христианской проповеди: дис. ... канд. филол. наук /М.В. Аникушина. – Т., 2010. – 195 с.
- 2.Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. / Т. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
- 3.Ивойлова Н.Ю. Строй текста современной христианской англоязычной проповеди (на материале английского языка): дис. ...канд. филол. наук / Н.Ю. Ивойлова. – Я., 2003. – 199с.
- 4.Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и вузов / Клюев Е.В. – М.: ПРИОР, 1998. – 224 с.
- 5.Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.

References

- 1.Anikushina M.V. Cognitive-diskursive features of the modern English-speaking Christian sermon: thesis. ... cand. sciences / M.V. Anikushina. – T., 2010. – 195 p.
2. T.Van Dejk. Language. Knowledge. Communication. – M: Progress, 1989. – 310 p.
3. Ivoylova N.U. Buidingl of the text of the modern Christian English-speaking sermon (on a material of the English language): thesis. ... cand. sciences / N.U.Ivoylova. – Ja, 2003. – 199 p.
4. Kljuev E.V.Speech communications studies: manual book for universities and high schools / Kljuev E.V. – M: PRIOR, 1998. – 224 p.
5. Mironov N.N. Discourse-analisis of estimated semantics / N.N.Mironov. – M: NVI – THESAURUS, 1997. – 158 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать: УДК, сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив), инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру), название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются), аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине), ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине), основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом), **библиографический список** на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов). Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз.** Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт, обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт, обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1].**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся.** Затем следует пробел в 1 интервал и приводится список источников по порядку их упоминания в тексте. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. Оформлять библиографический список необходимо по ГОСТу 7.1-2003.

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №8, 2012 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____ 2012. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 11. Усл.-печ. л. 12. Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84